

ARCHAEOLOGICA VARIA

С. А. Васильев, Ю. Е. Берёзкин,
А. Г. Козинцев

**СИБИРЬ
И ПЕРВЫЕ
АМЕРИКАНЦЫ**

Санкт-Петербург
2011

СЕРИЯ «ARCHAEOLOGICA VARIA»

Редакционный совет:

С. И. Богданов, Ю. А. Виноградов, Б. В. Ерохин, В. П. Никоноров, Ю. Ю. Пиотровский,
Э. В. Ртвеладзе, А. В. Симоненко, Ю. С. Худяков

Editorial Board:

Sergej I. Bogdanov, Boris V. Erokhin, Yulij S. Khudjakov, Valery P. Nikonorov,
Yurij Yu. Piotrovsky, Edvard V. Rtveladze, Aleksandr V. Simonenko, Yurij A. Vinogradov

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
PETER THE GREAT MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Sergey A. Vasil'ev, Yuri E. Berezkin, Alexander G. Kozintsev

**SIBERIA
AND FIRST AMERICANS**

2nd edition

St. Petersburg State University
Faculty of Philology
St. Petersburg
2011

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО

С. А. Васильев, Ю. Е. Березкин, А. Г. Козинцев

**СИБИРЬ
И ПЕРВЫЕ АМЕРИКАНЦЫ**

2-е издание

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург
2011

ББК 63.51+63.4

В19

Авторы:

Введение — С. А. Васильев, Ю. Е. Березкин; гл. 1, 2 — С. А. Васильев;
гл. 3, 4 — Ю. Е. Березкин; гл. 5 — А. Г. Козинцев; гл. 6, заключение — Ю. Е. Березкин.

Васильев, С. А., Березкин, Ю. Е., Козинцев, А. Г

В19 Сибирь и первые американцы. 2-е изд. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. — 176 с., ил. — (Archaeologica Varia).

ISBN 978-5-8465-1117-0

Книга посвящена одной из основных проблем мировой истории — заселению человеком Нового Света, древнейшим археологическим памятникам Америки, связям культур Сибири и Америки. Отечественному читателю впервые представлена полная сводка современных сведений на междисциплинарной основе, включая данные четвертичной геологии, палеогеографии, палеонтологии, археологии, этнографии, антропологии, генетики, лингвистики, фольклористики, мифологии и др. Ввиду многообразия затрагиваемых исследовательских тем книга, ориентированная на широкий круг читателей, полезна также студентам университетских кафедр археологии и этнографии, представителям смежных наук.

ББК 63.51+63.4

Vasil'ev, Sergey A., Berezkin, Yuri E., Kozintsev, Alexander G.

Siberia and First Americans. 2nd ed. — St. Petersburg : Faculty of Philology of the St. Petersburg State University, 2011. — 176 p., ill. — (Archaeologica Varia).

The book is devoted to one of the main problems of prehistory, the peopling of the New World, the oldest archaeological sites of the Americas, connections between prehistoric cultures of Siberia and America. For the first time a comprehensive review of relevant evidence (including Quaternary geology, paleogeography, paleontology, archaeology, ethnography, physical anthropology, genetics, linguistics, folklore studies, mythology, etc.) based on the multidisciplinary approach, has been presented to the Russian audience. Due to the wide scope of the research topics under consideration, the book, oriented toward a general audience, could be useful for the students of the departments of archaeology and ethnography as well as scholars from related fields. The book is written by the scholars from leading Russian academic institutions, the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) and the Institute of the History of Material Culture.

Настоящее издание осуществлено при поддержке гранта РГНФ № 08-01-93212 а/к, гранта Санкт-Петербургского научного центра РАН и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

ISBN 978-5-8465-1117-0

© С. А. Васильев, Ю. Е. Березкин, А. Г. Козинцев, 2011
© Филологический факультет СПбГУ, 2011
© С. В. Лебединский, оформление, 2011

ВВЕДЕНИЕ

Америку недаром зовут Новым Светом. Дело не только в том, что европейский мир открыл для себя новый неизведанный континент в эпоху, когда существование дальних стран Азии и Африки было давно не в диковинку. Речь идет о гораздо более древней истории. Америка исторически явилась последним континентом, освоенным человеком. Зародившись в Африке, люди современного типа распространились в Европу и Азию и даже освоили острова Юго-Восточной Азии и австралийский материк. Единственной областью Земли, где не ступала нога человека, оставалась Америка.

С момента проникновения европейцев в Новый Свет пытливые умы задавались вопросом об истоках коренного населения континента. Экзотический облик украшенных перьями аборигенов породил немало догадок. Как только не именовали индейцев, какие только фантастические версии их происхождения не обсуждались! Потомки финикийских мореплавателей или обитателей легендарной Атлантиды, «пропавшие колена Израиля» и т. д. — всего не перечтешь. В 1787 г. будущий президент США и (редкое сочетание) один из первых американских археологов Томас Джефферсон высказал мнение о сходстве индейцев с обитателями Восточной Азии и о вероятности их азиатского происхождения.

Той же проблемой заинтересовались русские путешественники, осваивая территорию Нового Света со стороны Тихого океана. Один из участников экспедиций Беринга, натуралист Георг Стеллер (он обессмертил свое имя, описав стеллерову корову — быстро истребленное жадными добытчиками морское животное), полагал, что некогда Чукотка и Аляска соединялись сушей между собой и обитатели Камчатки и Америки «произошли от одного поколения». Все это, разумеется, долгое время оставалось умозрительными предположениями.

Под впечатлением находок ископаемого человека в Европе американские ученые и любители археологии в конце XIX в. тоже с энтузиазмом занялись поисками древнейшего человека. Многократно объявлялось об открытии собственного американского палеолита. Увы, всякий раз «палеолитические древности» оказывались относящимися к значительно более поздним периодам. Серия разочарований породила скептическое отношение к самой возможности найти следы человека ледникового периода в Новом Свете. Появилось даже мнение об относительно позднем заселении человеком Америки, поддерживаемое авторитетными в ту пору специалистами.

Всё изменил случай. На отдаленной ферме американского юго-запада чернокожий ковбой (опять-таки редкое сочетание!) Джордж Макджанкин проверял проволочную изгородь после мощного ливня. В размытой стенке оврага он увидел

кости очень крупного бизона. Спустя долгое время, уже после смерти самого Макджанкина, весть об этой находке достигла Музея естественной истории Колорадо. Директор музея Джесси Фиггинс вместе с палеонтологом Харольдом Куком начали раскопки, сперва ориентированные на получение скелета ископаемого бизона для экспозиции. Но вскоре в руках ученых оказались залежавшие между ребер бизона тщательно выделанные наконечники. По имени пункта находки в Нью-Мексико наконечники получили название «фолсом».

Итак, реальность американского палеолита стала очевидной даже для отъявленных скептиков. Кости ископаемого бизона в сопровождении каменных наконечников копий — несомненное свидетельство охоты древнего человека на представителей вымершего вида. Вдохновленные успехом коллег, археологи начали обследовать овраги юго-запада, и находки последовали одна за другой. Для обозначения этих древних культур был предложен термин «палеоиндейцы». Оказалось, что наконечники фолсом представляют позднюю фазу культуры древнейших обитателей Америки. Для более ранней фазы культуры, где вместе с отличающимися по форме наконечниками встречались кости уже не бизона, а мамонта, было выбрано название «кловис». С тех пор усилиями нескольких поколений археологов в Новом Свете были открыты сотни стоянок древнейшего человека. Основываясь на поразительном разнообразии форм каменных наконечников, археологи выделили различные сменявшие друг друга культуры, о которых речь пойдет ниже.

Еще до Второй мировой войны ботаник Эрик Хюльтен, изучавший сходные виды растений по обе стороны Тихого океана, ввел в науку понятие «Берингия», первоначально обозначавшее существовавшую некогда сушу, связывавшую в единое целое Азию и Америку. Затем понятие было расширено, и в наше время исследователи называют Берингией или Большой Берингией все пространство северо-востока Азии и северо-западной оконечности североамериканского материка — от долины Колымы на западе до реки Маккензи в Канаде. Везде на этом протяжении мы находим массу общих видов растительного и животного мира, ясно указывающих на некогда существовавшее единство этой области.

Динамика археологических изысканий в Южной Америке была примерно такой же, как и в Северной — от фантастически древней датировки некоторых индустрий, известных по подъемному материалу, к тенденциозному стремлению максимально удревнить раскопанные памятники и, наконец, к более или менее взвешенной оценке фактов. По понятным причинам южноамериканский континент, особенно области к востоку от Анд, археологически изучен намного хуже североамериканского. Опорными являются материалы по крайнему югу (так называемому Южному Конусу — Чили, Аргентине, Уругваю и юго-западной Бразилии) и по Андам.

С момента открытия следов пребывания древнейшего человека в Новом Свете в 20-е гг. прошлого века американские ученые стали уделять пристальное внимание древностям Сибири. Исследователи палеолита Сибири, в свою очередь, также заинтересовались данными по североамериканской археологии. Свидетельство этого глубокого давнего взаимного интереса — ряд фундаментальных

публикаций, вышедших в свет по обе стороны Тихого океана, а также совместные конференции и научные обмены. Причина подобного интереса понятна — ведь речь идет о несомненном факте первоначального заселения Америки из Азии через берингийскую сушу.

* * *

Основная задача предлагаемой вниманию читателя книги — предоставить сводку современных сведений о первоначальном заселении человеком Нового Света, включая данные геологии, палеогеографии, палеонтологии, археологии, этнографии, фольклористики и др.

Проблема происхождения коренного населения Америки — это сложнейшая комплексная задача, для решения которой необходимо объединить усилия представителей различных наук, как естественных, так и гуманитарных.

Прежде всего нам не обойтись без сведений по четвертичной геологии и палеогеографии, создающих ту естественноисторическую основу, без которой невозможна реальная реконструкция ранней истории человечества. Облик нашей планеты 10–15 тыс. лет назад разительным образом отличался от современного. Огромные пространства севера Евразии и Америки были покрыты ледниковыми щитами, вбиравшими в себя массу воды. За счет этого уровень Мирового океана падал, и обширные пространства современных морей и проливов осушались, создавая своего рода сухопутные мосты между континентами. Существование берингийского моста позволило предкам индейцев без труда проникнуть на территорию современной Аляски, но далее дорогу им преграждали ледники.

Главной дисциплиной, изучающей далекое прошлое человечества, является археология. Только находки очевидных следов человеческой деятельности в надежном, хорошо датированном контексте однозначно свидетельствуют о заселении людьми той или иной территории в определенное время. Открытия, сделанные «в кабинете», полученные на основании косвенных данных, путем изучения современной культуры, бывают чрезвычайно важны, но лишены той очевидной убедительности, которой обладают материалы, полученные в ходе раскопок. К сожалению, значительная часть следов, оставленных первыми мигрантами в Америку, скрыта от нас на дне моря. После окончания ледниковой эпохи затопленными оказались не только многие районы древней Берингии, но и морские побережья, по которым скорее всего люди двигались с Аляски на юг. Если затопленная полоса вдоль Тихого океана чаще всего измеряется километрами, то вдоль Атлантического — порой сотнями километров. Лишь в редчайших случаях удастся извлечь из-под воды древние артефакты; большинство подобных материалов безвозвратно утрачено.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, необходимо сказать несколько слов по поводу того, откуда берутся постоянно упоминаемые нами даты. Для интересующего нас периода основным способом определения древности остатков является радиоуглеродный метод, основанный на подсчете содержания

в образце радиоактивного изотопа углерода C^{14} . Для датирования подходят все вещества, содержащие органику, — дерево, кость, уголь. Но полученная таким образом дата не является абсолютной, она указывает лишь на вероятность в определенном интервале. Соотношение реальной и радиоуглеродной хронологии — особая и лишь относительно недавно поднятая тема. Дело в том, что по отношению к «обычному» (т. е. привычному для нас астрономическому времени, основанному на циклах обращения Земли вокруг Солнца) радиоуглеродное время то «сжимается», то «растягивается». Поэтому учеными на основе изучения кривых древесных колец (дендрохронология) и слоистых морских осадков созданы калибровочные кривые — графики, позволяющие перевести радиоуглеродную дату в реальную. К сожалению, пока достоверно можно говорить о калибровке только для отрезков в пределах 26 тыс. лет; для более раннего времени приходится довольствоваться условными (конвенционными) числами. В дальнейшем мы будем оперировать только калиброванными датами, что для рассматриваемого в книге периода ведет к удревнению ранее принятых дат примерно на 1,5–2 тыс. лет.

Раскрыть тайну происхождения индейцев существенно помогает изучение костных остатков древних людей. Увы, антропологические находки ледникового периода единичны и фрагментарны как в Сибири, так и в Америке. Скорее всего люди в то время, как правило, оставляли покойников на поверхности земли или на деревьях и не захоранивали. Чрезвычайно большое значение имеют находки, сделанные в Бразилии, — хорошо сохранившиеся ранние костяки, прежде всего женщины из пещеры Лапа-Вермелья. Антропологические особенности черепов позволяют отнести этих людей к доамериканоидному (протомонголоидному, если не австралоидному) раннему субстрату. Есть аналогичные данные и по другим территориям, в частности горной Колумбии. Интересные результаты получены при сравнении генетики современных и древних популяций человека в Азии и Америке. Изучение женских (митохондриальная ДНК) и мужских (Y-хромосома) генетических линий говорит в пользу происхождения индейцев от одной предковой группы, наиболее близкой к современным монголоидам. Однако оценки времени существования такой группы разноречивы, а сама ее однородность также оспаривается.

Вклад языкознания в изучение происхождения американских аборигенов пока сравнительно скромнен. Общепризнанных доказательств родства между языками Северной и Южной Америки, а также Америки и Азии, нет. Наиболее убедительные доводы представлены в пользу родства языков на-дене (атапаски, ияк, тлинкиты) с енисейскими языками (и далее, вероятно, с сино-тибетскими и некоторыми другими). Есть также основания допускать родство языков эскимосов и алеутов с алтайскими и уральскими, которые, согласно мнению ряда видных лингвистов, вместе с некоторыми другими языковыми семьями Евразии образуют так называемую ностратическую макросемью. Но, даже если все эти выводы подтвердятся, речь идет лишь о языках крайнего севера и северо-запада Северной Америки, скорее всего проникших в Новый Свет позже других. Для языков Южной Америки никаких мало-мальски обоснованных гипотез родства с языками

Старого Света не предлагалось. Значительная часть языков, распространенных в период первых европейских контактов на этом континенте, а также на востоке Северной Америки, бесследно исчезла. Многие южноамериканские языки описаны плохо и не дают надежной основы для сравнения.

Более результативным оказалось сопоставление мотивов, которые содержатся в мифах и сказках индейцев и обитателей Старого Света. Сейчас можно уверенно говорить о том, что «продолжительность жизни» подобных мотивов значительно превышает время существования известных нам языковых семей, поскольку основное содержание повествовательных текстов не меняется при переводе с одного языка на другой. Собранный и обработанный материал по фольклору и мифологии огромен и исчисляется десятками тысяч текстов. Правда, данные по востоку Северной Америки и югу Южной Америки не столь обильны, как по Гвиане или Аляске, но белых пятен все же немного. Фольклор американских аборигенов обнаруживает несомненные параллели в определенных районах Азии. Наши данные указывают на участие в заселении Нового Света по меньшей мере двух популяций с очень разной культурой, а также о вероятном наличии в каждой из этих популяций более мелких отличавшихся друг от друга групп. Один комплекс мифологических мотивов, в наиболее чистом виде представленный в Латинской Америке, имеет очевидные индо-тихоокеанские параллели. Другой представлен почти исключительно в Северной Америке и объединяет этот континент с Южной Сибирью и Центральной Азией.

* * *

С заселением Нового Света и дальнейшим развитием местных культур связаны и другие волнующие проблемы. Не будет преувеличением сказать, что от решения некоторых из них зависят наши взгляды на социальную эволюцию в целом. Вот вкратце суть проблемы. Вплоть до 1930-х гг. специалисты по древним обществам плохо представляли себе, в какую «ячейку» им поместить американских индейцев. Цивилизации Мексики и Перу оставались практически за пределами поля зрения историков. Индейцы интересовали главным образом этнологов, чье внимание привлекали, однако, не столько цивилизации, сколько племенные общества. Помимо естественного желания описать неизвестные науке культуры, этнологи выражали надежду на примере индейцев выявить характерные особенности «первобытных» народов вообще. Северная Америка имела то преимущество, что подобные народы были там легко доступны для изучения. Не случайно автором первого этнографического исследования, осуществленного не по сведениям, почерпнутым из книг путешественников и миссионеров, а на основе прямых собственных наблюдений, был Льюис Г. Морган. Ирокезы, среди которых он работал в 1840-х гг., жили не в тропических лесах за морями, а в штате Нью-Йорк.

К началу XX в. в распоряжении антропологов оказались две концепции. Первая — эволюционизм, точнее — стадиялизм, сложившийся в третьей четверти XIX в. Английские и американские эволюционисты того времени предполагали,

что все общества проходят в своем развитии одинаковые ступени. Согласно Л. Г. Моргану, например, они развиваются от родового строя к государству. Разнообразие догосударственных обществ соответствует более мелким, дробным этапам на пути к цивилизации. Для определенных форм общественной организации характерны определенные типы орудий и материалы для их изготовления — лук и стрелы, бронза, железо и т. п. Сведений об Америке эпохи испанского завоевания в XIX в. было мало, а о более ранних эпохах данных не было вовсе. Заметив противоречивое сочетание «стадиальных» признаков у ацтеков, Л. Г. Морган все же поместил этих индейцев среди не достигших цивилизации «варваров», поскольку у ацтеков были «роды».

Другая концепция, ставшая популярной в начале XX в., — миграционизм. Еще в конце XIX в. немецкий географ Фридрих Ратцель предположил, что культуры менялись по мере переселения людей на новые территории, где мигранты приспосабливались к изменившимся природным условиям и к новым соседям. Идея эта взята из биологии и в основе своей возражений не вызывает, но возникли затруднения с ее использованием в антропологии. В биологии речь идет об образовании новых видов; а что соответствует виду в культуре? И еще: эволюционисты (Л. Г. Морган, Э. Тайлор, К. Маркс, наконец) предлагали простые и даже неспециалисту понятные схемы, позволяющие в общих чертах описать историю человечества. Правильны эти схемы были или нет, но они вполне соответствовали кругозору образованных людей конца XIX в. Чтобы быть услышанными, миграционисты тоже должны были предложить нечто доступное и простое. В результате культурное разнообразие человечества немецкие этнологи начала XX в. свели к немногочисленным комплексам черт — «культурным кругам». Распространение и взаимодействие подобных комплексов и породило, по их мнению, ту картину, которая стала открываться взору европейцев в эпоху Великих географических открытий. В Англии нашлись фантазеры, которые даже появление цивилизаций Мексики готовы были приписать импульсам, шедшим исключительно из Египта.

Несмотря на очевидную для нас нелепость подобных предположений, они, как и идеи стадиализма, воспринимались тогдашней европейской публикой с интересом и доверием. Образованные европейцы начала XX в. перестали уже относить Всемирный потоп к числу достоверных событий, но в Атлантиду многие продолжали верить. Никакой надежно реконструируемой, основанной на фактах картины доисторического мира все еще не было. Время распада индоевропейской семьи языков было тем крайним пределом, для которого исторические реконструкции опирались на конкретные доказательства.

Модели исторического развития, которые предлагали стадиалисты и миграционисты, дополняли друг друга. Миграционизм снимал неразрешимую с точки зрения классического эволюционизма проблему неравномерности развития в отдельных районах мира. Эволюционизм открывал возможность расставить по ступенькам сами «культурные круги» и давал ответ на вопрос, почему развитие — если взять человечество в целом — все же осуществляется по восходящей. Причиной такого развития провозглашались «законы истории». Крупные антро-

пологи на них, естественно, не ссылались, но для публички ссылок на «законы» обычно бывало достаточно.

В 1890-х гг. Франц Боас, американский антрополог немецкого происхождения, показал, что у стадиализма нет надежных оснований и масштабность исторических выводов плохо соответствует скудости источниковедческой базы. Совершенно не очевидно, что все общества развиваются в одном направлении и что в отдаленном прошлом европейцы напоминали первобытных индейцев, а атапаски или карибы когда-либо в будущем могли бы «развиться до уровня» европейцев. Концепция Ф. Боаса получила название исторического партикуляризма: следует изучать отдельные культуры, проследивать распространение одинаковых черт, свойственных соседним культурам, но пытаться расставлять культуры по ступенькам, группировать по универсальным типам — неправомерно. Столь же ненадежно реконструировать далекие миграции и культурные связи, основываясь на сходстве отдельных черт культуры и даже их комплексов: для этого надо сперва разобраться с механизмами культурогенеза, оценить вероятность независимого появления одинаковых признаков. Ф. Боас был осторожен и никогда не ставил вопросы, ответы на которые получить в его время было заведомо невозможно. Проблемой первоначального заселения Нового Света он соответственно не занимался. В первые десятилетия XX в. основные положения Ф. Боаса приняли и его многочисленные ученики.

Стадиализм и миграционизм страдали одним и тем же дефектом. Сторонники этих концепций опирались главным образом на данные этнографии, которая, взятая сама по себе, не позволяет реконструировать прошлое. Археология же в начале XX в. не накопила еще материалов для реконструкций, особенно в отношении внеевропейского мира. Ф. Боас и А. Рэдклиф-Браун, лидеры антропологии в США и Великобритании, не верили в познавательный потенциал археологии и не интересовались ею.

Революция в представлениях о прошлом произошла в середине XX в. Ученик Ф. Боаса, американский этнолог Джулиан Стьюард, пришел к выводу, что, хотя культуры и общества развиваются закономерно, эти закономерности не универсальны, но специфичны для отдельных районов мира. Разные пути эволюции обусловлены разнообразием природных условий. Некоторые аспекты среды играют особо важную роль в определении путей развития. Если подобные ключевые признаки одинаковы, то и общества станут эволюционировать в одном направлении. Д. Стьюард пришел к выводу, что древние цивилизации Мексики и Перу, с одной стороны, и Передней Азии с другой — похожи, причем похожи системно, ибо развивались в относительно сходной природной среде (пустынные оазисы, сухие субтропические долины). Ключевую роль в генезисе данных культур играло искусственное орошение. Переход к ирригации или к другим формам мелиорации земель обеспечивал демографический рост, а увеличение числа работников позволяло все больше расширять площадь обрабатываемых земель. Американские цивилизации на две-три тысячи лет задержались в развитии по сравнению с ближневосточными, но сам ход развития по обе стороны Атлантики был одинаковым.

Д. Стьюард работал главным образом с материалами этнографии, однако учитывал и быстро накапливавшиеся данные археологии, особенно перуанской. Исследователи его школы пришли к выводу, что существуют четыре стадии развития обществ — бродячая группа, племя (или автономная деревня), вождество, государство. Схема эта была, конечно, стадиалистской, но, в отличие от эволюционизма XIX в., речь здесь шла только о политической организации, обусловленной главным образом плотностью и численностью населения. Материалы археологии древнего Перу, а затем и других областей Нового Света схему эту вроде бы подтверждали: в 1960–1970-х гг. было опубликовано немало красивых и убедительных доказательств того, почему определенные древние общества следует относить к категории вождеств или же к категории ранних государств.

В 1920–1940-х гг., т. е. одновременно с Д. Стьюардом или немного раньше его, английский археолог новозеландского происхождения Гордон Чайлд, работая на материалах Европы и Ближнего Востока, выдвинул концепцию двух революций — неолитической и городской. Первая характеризовала изменения в культуре, обусловленные переходом к производящему хозяйству, вторая — переходом к профессиональному ремеслу, городской жизни и государственности. Взгляды Г. Чайлда были ближе к классическому эволюционизму, чем воззрения Д. Стьюарда, и в этом смысле достаточно архаичны, но у его концепции имелись и сильные стороны. Во-первых, Г. Чайлд в своем видении доистории удачно сочетал эволюционизм с диффузионизмом (культурные новшества распространяются из первоначальных очагов на периферию). Его спонтанные революции, неолитическая и городская, происходили на Ближнем Востоке; в Европе же культурные достижения не были результатом параллельного независимого развития, они проникли сюда из Передней Азии и Египта. Такой подход можно было бы назвать эклектическим, но, как сейчас ясно, именно он в общем и целом соответствовал реальной картине. Во-вторых, триумф Г. Чайлду обеспечили утверждения о подлинной революционности, т. е. о кардинальности и скорости тех перемен, которые сопровождали на Ближнем Востоке переход к производящему хозяйству и особенно к городской цивилизации. Нигде в мире подобные «революции» больше не происходили, они были обусловлены уникальным сочетанием исторических и природных условий в Передней Азии. Однако в середине XX в. эту уникальность еще трудно было заметить, и казалось, что Г. Чайлд открыл именно мировой закон.

Идеи Д. Стьюарда и Г. Чайлда вызвали невиданный энтузиазм среди археологов. Три послевоенных десятилетия стали периодом настоящего бума археологических исследований как на Ближнем Востоке, так и в Америке. Чайлдовские революции и «четырёхчленка» стьюардовской школы были приняты за шаблоны, с которыми исследователи сверяли свои материалы — подходит или нет? Вопросы более глубокой предыстории, касающиеся заселения Нового Света или же ближневосточного палеолита, не то чтобы отошли на второй план, но оказались вне прямой связи с изучением сложных обществ. Если все важное начинается с окультуривания растений, то происходившее раньше оказывается лишь прологом

истории, подготовкой к ней. История разделилась на две эпохи. Мир после «неолитических революций» стал культурно разнообразным, его развитие — разнонаправленным и неравномерным по темпам. Мир до таких революций продолжал оставаться почти столь же монотонным, как и в представлениях ранних эволюционистов. Молчаливо предполагалось, что в эпоху палеолита культурные вариации не были настолько существенны, чтобы значимо повлиять на дальнейшую эволюцию. Она начиналась как бы с нуля, подчиняясь логике стьюардовских «путей развития» — «магистрального», реализованного в благоприятных условиях и ведущего к цивилизации, и остальных, столь быстрым прогрессом не сопровождавшихся.

Для подобного видения прошлого имелись, конечно же, основания. Так, окультуривание растений и одомашнивание животных на Ближнем Востоке, в Восточной Азии, Мексике и Перу началось не то чтобы уж совершенно синхронно, но все же с небольшим разбросом во времени — 9–12 тыс. лет назад. Объяснить это можно было сочетанием двух факторов, действовавших не локально, а глобально. Постепенное и повсеместное накопление положительных знаний о природе закономерно и повсеместно привело к соответствующим «открытиям», а изменения климата в конце плейстоцена способствовали тому, что открытия были сделаны именно 9–12 тыс. лет назад.

Однако с середины 1970-х гг. сходство исторического развития в центрах цивилизаций начали ставить под сомнение. Поиски вожеств на Ближнем Востоке в эпоху энеолита оказались столь же непродуктивны, как и попытки описать историю доколумбовой Америки в терминах Г. Чайлда. Не нашлось фактов в пользу существования небольших, но централизованных политических объединений в культурах Месопотамии VI–V тыс. до н. э., и ни один из периодов в истории Мезоамерики и Центральных Анд не удалось сопоставить с докерамическим неолитом Б (временем формирования на Ближнем Востоке земледельческо-скотоводческого хозяйства) или с Уруком (первой в мире цивилизацией, возникшей в середине IV тыс. до н. э. на юге Двуречья). Пусть первые опыты выращивания растений в Старом и в Новом Свете начались примерно одновременно, но как по-разному все пошло дальше! В Передней Азии окультуривание зернобобовых растений практически моментально привело к переходу от собирательства к земледелию, тогда как в Америке земледелие оставалось вспомогательной отраслью хозяйства на протяжении еще нескольких тысяч лет (по какому пути развивался Китай, до сих пор не вполне ясно). В древнем Перу строители монументальных храмовых комплексов III–II (а возможно, и второй половины IV) тыс. до н. э. ловили рыбу и выращивали на полях хлопок и тыкву-горлянку, чтобы делать сети и поплавки: никаких параллелей такой экономике в Старом Свете мы не найдем. На верхнем Евфрате первые монументальные общественные сооружения появились в X тыс. до н. э., непосредственно до окультуривания пшеницы и ячменя. Затем, вплоть до появления Урукской цивилизации, монументальное строительство на Ближнем Востоке подобных масштабов больше не достигало. В низовьях Миссисипи грандиозный монументальный центр Поверти Пойнт, относящийся ко II тыс. до н. э., также существовал в эпоху, когда земледелие значения не имело.

Число подобных известных нам уникальных явлений в дописьменной истории год от года лишь увеличивается.

Итак, пока исследователи сравнивали древние культуры, фиксируя появление некоторых основных новшеств (земледелие, металлургия, монументальные сооружения, письменность), Ближний Восток, Индия, Китай и Америка выглядели аналогично. Отдельными аномалиями вроде отсутствия металлов у майя, настоящей письменности в древнем Перу, существенной имущественной дифференциации захоронений в Хараппе можно было пренебречь. Но стоило приглядеться к более конкретным культурным проявлениям — и различия между цивилизациями стали гораздо чаще бросаться в глаза, нежели их сходство друг с другом.

С конца 1970-х до середины 1990-х гг. осуществился второй — после стьюардовско-чайлдовского — важнейший переворот во взглядах на характер исторического процесса. В данном случае невозможно сказать, чьи конкретно работы привели к изменению «парадигмы». Это произошло постепенно, сама логика исследований заставила отказаться от прежних схем. Главным было накопление фактов и повсеместное повышение требований к достоверности доказательств. Распространение постмодернизма и мистицизма в современном обществе, отсутствие интереса к познанию мира у большинства населения даже самых передовых в научном отношении стран, неразличение людьми реальности и фантомов парадоксальным образом сопровождается ныне быстрым ростом разрешающей способности самой науки, в том числе исторических дисциплин. Археологи всё детальнее оконтуривают ареалы культур, всё точнее определяют их возраст, всё конкретнее и надежнее реконструируют социальную организацию их создателей. Появилась популяционная генетика; предложена гипотеза африканской прародины человека современного вида и намечены пути его расселения по другим континентам. Изучение генетических линий культурных растений и домашних животных также привело к важнейшим открытиям. Прогресс теоретической мысли в области этнологии заставил пересмотреть многие прежние заключения. Так, стало ясно, что даже наиболее простые общества, такие как бушменское и австралийское, могут разительно отличаться друг от друга и что вождество не является единственно возможной формой организации сложных догосударственных обществ.

Сейчас вполне очевидно, что самые, казалось бы, универсальные, но разработанные на европейских материалах категории, такие как «мезолит», «неолит», «энеолит», «бронзовый век», не находят прямых соответствий в материалах Нового Света, а этапы развития европейского палеолита не обнаруживают соответствий в Африке. Прошлое человечества стало восприниматься не как смена стадий, эпох, а как взаимодействие конкретных сообществ, каждое со своим уникальным набором признаков. Некоторые из сообществ быстро эволюционировали, порождая совершенно новые формы культуры и социальной организации, а другие тысячелетиями сохранялись в почти неизменном виде. Все это происходило не благодаря реализации неких всеобщих законов (и, разумеется, не из-за врожденного превосходства одних групп людей над другими), а в результате взаимодей-

ствия множества конкретных, порой уникальных, обстоятельств и множества факторов эволюции.

Данный подход вовсе не является возвращением к боасовскому партикуляризму. Неповторимость отдельных культур не означает, что в истории вовсе нет общих тенденций. Такие тенденции (но не законы) мощно проявляют себя, но лишь при глобальном и эпохальном взгляде на вещи. Касаются они прежде всего демографии, динамики роста населения, уровня технологической оснащенности и энергетической обеспеченности обществ, и могут быть описаны математически. Закономерности проявляются и на микроуровне, при исследовании тех взаимоотношений между отдельными людьми и небольшими коллективами, которые изучает социология. Но всё, что находится между этими крайностями, между глобальным и локальным, варьирует в самых широких пределах. Именно эта промежуточная область составляет предмет истории, в том числе исторических дисциплин, которые изучают дописьменное прошлое.

Вернемся в последний раз к Д. Стьюарду. Для него, как уже говорилось, главным доводом в пользу существования магистрального пути эволюции послужило базовое сходство древних цивилизаций Передней Азии, Мексики и Перу. Со смерти Д. Стьюарда прошло уже почти сорок лет, но других доводов так и не появилось. Ведь культуры Евразии и Африки постоянно находились в опосредованном контакте между собой и, следовательно, могли влиять друг на друга. Отсутствие же в Австралии даже зачатков земледелия всегда было для эволюционистов тревожащим и неудобным фактом.

Чтобы признать развитие Америки до Колумба в качестве исторического эксперимента, который доказывал бы возможность появления типологически сходных сложных обществ независимо друг от друга, необходимо соблюсти два условия. Первое очевидно — культуры Нового и Старого Света должны быть родственны. Мы только что сказали, что сходство между ними прослеживается лишь самое общее, эпохальное, однако оно все же есть. В обоих случаях мелкие мобильные коллективы с простой социальной организацией оседали на земле и начинали жить в деревнях. Поселения укрупнялись, их жители вступали друг с другом в разнообразные контакты, тысячи и миллионы подобных контактов превращались в устойчивые социальные сети, а в узлах сетей формировались властные центры. Когда наделенные властью лица начинали содержать высококлассных специалистов-ремесленников, возникали цивилизации. Когда эти люди начинали управлять с помощью бюрократов и воинов, возникали государства. Во всех центрах цивилизаций для перехода от подвижных охотников-собирателей к ранним государствам потребовалось несколько тысячелетий.

Всё так, но есть и другое условие. Переход к производящему хозяйству или усложнение общественного устройства имели место не в силу общих причин. Причины могли быть только конкретными: однажды определенные люди почему-то сочли выгодным для себя поменять свое привычное поведение. Под «выгодой» мы имеем в виду не материальный интерес, а стремление обеспечить свой престиж, влияние, власть. В известной работе «Экономика каменного века» Маршал Салинз давно уже показал, что в традиционных обществах только эти

факторы и существенны. Однако возможности для введения инноваций в отдельных обществах не одинаковы. Одни терпимы к нарушениям принятого порядка, в других отклонения от нормы подавляются жестко и решительно. Стремление подавлять инновации или, напротив, терпимое к ним отношение возникают не беспричинно, а являются результатом какого-то естественного отбора. Когда и где именно подобный отбор имел место, какие факторы определяли его — эти вопросы пока только поставлены, и ответа на них еще нет. Ясно, однако, что, чем сложнее культура, тем легче в ней, при прочих равных условиях, возникают новые явления. Вероятность изменений возрастает также в тех случаях, когда различные общества вынуждены конкурировать между собой в борьбе за ресурсы.

Что представляли собой культуры Америки в тот период, когда в Новом Свете началось заметное усложнение общественного устройства? Являлись ли эти культуры продуктом только местного развития, или индейцы принесли со своей азиатской прародины значительный культурный багаж? Не мог ли этот багаж хотя бы отчасти определить направление и темпы дальнейшего развития? Не в этом ли хотя бы отчасти следует видеть причину некоторого параллелизма в развитии Ближнего Востока, Восточной Азии и Америки? Почему в Новом Свете первые опыты по выращиванию растений начались чуть ли не сразу после первичного освоения Америки людьми, а в Африке южнее Сахары новшества становятся заметны лишь с середины II тыс. до н. э., да и то их первопричиной были скорее всего культурные влияния с севера? Столь ли уж чистым является великий эксперимент с параллельным развитием цивилизаций Нового и Старого Света?

Ответ на эти вопросы дать пока трудно: слишком многие страницы древнейшей истории Америки и Евразии еще не прочитаны. Но и накопленные уже материалы позволяют строить определенные гипотезы. В книге мы постараемся не только кратко рассказать о первых следах проникновения людей в Новый Свет, но и оценить, насколько сложной могла быть культура ранних мигрантов и насколько она была однородна.

Итак, от решения вопроса о времени и путях первоначального заселения Нового Света зависит не только наше понимание развития культуры Америки до Колумба, но и раскрытие механизмов социальной эволюции в целом. Именно базовое сходство древних цивилизаций Передней Азии, Мексики и Перу служит главным доводом в пользу существования магистрального пути эволюции. Однако весомость этого довода зависит от того, какой культурный багаж могли принести со своей азиатской прародины предки инков и майя и, следовательно, от датировки и определения характера начального заселения Нового Света. В последние годы добыты новые материалы, заставляющие серьезно пересмотреть вопрос независимого параллельного развития цивилизаций Старого и Нового Света и делающие особенно важным исследование происхождения предков индейцев. С одной стороны, новые данные генетики, лингвистики и археологии подтвердили и конкретизировали предположения о транстихоокеанских плаваниях в доколумбову эпоху: примерно 1000 лет назад полинезийцы почти несо-

мненно достигли южной Калифорнии. Не исключено, что они побывали и в Чили, оставив местным индейцам кур азиатского происхождения, хотя соответствующие заключения генетиков не окончательны. Но именно высокая вероятность подобных контактов сделала очевидной их малозначимость в культурной истории Америки: дело ограничилось незначительными и не распространившимися сколь-нибудь широко технологическими заимствованиями. С другой стороны, время первого появления ранних сложных обществ Америки существенно удревнилось, особенно для Центральных Анд, а некоторые особенности организации подобных обществ и идеологии их создателей (культурая иконография и, видимо, мифология) обнаруживают азиатские параллели. Весьма вероятно, что, по крайней мере, некоторые предки американских индейцев к моменту переселения в Новый Свет уже обладали достаточно развитой культурой. Косвенно о том же свидетельствуют и находки керамики финально-плейстоценового времени на обширных пространствах Восточной Азии. Соответственно стьюардовское понимание эволюции обществ Америки и Передней Азии как процессов, параллельность которых была достаточно обеспечена одним лишь сходством природных условий, должно быть подкорректировано. На темпы этой эволюции и ее направление в Америке могли повлиять обстоятельства, характерные для ее самой ранней и пока достаточно гипотетически реконструируемой фазы, развертывавшейся еще в Азии.

* * *

Существующие на русском языке публикации по проблеме заселения Америки во многом устарели и не отражают принципиальных открытий последних десятилетий. Не говоря о достижениях других дисциплин (краниология, популяционная генетика, сравнительная фольклористика), следует сказать, что изменились прежде всего традиционные представления о древнейших памятниках как Сибири, так и Америки. В результате не имеющей прецедента активной деятельности группы новосибирских археологов под руководством признанного лидера отечественной науки о палеолите академика А. П. Деревянко произошел решительный прорыв в деле изучения древнекаменного века Сибири. Благодаря исследованию серии четко стратифицированных стоянок Алтая впервые достоверно установлено освоение территории Северной Азии; начиная со среднего плейстоцена выделены основные этапы культурного развития в среднем и верхнем палеолите. Огромное значение для оценки возраста первоначального проникновения человека на территорию Берингии имеет открытие Янской стоянки на севере Якутии — первого в Заполярье памятника столь раннего (каргинского, порядка 27–29 тыс. лет назад) возраста. Янская стоянка наглядно демонстрирует циклический характер волн древнего расселения, когда, в зависимости от палеогеографических условий, происходило то широкое расселение групп древних охотников на север, то сокращение обжитой территории до горных убежищ юга Сибири.

Многое изменилось в наших знаниях о палеолите американской части Берингии, где ныне вырисовывается исключительно сложная картина культурного

СИБИРЬ И ПЕРВЫЕ АМЕРИКАНЦЫ

взаимодействия, вероятно отражающая неоднократные миграционные волны финала плейстоцена. Что касается основной территории Северной Америки к югу от ледниковых щитов, то здесь все более отчетливо вырисовывается группа памятников, предшествующих культуре кловис, хотя и ненамного отстоящих от нее по времени. Вполне возможно, что именно их изучение позволит решить загадку древнейших южноамериканских памятников, которые либо тоже несколько древнее кловиса, либо как минимум одновременны ему.

Книга адресована прежде всего тем, кто интересуется древними этапами истории человечества. Ввиду многообразия затрагиваемых вопросов, книга будет полезна не только студентам университетских кафедр археологии и этнографии, но и специалистам смежных наук. Для читателей, которым наша книга послужит отправной точкой в более углубленном изучении предмета, мы снабдили издание аннотированным списком имеющейся на русском языке литературы по ранней Америке.

Глава 1

БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ: ОТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ДО БЕРИНГИИ

В поисках предков американских индейцев исследователи неоднократно обращались к археологии Северной Азии. Сибирь необычайно богата стоянками древнекаменного века. Однако они по большей части открыты в южной части Сибири (Алтай, верхний Енисей, Прибайкалье, Забайкалье) и достаточно далеки от мест, прилегающих к Берингии.

Беглого взгляда на карту достаточно, чтобы понять, каковы были вероятные пути проникновения человека в Сибирь. Если мы принимаем в соответствии со всей суммой научных данных концепцию африканской прародины предков современного человека, то скорее всего основным путем расселения был юго-западный, связывающий интересующую нас область со Средней Азией и, далее, со Средним и Ближним Востоком, своего рода «воротами» на пути из Африки в Азию. Этот путь пролегал через Казахстан на Алтай. На территории Средней Азии известно большое число очень древних стоянок, в том числе серия памятников в лёссовых толщах Таджикистана. Самые ранние следы человека датированы здесь фантастически далеким от нас временем, около миллиона лет назад. Но нельзя исключать и реальность проникновения человека в Сибирь южным путем — через Монголию. Пути отсюда могли идти расходящимися маршрутами — на северо-запад, по алтайским горам и долинам, на север, в Туву, и на северо-восток, в Прибайкалье и Забайкалье, по долине Селенги. Не будем забывать, что нынешние государственные границы — это не более чем результат сложных геополитических игр XVIII–XIX вв., и к седой древности они отношения не имеют. Наконец, не будем упускать из виду и возможность расселения в Приамурье и Приморье с территории современного северо-восточного Китая (Маньчжурии).

Каковы же самые ранние следы человека в Сибири? Ответ на этот вопрос дают открытия новосибирских археологов на Алтае. Здесь, в долине реки Ануй, обнаружена стоянка Карама. На четырех уровнях, в толще склоновых отложений с многочисленными глыбами и обилием щебенки, встречены достаточно грубые изделия из камня — галечные орудия, скребла, отщепы, орудия с «клювиками» —

выступами и выемками и др. По верхним уровням находок недавно получены первые абсолютные датировки — порядка 540 и 640 тыс. лет назад, так что нижние уровни должны быть намного древнее. В настоящее время можно говорить о первых следах проникновения человека на территорию Северной Азии уже в среднем плейстоцене (как минимум 700 тыс. лет).

Отдельные находки каменных орудий, сходных по облику с найденными в Караме, порой в сопровождении костей животных, встречены в Сибири на достаточно широкой территории. Есть такие находки в Кузбассе, на берегах Красноярского водохранилища, на верхней Ангаре и в Забайкалье.

Но галечная индустрия не исчерпывает всего многообразия древнейших культур Сибири. Наряду с ней юг Сибири, как показывают находки в Туве, подобно близлежащей Монголии, входил в круг ашельской культуры с характерными для нее двусторонне обработанными орудиями — знаменитыми ручными рубилами. Эта культура была чрезвычайно широко распространена в нижнем палеолите Европы, Африки и на большей части азиатского материка. Вряд ли можно рассматривать картину освоения человеком Северной Азии как последовательное расселение с юга на север. Скорее всего на протяжении длительного времени, вместившего колоссальные по размаху климатические изменения, территория, осваиваемая людьми, то расширялась, то сокращалась в зависимости от палеогеографической обстановки. При этом следует учесть масштаб среднеплейстоценовых оледенений, когда огромные по объему ледниковые щиты препятствовали стоку основных сибирских рек в Северный Ледовитый океан и вдоль краев ледников формировались гигантские подпрудные бассейны.

Следующая эпоха, средний палеолит (поздняя часть этой фазы традиционно называется «мустье»), представлена ныне на Алтае великолепной серией четко стратифицированных памятников, расположенных как в пещерах, так и под открытым небом. Основной памятник, Денисова пещера, дает колонку культурного развития в огромном временном диапазоне — примерно от 280 до 40 тыс. лет назад. Удивительно, что, несмотря на огромную удаленность Северной Азии от основных центров развития мустье в Европе и на Ближнем Востоке, общий облик индустрий в принципе сходен. Как и в других областях распространения мустьерской культуры, в Сибири она представлена в виде параллельно существовавших в рамках одной территории вариантов. Увы, остатки самого человека, которые могли бы пролить свет на вопрос о том, кто же были создателями этих индустрий (неандертальцы, ранние *homo sapiens* или смешанные популяции?), немногочисленны и представлены изолированными зубами. По такому материалу дать однозначный ответ практически невозможно. Общий облик мустьерских индустрий указывает на юго-западное направление связей сибирского среднего палеолита, ориентированных в Среднюю Азию, на Ближний и Средний Восток. Вместе с памятниками Монголии мустье Сибири может рассматриваться как крайний восточный форпост распространения этого культурного комплекса. Вероятно, к эпохе среднего палеолита могут быть отнесены многочисленные находки изделий из кварцита, несущих следы ветрового воздействия (называемого «эоловой коррозией»), что является показателем очень суровых климатических условий.

Такие находки встречены в долинах Енисея, Ангары, на Верхней Лене, вплоть до северных мест типа верхнего течения Нижней Тунгуски и Вилюя.

Новейшие открытия на Алтае говорят об очень раннем появлении в Сибири верхнего палеолита (начиная со времени 42–43 тыс. лет назад, а возможно и ранее), т. е. процесса, связанного с распространением человека современного физического типа, не отличимого от нас. Давно прошли те времена, когда авторы писали о значительном запаздывании верхнего палеолита в Сибири, его отсталости и т. д. На раннем этапе верхнего палеолита прослеживается сосуществование двух культурных традиций. Первая из них, связанная с индустрией крупных длинных пластин, получаемых с плоских ядрищ, распространена от Алтая до Забайкалья. Наряду с сохранением многих мустьерских черт каменный инвентарь этих стоянок демонстрирует выразительные серии типично верхнепалеолитических форм — резцов и скребков. Вторая традиция представлена пока только на Алтае (материалы из раскопок стоянки Усть-Каракол I и Денисовой пещеры). Для нее показательны раннее появление развитой микропластинчатой техники, серия скребков высокой формы, скрёбла, резцы. Эта линия развития, по сути, идентична распространенной в Европе и на Ближнем Востоке ориньякской культуре. Нельзя не отметить возникновения на данном этапе, причем в рамках обеих традиций, типично верхнепалеолитических культурных достижений — поразительно развитой техники обработки кости, украшений (включая великолепный браслет из мягкого камня, найденный в Денисовой пещере) и произведений изобразительного искусства (вырезанная из кости головка медведя, открытая на стоянке Толбага в Забайкалье). При отсутствии палеоантропологических находок неясно, как генезис верхнего палеолита в Сибири может быть связан с вероятной миграцией *homo sapiens*.

Средняя пора верхнего палеолита, время примерно от 27–28 до 20 тыс. лет назад, недаром получила определение «классический этап». В свое время открытие М. М. Герасимовым знаменитой стоянки Мальта неподалеку от Иркутска оказалось настоящей сенсацией. Ведь до этого в Сибири были известны лишь памятники, относящиеся к очень позднему в пределах палеолита времени. К тому же каменный инвентарь этих стоянок отличался заметным архаизмом. Великолепная пластинчатая индустрия, множество предметов из кости, рога и бивня, разнообразные украшения, изумительная серия статуэток, изображающих женщин и птиц, наконец, остатки двойного детского погребения, словом, все это великолепие Мальты, столь непохожее на обычный «сибирский палеолит», вызывало в памяти лучшие образцы европейского палеолита. Заговорили даже о «пришельцах с Дона на берегах Ангары». Как будто эта точка зрения соответствовала и антропологическим данным, свидетельствовавшим об европеоидном облике мальтинских младенцев. Все же по мере открытия новых памятников данной фазы в различных уголках Сибири гипотезы о трансконтинентальных миграциях, удачно названные в свое время академиком А. П. Окладниковым «археологическими миражами и фантомами», теряют почву. Становится все яснее, что, несмотря на специфичность, комплекс Мальты входит как составная часть в систему культур средней поры верхнего палеолита Сибири. К числу пластинчатых индустрий этой стадии развития в последние годы прибавились выразительные находки

из многослойной стоянки Ануй II на Алтае, в инвентаре которой прослеживаются граветтийские элементы, сходные с культурами той же поры в Европе. Другое важное открытие — серия сегментов со стоянки Шестаково — древнейшее свидетельство появления геометрических форм каменных орудий в Сибири.

Наконец, после максимума последнего оледенения, произошедшего во время около 20 тыс. лет назад, палеолитические люди вновь широко расселились на просторах Сибири. Тому свидетельство — сотни стоянок, датированных от 19 до 12,5 тыс. лет, открытых археологами в Западной Сибири, на Алтае, на берегах Енисея, Лены и Ангары, за Байкалом и далее — вплоть до тихоокеанских побережий России (см. цв. вкл. 1). Поразительно, но на огромной территории юга Сибири облик культуры этого времени скорее единообразен, несмотря на истинно сибирские расстояния между памятниками.

Крайний северо-восток азиатского материка, огромная область, лежащая к северу от Байкала, долгое время оставался белым пятном на археологической карте. Лишь в 1960-е гг. усилиями магаданских и якутских археологов здесь были открыты достоверные палеолитические стоянки.

Среди предположительно древнейших стоянок Якутии особое место занимает Дириг. На высоком, более чем 100 метров, берегу Лены, близ впадения в нее ручья Дириг-Юрях, были найдены необычайно архаичные каменные изделия. Проведенные на огромной площади раскопки выявили в гравийном слое массу орудий из кварцитовых галек, частью смешанных с расщепленными природой кусками камня. Дополнительная сложность состояла в том, что стратиграфическое положение большей части скоплений было неясно, а в том единственном случае, когда находки предметов из камня занимали четкую позицию в разрезе, артефактов среди них не оказалось. Первооткрыватель памятника Ю. А. Мочанов увлекся теорией так называемой «внетропической прародины» человечества, приписывая Диригусу совершенно фантастическую древность (более 1,8 млн лет), сопоставимую с возрастом самых ранних стоянок Африки.

Группа американских ученых позднее сумела получить серию термолюминесцентных датировок, позволяющих определить возраст отложений с культурными остатками. Опубликованные цифры в интервале от 250 до 350 тыс. лет, конечно, не столь впечатляют, как первоначально заявленные миллионы, но и такая датировка достаточно внушительна. Если принять данную версию (а она совпадает с примерной оценкой, данной ранее ведущими отечественными геологами и археологами, посетившими памятник), время существования Диригуса соответствует максимальному, самаровскому, оледенению Сибири, когда мощные ледники перегораживали течение Лены, образуя здесь гигантскую запруду. Сам факт обнаружения столь древнего памятника в Северо-Восточной Азии говорит о реальности освоения этого края уже в нижнем палеолите и принципиальной возможности проникновения человека в Берингию. Впрочем, есть и еще одна точка зрения на возраст Дириг-Юряха, представленная сибирскими геологами и палеогеографами. Согласно ей возраст скоплений расщепленного камня может быть еще более поздним, вплоть до начала верхнего плейстоцена (т. е. времени порядка 100 тысяч лет назад). Безусловно, этот уникальный памятник нуждается

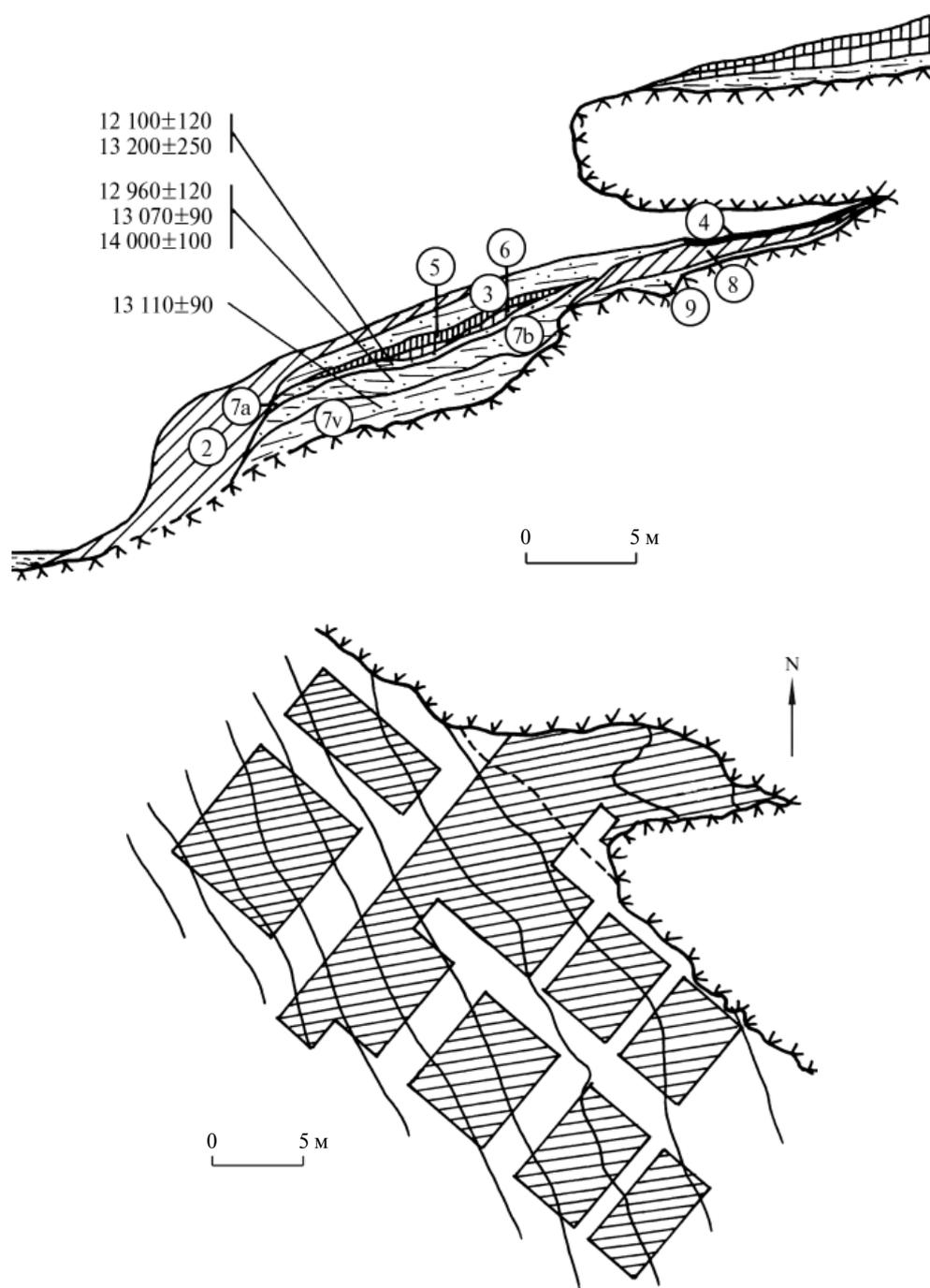

Рис. 1. Дюктайская пещера: план и стратиграфия стоянки (по Ю. А. Мочанову)

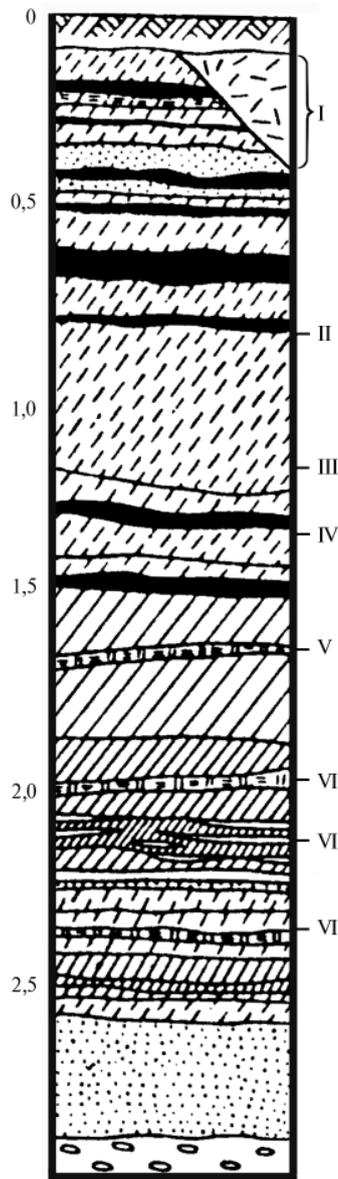

Рис. 2. Ушки — чередование культурных комплексов (по Н. Н. Дикову)

в продолжении исследований, и вопрос о возрасте находок, среди которых немало подлинных произведений рук человека, остается открытым.

Так что проблема вероятного присутствия человека на северо-востоке азиатского материка до наступления эпохи верхнего палеолита остается пока нерешенной. Но вот дальше... В 1990-е гг. петербургский археолог В. В. Питулько неожиданно открыл достаточно раннюю в пределах верхнего палеолита стоянку в Заполярье. Здесь, в подмываемых рекой Яной обрывах, найдены многочисленные кости животных (мамонта, шерстистого носорога, бизона, лошади, северного оленя) в сопровождении каменных и костяных орудий. Великолепными образцами представлены стержни из кости носорога и мамонтового бивня. Иногда даже в такой, плохо поддающейся раскопкам, вечномерзлой толще (льда порой в таких отложениях едва ли не больше, чем земли) при тщательном ведении работ удается найти обрывки культурного слоя с очагами. Радиоуглеродные датировки определяют возраст стоянки в интервале 27–29 тыс. лет назад, что соответствует времени последнего межледниковья, называемого в Сибири каргинским. Открытие на Яне кардинальным образом переворачивает сложившиеся в науке представления о раннем расселении человека современного типа.

Значительно лучше известна поздняя пора верхнего палеолита. Ю. А. Мочановым в свое время была открыта группа стоянок на притоке Лены — Алдане (рис. 1). Здесь ученым была выделена оригинальная дюктайская культура, наиболее ярким проявлением которой являются двусторонне обработанные наконечники копий и дротиков. Стоянки такого типа расположены не только в долинах Алдана и Лены, но и далеко на севере, за Полярным кругом. Следы дюктайцев обнаружены на речке Берелех, притоке Индигирки, неподалеку от известного «мамонтового кладбища», сохранившихся в вечной мерзлоте остатков скелетов сотен животных. Дюктайские стоянки в основном датируются от 12,5–13 до 20 тыс. лет.

Неизменное внимание исследователей древнейшего прошлого Америки привлекают материалы с Камчатки. Здесь, во внутренней части полуострова, на берегах Ушковского озера Н. Н. Диковым было открыто скопление многослойных стоянок (рис. 2). В наиболее полной стратиграфической колонке пункта Ушки 1

нижний, седьмой, культурный слой доставил своеобразные черешковые наконечники, живо напоминавшие наконечники стрел неолита. Но радиоуглеродные даты оказались плейстоценовыми. Вначале возраст комплекса оценивался примерно в 16–17 тыс. лет, теперь, после получения американскими учеными новой серии дат, он отнесен к более позднему времени — около 13 тыс. лет. Здесь встречены остатки двухкамерных наземных жилищ, следы почти полностью разрушенного погребения. А вот перекрывающий шестой культурный слой оказался «старым знакомым»: здесь найдены типичные вещи дюктайской культуры (см. цв. вкл. 2). Возраст его оценивается как рубеж плейстоцена и голоцена — около 12 тыс. лет. Вероятно, данный комплекс отражает позднеледниковое расселение групп дюктайцев на северо-востоке Азии, движение, которое охватило, как мы увидим ниже, и американскую часть Берингии.

К сожалению, самый край азиатского континента, Чукотка, пока еще очень слабо обследован в археологическом плане. Предпринимавшиеся здесь в свое время Н. Н. Диковым разведки не принесли однозначных свидетельств присутствия древнейшего человека на полуострове. Почти всё, что мы имеем для этого района, — это сборы каменных орудий на поверхности, возраст находок неизвестен. Есть и находки неясного возраста, происходящие из моренных толщ. Возможно, эта скудость данных связана не только с недостаточной изученностью, но и с тем, что основные маршруты передвижения древних людей пролегли вдоль побережья (т. е. в местах, ныне лежащих на морском дне), а неблагоприятные для жизни внутренние районы были мало освоены.

* * *

Необычно выглядела наша планета в конце плейстоцена. Как мы уже говорили, за счет образования ледников осушались значительные пространства, занятые ныне морским дном. Между материками и островами возникали сухопутные мосты, по которым распространялись животные, а вслед за ними и древние охотники.

По данным палеогеографии, на месте современного Берингова и Чукотского морей в четвертичном периоде во время оледенений неоднократно возникала обширная суша. Не составляло исключения и последнее оледенение, когда нынешние Чукотка и Аляска соединялись берингийским сухопутным мостом. Особенно благоприятные условия для миграции фауны и человека создались после конца максимальной стадии оледенения, примерно с периода 16–17 тыс. лет назад. Это время по господствовавшему тогда типу растительности именуется «зоной березы». В период между 15,5 и 14 тыс. лет Берингия представляла собой широкие пространства осушенного шельфа, своего рода огромную плоскую равнину.

Ледники тают, уровень моря поднимается, и площадь суши резко сокращается. Берингия начинает рушиться, воды проникают по долинам пра-Юкона, пра-Анадыря и других некогда гигантских по протяженности рек. Первым образовался Анадырский пролив между Чукоткой и островом Святого Лаврентия, а затем и Берингов пролив. Вероятно, около 12,5 тыс. лет назад происходит окончательное

соединение вод Тихого и Северного Ледовитого океанов. Однако и после разъединения Азии и Америки Берингов пролив не представлял собой непреодолимого препятствия для передвижений человека как по воде, так по льду зимой. Постоянные и частые контакты эскимосов, проживающих по обе стороны пролива, — лучшее тому подтверждение.

Современная Аляска и Юкон представляют собой остатки, своего рода осколки западной части Берингии. Именно здесь исследователи ищут следы первых обитателей Нового Света. Понять характер расположения древнейших стоянок невозможно без беглого взгляда на карту. Побережье Северного Ледовитого океана на Аляске занимает Арктическая низменность. Она покрыта болотами, озерами и участками скудной тундры с мхами и лишайниками. С юга ее ограничивают горные цепи хребта Брукса, самой северной части гигантской горной системы Кордильер, протянувшейся вдоль всего континента. В горах преобладают каменистые тундры с редкими рощицами ели, и то на южных склонах.

Южнее, в средней части Аляски, протекает основная водная магистраль полуострова — река Юкон с многочисленными притоками, наиболее полноводным из которых является река Танана. Долины Тананы и ее притока, реки Ненаны — широкие, с плоским днищем и четко читаемыми террасами. На горных склонах и плоскогорьях бассейна Юкона господствуют тундры, а днища долин покрыты лесами из канадской ели, тополя и бальзамической березы.

Наконец, на крайнем юге полуострова снова виднеются горы. Это Аляскинский, Кенайский и Чугачский хребты, которые, смыкаясь к востоку, образуют высокогорный массив Святого Ильи. Ветры с Тихого океана приносят избыточную влагу, что делает природу здесь столь не похожей на облик центра Аляски. Горы поросли густыми хвойными лесами, а вершины покрыты шапками ледников.

Что же было на этом месте в плейстоцене? Весь юг полуострова, включая горы Алеутского и Аляскинского хребтов, Алеутские острова и прилегающие участки шельфа (ныне скрытые волнами), представлял собой огромное ледовое поле, круто обрывавшееся к океану. Ледники протягивали языки в верховья рек центральной Аляски. Благоприятные условия для распространения человека и фауны здесь создались в период между двумя ледниковыми надвигами, во время от 13,6 до 12,5 тыс. лет назад. На севере Аляски оледенение было меньшим по масштабам, оно затрагивало лишь центральную часть хребта Брукса. Последняя подвижка ледников относится здесь ко времени порядка 15 тыс. лет назад, затем они только отступали.

Итак, ледники на севере и на юге оставляли доступной для проникновения человека лишь центральную часть полуострова. Во многих работах прошлых лет можно найти упоминание о некоей гигантской «тундростепи» или «мамонтовой степи», едином, открытом ветрам пространстве, охватывавшем в ледниковые эпохи чуть ли не все пространство к югу от ледниковых щитов и соединявшем Сибирь и Северную Америку через Берингию. Современные данные показывают, что это было не так. Берингия являла собой сложную мозаичную картину с разнородными ландшафтами. Холодные кустарниковые тундры с обилием полыни, разнотравья чередовались с болотами, островками ивы и березняка на поймах рек.

Кустарниковая береза и ива распространялись по территории Аляски начиная со времени около 16–17 тыс. лет назад. При этом ареал березы постепенно продвигался с западной части полуострова на восток, достигнув Юкона около 14–14,5 тыс. лет назад. Горы были безлесными, с участками травянистой тундры. Примерно с 13 тыс. лет назад (поздняя фаза «зоны березы») начинаются сокращение площади ледников и экспансия лесной растительности — бальзамического тополя вдоль речных долин, осины по южным склонам гор. В ландшафте по-прежнему доминировали кустарниковые тундры. Под самый занавес последнего оледенения, около 12–12,5 тыс. лет назад, происходит кратковременное, но очень сильное похолодание с возвратом ледников на старые позиции (называемое в палеогеографии молодым дриасом). В центральной части Аляски оно фиксируется по факту распространения травянистой тундры на месте кустарниковой.

Кустарниковая и травянистая тундра, лесистые долины рек были способны прокормить многотысячные стада копытных, остатки которых на территории Аляски поражают своим изобилием. Здесь мы встречаем нашего старого знакомого по Сибири — обычного для Евразии шерстистого мамонта. Рядом с ним паслись лошади и бизоны. Есть и другие копытные: як, овцебык, лось, северный и благородный олень, дикий баран, а из хищных — крупная форма волка, бурый медведь, росомаха, песец и др. Подобное изобилие животных, несомненно, привлекало группы палеолитических охотников и было основной причиной расселения человека в этих суровых краях. Интересно, что в Берингии, как и на основной территории Северной Америки, наиболее массовое вымирание фауны непосредственно предшествовало появлению здесь человека и явно было связано с сокращением площади кормовой базы — травянистой тундры. В период между 15,5 и 14 тыс. лет назад исчезают лошадь, сайга и мамонт, а среди фауны начинает преобладать северный олень. Бизон при этом выжил, хотя численность его заметно сократилась.

А что же человек? Среди археологов давно уже ведутся споры относительно того, где же следы древнейших обитателей Америки. В свое время в отдаленном северном районе канадского Юкона, в долине реки Оулд Кроу, на галечнике реки и в береговых обрывах, были найдены многочисленные кости плейстоценовых животных. К сожалению, кости оказались переотложенными с мест своего первоначального залегания. На многочисленных костях мамонта оказались следы раскалывания. Эти следы энтузиасты с радостью приняли за признак присутствия здесь человека уже 25–30 тыс. лет назад. Правда, такие следы можно объяснить и за счет растрескивания кости от воздействия льда. Среди находок оказалось несколько выразительных орудий из рога и кости северного оленя. Увы, радиоуглеродные датировки, полученные непосредственно по орудиям, поставили точку в споре. Даты оказались очень поздними, а найденные поблизости от костей отдельные отщепы четко связать с костными остатками так и не удалось.

На Аляске немало костеносных пещер с обильными остатками плейстоценовой фауны. И здесь исследователей ждало разочарование. Серия радиоуглеродных дат показала, что эти отложения древнее, чем первые следы появления человека на полуострове. Самые молодые даты по костям из пещер равны примерно

14,3 тыс. лет назад, в то время как древнейшие достоверные стоянки человека датированы 13,6 тыс. лет, т. е. как минимум несколько сотен лет разделяют эти два события. При этом ранние стоянки расположены как раз не в пещерах, а под открытым небом. Пещерные же полости начали осваиваться человеком еще позднее.

Сложнее обстоит дело с двумя небольшими пещерами Блюфиш, расположенными на севере Юкона, в долине реки Поркьюпайн. Здесь в слоях с костями мамонта, бизона, лошади и других животных найдены изделия из камня: нуклеусы, резцы, микропластинки. При этом по образцам кости получены неожиданно древние датировки: от 15,5 до 19 тыс. лет назад и вплоть до 25 тыс. лет назад. Такие даты заметно древнее всех остальных дат стоянок Аляски. Смущает другое: каково же реальное соотношение костей и кремней? Кости животных носят следы зубов хищников, значит, перед тем, как попасть в слой, они долго лежали на поверхности. Можно представить в этом случае, что кости могут быть значительно древнее, чем найденные здесь же каменные орудия. Словом, с этими загадочными пещерами еще предстоит разобраться.

Если обратиться к более достоверным данным, то в финале плейстоцена, в период от 13,5 до 11,5 тыс. лет назад, здесь прослежены три различные культурные традиции (см. цв. вкл. 3). Древнейшая из них получила название ненана. Стоянки этой культуры встречены в центральной части Аляски, в долинах рек Танана и ее притоков — Ненана и Текланика. Древние стоянки, такие как Драй Крик, Оул Ридж или Уолкер Роуд, занимают места на возвышенностях, обеспечивающих хороший обзор долин, где паслись звери — основной источник пропитания. Неподалеку протекали речки и ручьи. Жили люди и по берегам озер (Хили Лейк). В ряде случаев поверхность культурных слоев рассечена сетью узких трещин — следов промерзания почвы в ту суровую эпоху. Поселения денали связаны с тонкими песчаными и лессовыми отложениями, нанесенными ветром. Относительно быстрое накопление подобных отложений способствовало тому, что оставленные древними людьми остатки без больших нарушений «запечатывались» в толщу пород, и, таким образом, при тщательной расчистке археологам становится ясна планировка поселения (см. цв. вкл. 4).

Находки группировались вокруг очагов, где происходила вся жизнь первых американцев — велись разделка принесенной после удачной охоты добычи, приготовление пищи, шитье одежды, изготовление орудий из камня и кости. Судя по находкам с наиболее хорошо сохранившейся стоянки Броукен Мэммот, первые обитатели Аляски добывали бизона, лося, благородного и северного оленя, промыслили охотой на разнообразных птиц (встречены кости канадского, белогрудого и снежного гуся, утки, куропатки и лебедя) и занимались рыболовством. О последнем виде занятий говорят находки костей и чешуи лосося. Интересно, что в одном из культурных слоев стоянки доминируют кости бизона, и, судя по составу перелетных птиц, древние люди обитали здесь весной. В то же время в нижележащем слое, наоборот, преобладают кости птиц, а охотились обитатели стоянки на благородного оленя. Этот комплекс, судя по всему, образовался в осеннее время. Таким образом, можно заключить, что все известные нам стоянки исполь-

зовались в течение какого-либо сезона и были частью цикла перемещения группы охотников-рыболовов по своей территории.

Для выделки орудий древние люди подбирали гальки местного кремня, кварца, кварцита, агата, базальта и других твердых пород. Порой они приносили добытые вдалеке гальки халцедона, высококачественного кремня и удивительно прочного и красивого вулканического стекла — обсидиана. Самая характерная разновидность каменных орудий культуры ненана — небольшой каплевидной формы наконечник с острым кончиком и скругленным основанием (он получил название «чиндадн» по имени индейского племени). Другие формы наконечников — мелкие треугольные, двухконечные, предметы с вогнутым основанием и др.

Кроме того, древние люди изготавливали разнообразные орудия из камня, служившие для различных операций (рис. 3). Ножи использовались для резания мяса. Крупные скрёбла и мелкие скребки служили для выделки шкур. Проколки с узкими жальцами прекрасно подходили для проделывания отверстий в шкурах для сшивания. Массивные, четырехугольной формы тесла на расколотых гальках, как и мелкие долотца, применялись для обработки дерева. Для раскалывания камня, снятия отщепов и пластин с ядрищ использовались гальки-отбойники. Для изготовления одежды служили выточенные из мелких косточек иголки с ушком — слегка увеличенная копия современных металлических игл. Из кости же делались застежки для одежды и великолепные наконечники копий.

Древние люди подбирали не только пригодный для раскалывания камень, но и ископаемые бивни и кости мамонта — прекрасный материал для выделки охотничьего вооружения. На стоянках Броукен Мэммот и Мид найдены предметы из бивня, но даты по ним (около 19 и 20 тыс. лет назад) оказались значительно древнее, чем возраст самих стоянок. На первой из названных стоянок три великолепных изделия из бивня (два наконечника и рукоятка) были найдены в культурном слое вместе, образуя своего рода клад.

Исследователи связывают распространение культуры ненана с первой волной переселенцев из Сибири, расселявшихся здесь между 14 и 13 тыс. лет назад. Однако трудно указать на прямых предков ненана в Северной Азии. Общее сходство инвентаря культуры ненана с памятниками кловис на основной территории Северной Америки (о них речь пойдет в следующей главе нашего повествования) может указывать на то, что именно эта группа населения была предком палеоиндейцев.

К несколько более позднему времени относится культура денали. На таких стоянках, как упомянутая Драй Крик и Муз Крик, культурные слои денали залегают выше, чем комплексы ненана (см. цв. вкл. 5). Носители этой культуры охотились на бизона и дикого барана. На раскопанной на широкой площади стоянке Драй Крик расчищены остатки многочисленных скоплений орудий и костей. При этом скопления оказались различными по составу. Так, в одних концентрациях преобладали бифасы, скрёбла и обломки наконечников. Микропластинок здесь нет. Анализ микроскопических следов от работы на орудиях показал, что на этих местах древние обитатели стоянки разделявали охотничью добычу. В то же время в других скоплениях состав находок иной и тут велись иные работы. Здесь

СИБИРЬ И ПЕРВЫЕ АМЕРИКАНЦЫ

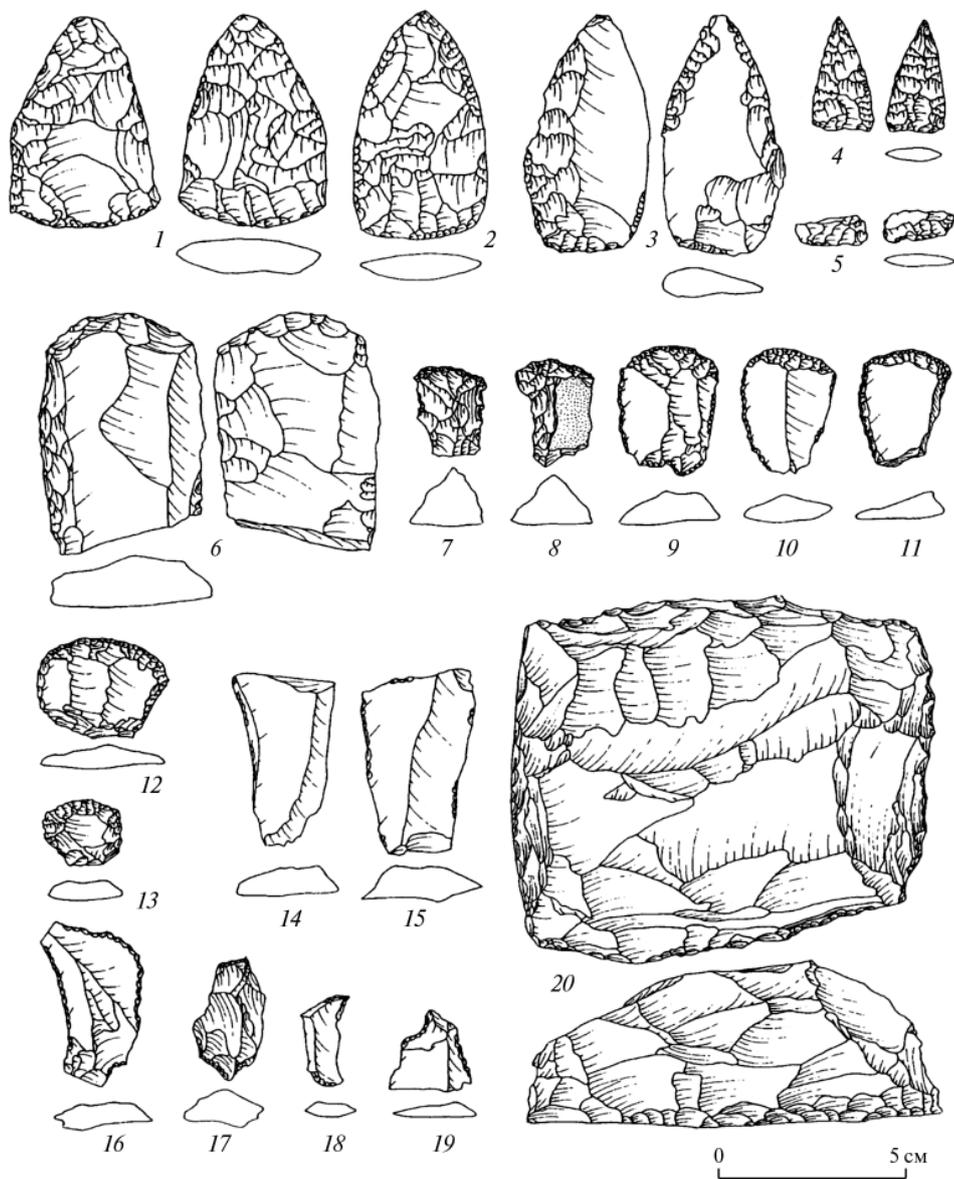

Рис. 3. Культура ненена. Каменные орудия из стоянки Драй Крик (по Д. Хоффекеру, Р. Пауэрсу и Н. Бигелу)

много микропластинок и нуклеусов, с которых они снимались. Вероятно, именно здесь готовилось составное охотничье вооружение.

Для изготовления орудий из камня использовались кремний, кварцит, халцедон, а порой и принесенный издалека обсидиан. Одной из самых ярких черт культуры денали являются хорошо знакомые нам по Сибири клиновидные нуклеусы,

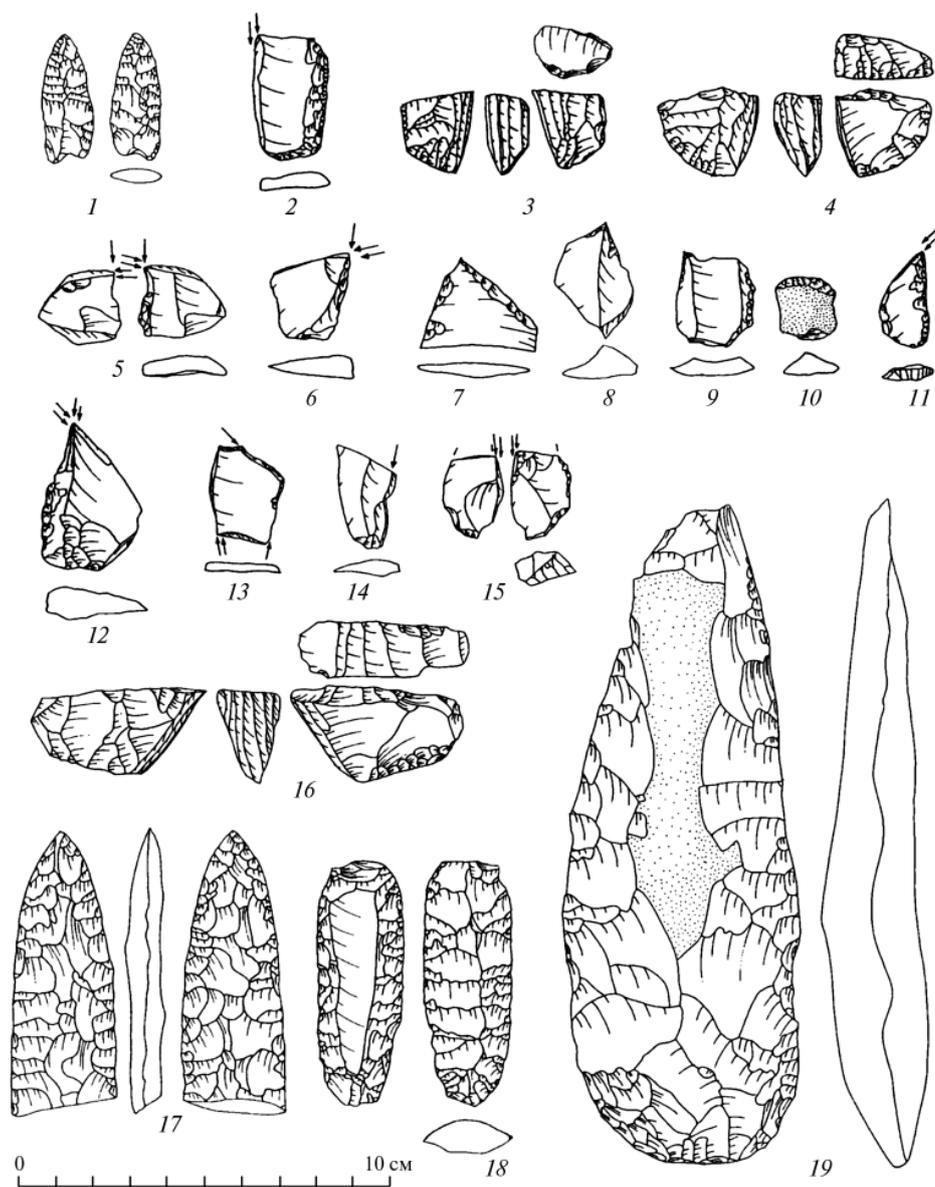

Рис. 4. Культура денали. Каменные орудия из Драй Крик (по Д. Хофферу, У. Пауэрсу и Н. Бигелу)

с которых снимались микропластинки. Найдены листовидные острия, двусторонне обработанные ножи, резцы, проколки, скребла, рубящие орудия, гальки-отбойники (рис. 4).

Облик каменных орудий денали указывает на азиатские корни этой культуры. Исследователи связывают ее происхождение с дюктайскими памятниками Алдана

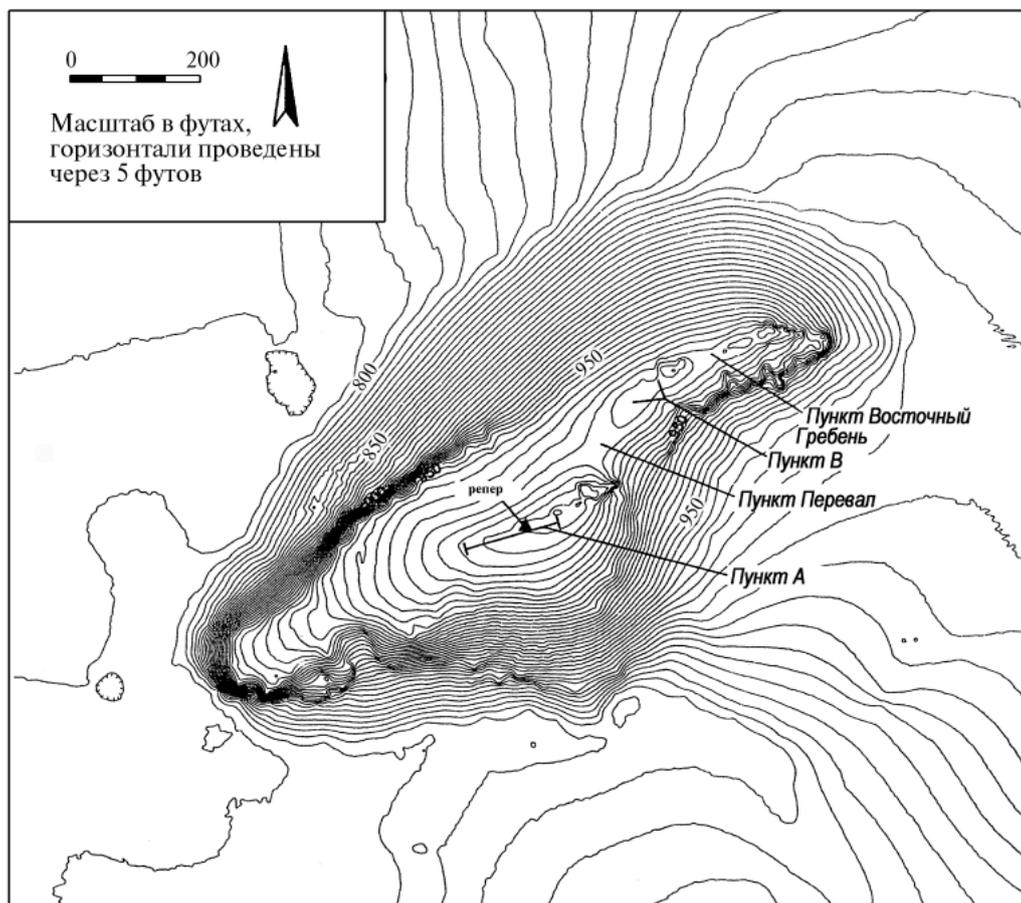

Рис. 5. План палеоиндейской стоянки на утесе Мейза (по М. Кунцу, Р. Рениру и М. Беверу)

или Ушками, реконструируя вторую волну миграций из Сибири, произошедшую позже появления ненана, в период где-то между 13 и 11,5 тыс. лет назад.

Большую неожиданность принесло исследование стоянки Свен Пойнт. Против обыкновения здесь микропластинчатая каменная индустрия оказалась залегающей не поверх, а ниже слоя культуры ненана. Учитывая вероятное сосуществование культур ненана и денали, это может говорить и более раннем, чем предполагалось, появлении культуры денали на Аляске и о том, что обе культуры долго сосуществовали.

Наконец, последняя из плейстоценовых культур Аляски — северная палеоиндейская. Основной памятник данной традиции, стоянка Мейза в арктической части Аляски, расположен необычно — на скальном останце с крутыми склонами и плоской вершиной, возвышающемся на 60 м над окружающей холмистой равниной. У подножия горы протекает ручей (см. цв. вкл. 6).

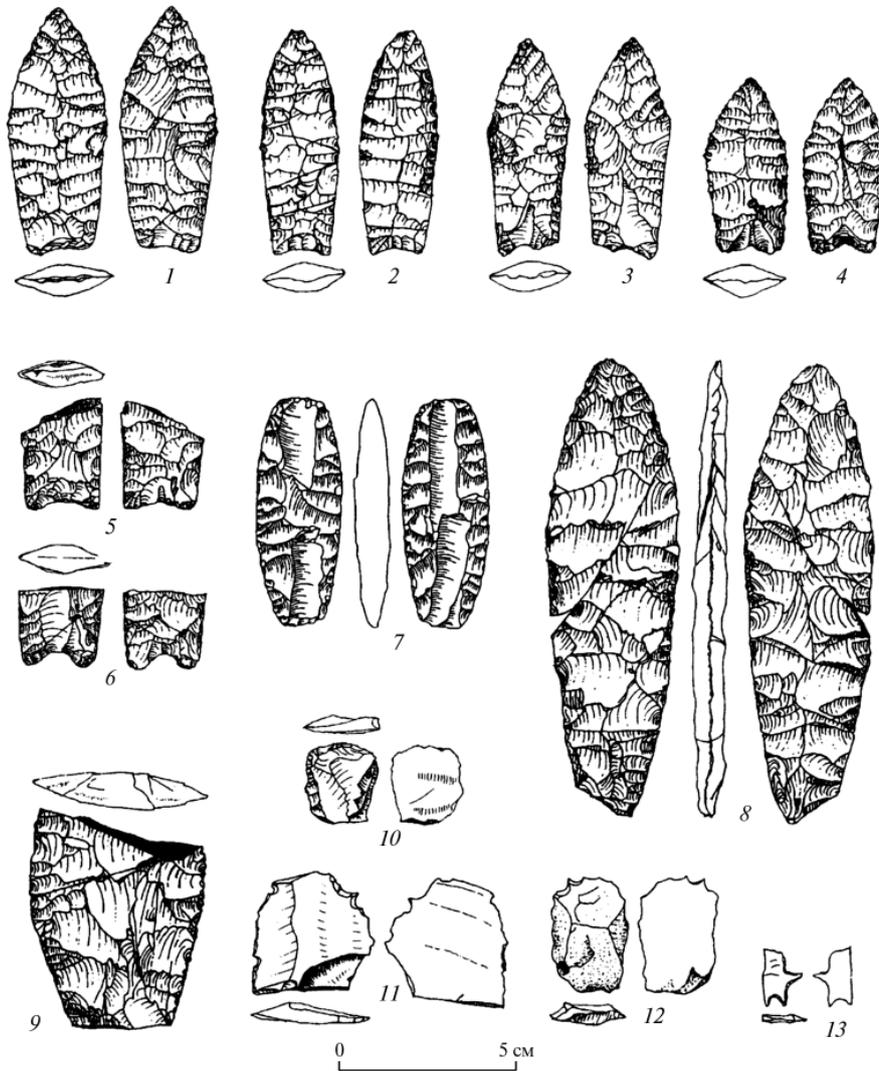

Рис. 6. Изделия из камня, происходящие из палеоиндейской стоянки на утесе Мейза (по М. Кунцу, Р. Рениру и М. Беверу)

Исследователь памятника, Майк Кунц, потратил немало времени в поисках следов первых поселенцев на севере Аляски. Как обычно, он искал древние стоянки, пробираясь вдоль рек, по низким террасам. Было открыто немало памятников поздних культур, но несмотря на многолетние поиски никаких признаков древнейших обитателей Аляски там не находилось. Ведь никому и в голову не приходило карабкаться на доминирующие над равниной одинокие горы. Между тем открытие состоялось там, где никто и не мог бы его ожидать — на вершине подобной горы (рис. 5, 6).

Культурные остатки на стоянке встречались в маломощных (до 30 см глубиной) песчаных отложениях, перекрывавших скалу. В условиях сухого и холодного арктического климата накопление осадочного материала, приносимого ветрами, идет очень медленно, и на одном уровне с основным культурным горизонтом оказались немногочисленные поздние археологические остатки. Так исследователи памятника объясняют находку здесь клиновидного нуклеуса и микропластинок, а также бифаса со следами желобчатого скола.

Наконечники и их обломки встречались в основном вокруг небольших очажков — следов костров. Всего при раскопках были расчищены остатки 40 таких очажков, вероятно, горевших во время отдельных посещений человеком места. В качестве топлива использовались ветки тополя, ивы и ольхи.

Для реконструкции облика местности в период обитания стоянки были предприняты раскопки отложений расположенного недалеко от Мейзы ныне сухого древнего озера. Богатые органическими остатками озерные отложения — идеальный источник для воссоздания сменявшихся климатов прошлого.

Судя по преобладанию в инвентаре стоянки наконечников копий и отходов их изготовления, Мейза служила в качестве наблюдательного пункта охотников, гревшихся у костра и занимавшихся подготовкой охотничьего вооружения в ожидании приближения стад оленей. Вероятно, такой пункт устраивался близ путей миграции оленей или мест обитания бизонов. К сожалению, остатков костей на стоянке не встречено, так что о том, на кого именно охотились обитатели Мейзы, можно судить только по косвенным данным.

Для изготовления наконечников использовался преимущественно местный кремль, добывавшийся в виде гальки из русел ближайших речек и ручьев. В то же время здесь найдены единичные вещи из кремня, принесенного за 100 и 200 км от стоянки, а также из обсидиана, добытого на удаленных источниках Батца Тена, а это уже целых 300 км к югу от Мейзы. Наконечники Мейзы удлиненные, они покрыты следами двусторонней обработки, продольные края и основание дополнительно пришлифованы. Здесь же найдены крупные листовидные наконечники, мелкие проколки и скребки.

Похожие на Мейзу стоянки открыты на севере и западе Аляски; везде это приуроченные к возвышенностям и скальным гребням охотничьи лагеря. Единственное исключение — стоянка Тулуак, исследованная на северо-западе полуострова. Она расположена вблизи от выходов кремня, использовавшегося для выделки орудий. Исследователи интерпретируют эту стоянку как остатки древней мастерской. Кроме того, многочисленные наконечники сходного облика встречены на поверхности вблизи знаменитых выходов обсидиана Батца Тена в бассейне Юкона. Итак, по-прежнему остается непонятным, где же постоянно обитали эти охотники? Почему не найдены жилые стоянки?

Наконечники Мейзы аналогичны орудиям, применявшимся палеоиндейцами на западе США, и кое в чем сходны с наконечниками культуры эгейт бейсин, существовавшей на Великих равнинах в несколько более позднее время, порядка 11 тыс. лет назад. Пока неясно, зародилась ли традиция изготавливать метательные наконечники на Аляске или, напротив, какая-либо группа палеоиндейцев про-

ника на север с основной территории Северной Америки. Для ответа на такие вопросы, увы, наши методы датирования оказываются недостаточно точными.

Кроме того, стоит сказать, что сравнение форм наконечников всех трех культурных традиций, существовавших на Аляске, показывает: имеются общие формы, что, вероятно, указывает на наличие контактов между всеми тремя группами древнего населения.

Итак, Берингия стала первой частью Нового Света, открывшейся глазу человека. Сами не замечая, древние охотники из азиатов стали американцами и постепенно расселились по территории нынешней Аляски. Фактически Аляска в плейстоцене была до такой степени отгорожена ледниками от остальной части Америки, что ее можно рассматривать как продолжение азиатского материка.

Куда же дальше? Путь на юг отсюда лежал по так называемому безледному коридору Маккензи — пространству, свободному ото льдов, пролежавшему между двух гигантских покровов ледяного безмолвия. Ширина коридора доходила до 100 км, а вот протяженность была около 1600 км. По разным оценкам, коридор стал доступен для распространения фауны и человека начиная с 16 или 14 тыс. лет назад. Трудно представить себе, что заставило древних охотников углубиться в недра безледного коридора. Ясно, что никто не мог заранее знать, что ждет там, впереди. Ведь речь идет о крайне неблагоприятном месте, представлявшем собой холодное, пронизываемое ледяными ветрами, пространство с редкой растительностью типа сухой тундры и обилием озер у подножия гор. В северной части коридора на месте современной долины реки Маккензи и огромных впадин, занимаемых в наши дни Большим Невольничьим и Большим Медвежьим озерами, существовало обширное приледниковое озеро Маконелл. Сток из него первоначально осуществлялся на юг, в приледниковое озеро Агассиз. Около 10 тыс. лет назад талые ледниковые воды переполняют этот гигантский водоем, и потоки воды прорываются на север, к Ледовитому океану, по долине реки Маккензи.

С запада к коридору подступал основной, Лаврентийский ледниковый щит. Об этом ледниковом покрове мы поговорим подробнее позднее, в следующей главе. Отступление ледника не было непрерывным и планомерным процессом. Неоднократно менялись климатические условия, ледники то отступали, оставляя перед собой озера талой воды, то продвигались к югу, вспахивая земную поверхность. С восточной стороны коридор был ограничен вторым, Кордильерским щитом, который покрывал горные цепи вдоль тихоокеанского побережья.

Увы, многократные поиски следов первых американцев в пределах коридора ни к чему не привели. Древние стоянки есть лишь в крайней южной части этого пространства, и то датируются они временем не древнее 12,5 тыс. лет назад, т. е. гораздо моложе, чем предположительная первая волна переселенцев.

Гипотетически возможен также путь миграций вдоль тихоокеанского побережья; в этом случае речь идет о передвижении на лодках. Проблема в том, что послеледниковый подъем уровня Мирового океана скрыл в глубинах вероятные места первобытных стоянок. Обсуждая возможность такого пути продвижения в глубокой древности, исследователи ссылаются обычно на пример Австралии,

СИБИРЬ И ПЕРВЫЕ АМЕРИКАНЦЫ

заселенной человеком значительно раньше, чем Америка. При этом сплошного сухопутного моста здесь в принципе не существовало, и первым австралийцам приходилось преодолевать проливы шириной в десятки километров, отделявшие Австралию от ближайших островов. Правда, долго считалось, что на большей части тихоокеанского побережья ледники спускались непосредственно к морю, образуя отвесные обрывы льда типа современного берега Гренландии или Антарктиды. Трудно было даже представить себе длительное путешествие на углых лодочках или плотах вдоль такого берега без возможности пристать, обогреться и добыть пищу. Однако современные данные показывают, что уже начиная с 14 тыс. лет назад на отдельных полосах прибрежной зоны (юго-восток Аляски, острова Королевы Шарлотты, Британская Колумбия) существовали свободные ото льда участки берега, покрытые травянистой растительностью. Стало быть, приморский путь расселения тоже был реален; остается только найти на дне морском стоянки.

Глава 2

МЕЖДУ ТУНДРОЙ И СУБТРОПИКАМИ: ПАЛЕОИНДЕЙЦЫ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Перенесемся теперь с заснеженной Аляски на основную часть американского материка, отделенную от Берингии барьером из ледниковых щитов (см. цв. вкл. 7). Вся территорию северо-востока Америки занимал гигантский Лаврентийский щит. Ледяная шапка покрывала значительную часть современной Канады — Гудзонов залив и прилегающие к нему области — Лабрадор и Ньюфаундленд. Ледник протягивал свои языки на юг, в район Великих озер. Граница его распространения в интересующую нас эпоху как бы пересекала нынешние озера Верхнее и Мичиган, а дальше на восток ледник располагался южнее современных озер Гурон и Онтарио, оставляя свободным ото льда район озера Эри. Территория Новой Англии, за исключением Крайнего Севера, была доступна для заселения уже во время порядка 14 тыс. лет назад.

С юга и запада ледниковый щит был окружен огромными водоемами, наполненными талой водой. На современной карте мира не найти аналогов этих колоссальных по площади озер. В средней части нынешней Канады, на территории Саскачевана и Манитобы, разливались воды озера Агассиз (в период максимального распространения его площадь в четыре раза превышала площадь современного Верхнего озера). Через долины бассейна Миссисипи вода текла из озера на юг, к Мексиканскому заливу. По мере таяния льдов бассейн переполнялся, и около 13 тыс. лет назад озеро Агассиз соединилось с водоемами, занимавшими тогда место нынешних Великих озер. В районе современных озер Гурон и Мичиган существовало Алгонкинкское озеро, а на месте озера Онтарио — Ирокезское озеро. Отныне поток устремляется на восток, к Атлантике, а точнее к вдававшемуся тогда в виде глубокого залива морю Шамплейн, существовавшему на месте долины нынешней реки Св. Лаврентия.

На карте материка в период от 14 до 11,5 тыс. лет назад трудно узнать современные очертания берега. Если море Шамплейн глубоко врзалось в нынешнюю сушу, то южнее, наоборот, на месте волн Атлантики существовала обширная суша, соединявшая материк с Новой Шотландией и островом Принца Эдуарда. Она получила название Нортумбрия. Вдоль всего атлантического побережья

простиралась широкая полоса осушенного шельфа, представлявшая собой песчаную равнину.

К югу и западу от Великих озер простираются обширные Центральные равнины. Сейчас трудно представить, как выглядели просторы Среднего Запада до начала сельскохозяйственного освоения и что было здесь на месте нынешних бескрайних пшеничных полей. Ведь тут когда-то росли леса из ели, пихты, лиственницы, сосны, дуба и клена. Далее к западу преобладали широколиственные леса и прерии. В юго-западной части равнин выделяются возвышенность Озарк и возвышенность Уошито с лесистыми невысокими горами.

Вдоль атлантического побережья протягиваются горные цепи Аппалачей, разделенных многочисленными котловинами и долинами рек. Склоны гор покрыты широколиственными лесами из дуба, каштана, клена и бука, а на вершинах виднеются хвойные леса и альпийские луга. В финале плейстоцена к югу от ледника на месте провинций Онтарио и Квебек, а также на севере Аппалачских гор (на месте нынешнего штата Мэн) простиралась зона травянистой и кустарниковой тундры и лесотундры с зарослями ели, сосны и тополя. За ними следовали хвойные леса, покрывавшие основную территорию штата Мэн, долин Вермонта и Нью-Гэмпшира.

Юго-восток США занимает Приатлантическая низменность с широколиственными лесами. Южнее, во Флориде, густые субтропические заросли покрывают берега многочисленных озер и болот. Начиная с 14 тыс. лет назад на американском юге климат был несколько суше современного, здесь господствовали смешанные и лиственные леса. Во Флориде преобладали сосна и дуб.

В средней части континента на 4000 км с севера на юг протягивается полоса Великих равнин, представляющих собой предгорное плато Кордильер. Именно с этим районом связано абсолютное большинство древнейших стоянок. Плато с сухими степями пересекают многочисленные овраги и глубокие долины. В средней части равнин простираются хорошо известные любителям вестернов с Клинтон Иствудом Высокие равнины. Южнее на смену степям приходят полупустыни с кактусами и агавами. Здесь располагаются плато Льяно-Эстакадо и Эдуардс. Высокие равнины переходят в Скалистые горы, где берут начало основные реки запада США — Колорадо, Рио-Гранде, Миссури, Саут-Платт, Снейк и др. На склонах гор заросли можжевельника, сосны, пихты и ели сменяются в высокогорье альпийскими лугами. Облик равнин в плейстоцене заметно отличался от современного вида. Здесь распространялись леса, лишь постепенно, в конце ледникового периода, со времени примерно 13 тыс. лет назад, уступавшие место прериям. В периоды развития оледенения горные ледники покрывали вершины Скалистых гор.

Скалистые горы отделены от береговых хребтов широкой полосой плато и котловин. На северо-западе США расположено Колумбийское плато с полупустынями и сухими степями. Плато прорезано глубокими каньонами, в которых протекают бурные реки. В позднеледниковье в этой части материка произрастали леса паркового типа из сосны, тсуги и ели. Южнее находится Большой бассейн — бессточная горная область с реликтовыми плювиальными озерами. Регион отли-

чается сухим, резко континентальным климатом; это зона солончаков, каменистых пустынь и полупустынь. Далее на юго-восток расположено плато Колорадо со знаменитым Большим каньоном реки Колорадо. Плато покрыто лесостепной субтропической растительностью. Оно примыкает к впадинам пустынь Мохаве и Хила.

Обычно для реконструкции климатов прошлого геологи изучают разрезы отложений, из которых берутся пробы на споро-пыльцевой анализ — микроскопическое изучение сохранившихся в толще пород известковых оболочек зерен пыльцы и спор растений. На юго-западе наряду с разрезами есть и особый, нигде более не встречающийся источник знаний о растительности далекого прошлого. Это видные в расщелинах скал гнезда древесных крыс. Свое название зверек получил не потому, что лазает по деревьям (во многих местах его обитания и деревьев-то нет), а потому, что собирает для строительства гнезда любые веточки. При этом далеко крыса не бегаёт: подбирает лишь то, что находит в радиусе нескольких десятков метров. При раскопках пещер на юго-западе нельзя оставлять на ночь мелкий инструмент — кисточка или нож на следующее утро уже будут украшать ближайшее к раскопу гнездо. По составу найденных веточек на разных уровнях кучи можно определить, какие растения были на этом месте в разные периоды прошлого, а богатая органика мусорных куч — прекрасный материал для радиоуглеродного датирования. Дурно пахнущая куча имеет огромное значение для реконструкции природы прошлого.

Выясняется, что облик нынешней пустынной местности совершенно не похож на ландшафт, существовавший здесь в период от 14 до 11,5 тыс. лет назад. Климат был гораздо более прохладным, на смену засушливым условиям с периода примерно 13 тыс. лет назад приходит фаза увлажнения. Появляются многочисленные озера и ручьи, расцветает жизнь. В долинах появляются хвойные леса и кустарники, на плоскогорьях — полынные степи. В Неваде и Юте на обширном пространстве в периоды похолодания разливались плейстоценовые озера, крупнейшее из которых носило название Бонвилл (нынешнее Большое Солёное озеро — жалкий остаток того огромного водоема).

Ближе к Тихому океану протягивается вторая цепь Кордильер (Каскадные, Береговые горы, Сьерра-Невада). В северной части этих гор находился Кордильерский ледник, но отдельные небольшие ледники покрывали вершины и южнее. В долине современной реки Колумбии располагалось знаменитое ледниковое озеро Миссула. В позднеледниковое время несколько раз талые воды переполняли его; внезапно прорывалась естественная каменная плотина, и чудовищный по мощности поток, не сравнимый ни с какой из современных рек мира, с ревом устремлялся к океану, сметая все на своем пути.

Фаунистический комплекс позднего плейстоцена Северной Америки был чрезвычайно богат и разнообразен. Нам трудно даже представить, какой «охотничий рай» открылся взорам первых обитателей Америки. Богатая растительность Великих равнин в конце ледникового периода позволяла существовать огромному числу животных. В наши дни только в национальных парках можно застать такое обилие пасущихся на воле зверей.

Прежде всего предки индейцев столкнулись с гигантами животного мира — хоботными, представленными двумя различными группами — мастодонтами и мамонтами. Мастодонт — своеобразный вид, обитавший в основном в широколиственных лесах и питавшийся листвой и ветвями деревьев. Мастодонты жили по большей части на востоке континента, но есть и находки их костей на крайнем западе. Именно здесь, на тихоокеанском побережье, на полуострове Олимпик, открыто уникальное свидетельство охоты на мастодонта — застрявший в ребре зверя обломок костяного наконечника. Возраст находки — около 14 тыс. лет назад. Другие пункты, где в одном слое найдены каменные орудия и кости мастодонта, вызывают у специалистов сомнения. Время окончательного исчезновения мастодонта не вполне ясно, возможно, он дожил до начала голоцена.

Гораздо больше свидетельств сосуществования человека и мамонта. Некоторые из стоянок кловис содержат остатки мамонта и интерпретируются как места охоты или разделки туш погибших естественной смертью животных. Мамонты Северной Америки были разнообразны. С севера, из Берингии, сюда пришел обычный для Евразии шерстистый мамонт. Он расселялся в узкой полосе тундры и лесотундры к югу от ледниковых щитов. Южнее обитали гиганты даже по мамонтовым меркам — мамонты Колумба, сравнимые по размерам с африканскими слонами и достигавшие высоты 3,5 м. Мамонт начинает исчезать около 13 тыс. лет назад, а датировки последних мамонтов относятся к 12,5 тыс. лет.

Особую роль для существования древнего человека играли стадные травоядные (см. цв. вкл. 8), среди которых первое место по значимости занимал вымерший крупный длиннорогий бизон. Остатки бизона присутствуют на большинстве палеоиндейских стоянок начиная с эпохи кловис.

Среди оленьих на северо-востоке материка чаще всего встречаются остатки северного оленя (называемого в Америке карибу). Есть единичные кости лося. На Великих равнинах и западе страны были распространены белохвостый и чернхвостый олень, а также благородный олень (именуемый в Америке вапити). На стоянках запада континента встречены остатки вилорога — своеобразного вида американской антилопы с небольшими рожками. Эти быстроногие создания счастливо избежали участи многих своих диких собратьев, и поныне на просторах Вайоминга нередко можно услышать топот несущихся по степи стад антилоп. Другие виды травоядных включают дикую лошадь, мексиканского осла, тапира, своеобразную дикую свинку (плоскомордого пекари) и снежного барана. Не забудем и вымершего американского верблюда. Правда, кости этого животного на стоянках древнего человека единичны и не несут следов разделки. Поэтому не совсем понятно, были ли человек и верблюд действительно современниками.

Совершенно экзотическая группа зверей — наземные ленивцы, дальние родственники обитающих сейчас в Южной Америке древесных ленивцев. Среди них выделялось такое причудливое создание, как гигантский ленивец — травоядный гигант весом около 3 т. Встав на задние лапы, он достигал более 5 м в высоту и, подобно жирафу, мог питаться листьями и ветвями деревьев. Кости ленивца найдены в пещерах запада страны совместно с каменными орудиями. Достоверных признаков использования этого животного палеоиндейцами нет, хотя время окон-

чательного вымирания ленивцев оценивается в 13 тыс. лет назад, так что человек мог быть современником этого в высшей степени необычного зверя.

Богатство и разнообразие травоядных привлекало хищников, среди которых стоит отметить гигантского короткомордого медведя. Это был самый крупный и свирепый хищник в плейстоценовой фауне Северной Америки. По правде говоря, этот опасный зверь исчез с лица земли еще до прихода сюда носителей культуры кловис, как и знакомый больше по художественной литературе саблезубый тигр. Зато известны находки остатков черного медведя барибала, обычного для современной Северной Америки бурого медведя гризли, росомахи, американского барсука. На стоянках древнего человека встречены единичные кости кошачьих: плейстоценового или американского льва, ягуара, пумы (называемой в Америке иногда также кугуаром или горным львом), канадской и рыжей рыси. Среди псовых зафиксированы остатки серого и гривистого волков, койота, мелкой лисички (американского корсака) и обычной американской лисицы. На северо-востоке страны к этому списку добавляется песец. Из мелких хищников представлены остатки полосатого и пятнистого скунса, длиннохвостой ласки, американского хорька и плейстоценовой куницы.

Древние охотники порой осуществляли промысел мелких зверей — дикого американского кролика и зайцев. На стоянках северо-востока США встречены кости бобров, причем как живущего ныне канадского бобра, так и вымершего гигантского бобра (представим себе бобра, увеличенного в размерах до медведя и достигавшего длины 2,5 м).

Уже давно ученые бьются над загадкой: почему в конце плейстоцена произошло массовое вымирание животных (всего с лица земли исчезло до 76 видов). В свое время Пол Мартин выдвинул экстравагантную гипотезу «плейстоценовой сверхохоты». Согласно ей, относительно небольшая по численности группа древних охотников, проникнув из Сибири в Новый Свет через Берингию, прокатилась миграционной волной на юг и в течение чуть ли не одного тысячелетия хищнически истребила богатейшую фауну континента. Такая версия «экологической катастрофы» была одно время популярной в связи с современными экологическими проблемами. Тогда казалось: вот лучшее доказательство того, что и в глубокой древности человек хищнически относился к природе.

Как бы интересно ни смотрелась в глазах журналистов такая гипотеза, но, увы, факты говорят не в ее пользу. Вымирание больших групп животных периодически происходило на нашей планете задолго до появления на авансцене человека (вспомним участь динозавров). Очевидно, что немногочисленные разрозненные группы палеоиндейских охотников не могли вызвать столь масштабную природную катастрофу. К тому же из числа вымерших видов палеоиндейцы добывали по сути дела только бизона, лошадь и, вероятно, мамонта; достоверных свидетельств промысла других исчезнувших зверей нет. Вероятно, основной причиной гибели четвертичной мегафауны была все же просто смена типов растительности — основного источника пищи травоядных. За сокращением числа травоядных неминуемо последовала и убыль хищников. Кроме того, в биологии давно известно, что чрезмерная специализация в развитии и конкуренция множества близкородственных

видов не способствуют выживанию всех форм. Отмечено совпадение гибели некоторых видов с кратковременным эпизодом иссушения климата (кстати, произошедшим во время существования кловис) в интервале от 12,9 до 13,2 тыс. лет назад. Нет нужды повторять, что хронологическое совпадение ни в коей мере не доказывает причинно-следственной связи. К тому же трудно говорить даже о полном временном соответствии, поскольку вымирание большей части видов началось еще до начала распространения культуры кловис, примерно с 15 тыс. лет.

По-прежнему многие исследователи продолжают связывать первоначальные следы заселения Северной Америки человеком с распространением культуры кловис, о которой речь пойдет дальше. Споры вокруг предположительно древнейших памятников не затухают уже несколько десятилетий. Реальны ли следы докловисского заселения — вопрос, по поводу которого не стихают ожесточенные дискуссии. Порой споры перехлестывают через край, и накал страстей становится совсем не академическим. Сторонники теории раннего проникновения человека в Новый Свет говорят о засилье в науке влиятельных поборников концепции позднего заселения, с порога отметающих все аргументы противоположной стороны. Те, в свою очередь, говорят о легковерии оппонентов, готовых без надлежащей проверки признать любые, самые фантастические сведения, лишь бы они говорили о чрезвычайной древности человека в Америке.

Как показала многолетняя дискуссия, при этом стоянки, поспешно объявленные энтузиастами самыми ранними (еще бы — всем хочется громко заявить о сенсации!), затем исключались из числа претендентов на «первородство». В одних случаях камни, расколотые напором ледника или столкновением кусков породы, принимались за дело рук человека, в других — в одном слое оказывались смешаны разновременные остатки, в третьих — подвели радиоуглеродные даты. Порой следы лесных пожаров считались признаками костров древнего человека. Иногда за остатки древнейшего человека принимались поздние погребения, прорезавшие древние отложения. Довольно много имеется пунктов с находками костей плейстоценовых животных, но без признаков присутствия человека в виде каменных орудий. Что касается следов на костях, то опыты показывают: природа столь изобретательна, что практически любые виды раскалывания и дробления кости происходят без участия человека.

Какое-то время в качестве примера нижнего палеолита в Америке упоминался карьер Калико Хиллз в Калифорнии. Здесь на склоне холма и в глубоком раскопе среди массы раздробленного щебня было найдено немало галек со следами сколов и отщепов, которые исследователи приняли за искусственные сколы. Крупнейший в свое время знаток археологии Африки Луис Лики признал эти вещи подлинными. Возраст находок примерно оценивался в 100—200 тыс. лет назад. Однако большинство археологов скептически отнеслось даже к такому авторитетному мнению. В сущности говоря, здесь работала своего рода естественная камнедробилка, перерабатывая тысячи кусков породы. Среди всей этой массы могли получаться единичные предметы со всеми признаками искусственного раскола.

Гораздо скромнее в плане времени вероятного заселения другие авторы, говорящие о верхне-, а не нижнепалеолитическом заселении Нового Света. Здесь счет

уже идет не на сотни, а на десятки тысяч лет. Один из упорных сторонников раннего в пределах верхнего палеолита времени появления человека в Америке — профессор Джим Адовазио из университета Питтсбурга. Делом его жизни стало исследование навеса Медоукрофт в Пенсильвании. Археолог потратил десятилетия на раскопки уникального памятника, оборудовав здесь великолепную лабораторию и применив для его изучения весь многообразный арсенал современных исследовательских приемов. Можно без преувеличения сказать, что работы в Медоукрофте — лучшие по качеству из раскопок пещер на американском континенте. Сама пещера представляет собой огромную по размерам полость, заполненную более чем четырехметровой толщей отложений, относящихся к различным периодам первобытной истории.

Ниже слоев так называемого «архаического периода» выявилась толща отложений, где были найдены каменные пластинки и листовидный обработанный с двух сторон наконечник. Сенсацией стали неожиданно древние радиоуглеродные датировки, от 13 до 19 тыс. лет назад, что уже явно древнее самых ранних оценок возраста культуры кловис. Увы, налицо полная нестыковка датировок со всеми остальными данными. Судите сами: если опираться на радиоуглеродные данные, то возраст слоя должен быть около 16–17 тыс. лет назад, а это очень холодное время, когда край гигантской ледниковой массы находился всего в 80 км от памятника. По всем палеогеографическим реконструкциям на месте стоянки в этот период должна была быть тундра с редкими еловыми и сосновыми перелесками, где паслись северные олени. Вместо этого найдены кости типично лесного жителя — белохвостого оленя, да и споро-пыльцевой метод говорит о наличии здесь широколиственных лесов с грецким орехом. Поэтому большинство археологов, признавая заслуги Джима, все же не торопятся разделить его мнение. Некоторые авторы считают, что произошло загрязнение образцов, по которым делался радиоуглеродный анализ, за счет древнего угля. Другие археологи убеждены в том, что древний углерод проник по ходам корней растений. Позвольте, возражает Джим, загрязнение образцов обычно приводит к омоложению, а не удревнению возраста! Да и выходов угля поблизости от навеса как будто не наблюдается. Третьи говорят о сходстве найденного наконечника с предметами значительно более молодых культур, таких как эгейт бейсин. Спор продолжается...

Тем временем новые данные о древнейшем заселении начинают поступать с памятников юго-востока США. В Виргинии расположена стоянка Кактус Хилл, где в песках, буквально в нескольких сантиметрах ниже слоя кловис, найдены кварцитовые наконечники, нуклеусы и пластины. Датировки поражают — 18–19 тыс. лет! В Южной Каролине, на стоянке Топпер, также ниже слоя кловис, открыт культурный слой с нуклеусами, микропластинками и резцами. Полученные датировки примерно те же, что для Кактус Хилл.

Еще раз напомним: нет никаких принципиальных препятствий для проникновения человека в Новый Свет в более раннее время, чем конец плейстоцена, о котором мы постоянно ведем речь. Берингийский мост неоднократно открывался на протяжении плейстоцена, и возможности расселения существовали еще до наступления максимума последнего оледенения — 20–21 тыс. лет назад. Основная

проблема заключается только в отсутствии реальных, четко датированных стоянок. Проходят десятилетия жарких споров, потенциальные «кандидаты» на звание древнейших памятников то появляются, то исчезают, на смену одним стоянкам приходят другие... но кловис как древнейшая четко различимая во мгле тысячелетий культура все равно остается. Конечно, нельзя исключить возможность проникновения в Америку в ранние периоды каких-то небольших групп людей, исчезнувших затем без следа. Именно так с современной точки зрения выглядит проникновение в Новый Свет викингов, обосновавшихся в Средние века в Ньюфаундленде.

В свете упомянутых данных по юго-востоку США можно заключить, что какие-то группы людей, скорее всего не очень многочисленные, обитали здесь в эпоху, предшествовавшую кловис, но отстоявшую от нее ненамного (по палеолитическим меркам!) — всего на «каких-нибудь» несколько тыс. лет. Вероятно формирование на этой основе культуры кловис.

Как мы уже отмечали, первая из палеоиндейских культур названа кловис по имени городка в Техасе, рядом с которым были найдены остатки этой культуры. Датировки указывают на ее существование около 13 тыс. лет назад. Стоянки кловис широко распространены на территории Северной Америки практически от океана до океана и с севера на юг от Канады до Мексики (см. цв. вкл. 9). Культура существовала в условиях преобладания открытых ландшафтов на западе, хвойных, лиственных лесов и кустарниковых тундр на востоке ареала. С севера зона распространения кловис ограничивалась гигантскими приледниковыми озерами.

Производство наконечника кловис — сложный многоступенчатый процесс (рис. 7). Оно начиналось со сбора качественного сырья на местах его выходов на поверхность. Здесь куски породы опробовались, оббивались и превращались в двусторонне обработанные заготовки — бифасы, которые люди переносили с собой на места обитания (порой за сотни километров) и использовали далее по мере надобности. При необходимости изготовить наконечник с бифаса последовательно снимали все более и более тонкие сколы, превращая его вначале в тонкий бифас, а затем, используя отжим, в наконечник.

Рис. 7. Реконструкция способа изготовления наконечников кловис (по Д. Хофману)

Классический наконечник типа кловис — удлинённый предмет с вогнутым основанием и сходящимися к острому кончику краями. На обеих плоскостях его видны следы обработки. Своёобразие наконечникам кловис придают характерные желобчатые сколы, наносившиеся при изготовлении орудия от основания предмета. Такой скол наносился резким и точно рассчитанным нажимом с применением посредника (куска дерева или кости). При этом с характерным звуком отскакивал тонкий скол, а у основания наконечника появлялась характерная выемка в виде желобка. Этот приём, с одной стороны, облегчал насаживание наконечника на древко копья, но, с другой, требовал большого опыта и не всем удавался. В результате археологи часто находят бракованные, сломанные в процессе изготовления наконечники и их обломки. Завершалось изготовление наконечника легкой шлифовкой краёв. Наконечники крепились к древкам копий и дротиков (см. цв. вкл. 10). На одном из обсидиановых наконечников кловис найдены остатки органики, вероятно смолы или другого естественного клея, скреплявшего предметы.

Оригинальная техника кловис была неизвестна палеолитическим обитателям Старого Света, и есть основания полагать, что она представляла собой самое первое чисто американское изобретение. Изящество наконечников кловис делает их излюбленным предметом коллекционирования любителей археологии.

Откуда же взялись охотники кловис? Кто изобрёл технику желобчатого скола? Перенесемся за краснокирпичные стены старого здания Смитсоновского института в центре Вашингтона — этого средоточия археологических и этнографических исследований. За окнами проносятся огни бесконечного потока машин на Медисон Драйв, но здесь всё дышит стариной. В просторном кабинете хозяин, профессор Дэннис Стэнфорд, раскладывает на столах образцы каменных наконечников древних культур из самых различных районов Северной Америки. С жаром он доказывает: ни в Америке, ни в Сибири нет корней кловис. Единственное место на земле, где в палеолите использовали тонкие бифасы — это юг Франции и Испания, где 20–21 тыс. лет назад существовала культура солютре. Она-то и знаменита самыми выдающимися в палеолите достижениями в области обработки камня. Настоящие «цветы из камня» — так характеризуют лучшие образцы солютрейских тонких бифасов. Неужели вместо Сибири надо искать истоки палеоиндейцев в Европе? Дэннис Стэнфорд вместе с другим американским археологом, Брюсом Брэдли, выдвинул экстравагантную гипотезу: а что, если предки первых американцев пересекли на пути в Новый Свет не берингийскую сушу, а замерзшие во время оледенения просторы Атлантического океана? Правда, тут же последовала недоуменная реакция со стороны специалистов, лучше знакомых с европейскими материалами. Ведь время существования кловис и солютре разделено интервалом в несколько тысяч лет. К тому же в солютре нет желобчатых наконечников, а случайно встреченные немногочисленные обломки со следами таких сколов — это хорошо известные экспериментаторам следы неудачной оббивки бифаса. Остальные формы орудий в солютре и кловис тоже не отличаются сходством. В самом деле, представить себе группу людей, уныло бредущих невёдомо куда по сплошному льду или плывущих на утлых плотках вдоль ледяной

кромки на протяжении тысячелетий — это уже из области полной фантастики. Разрыв в тысячи лет и тысячи километров...

Как и наконечники других палеоиндейских культур, абсолютное большинство наконечников кловис найдено случайно на поверхности. Скорее всего это следы охоты древних людей. Кроме наконечников, люди кловис использовали другие разнообразные орудия из камня: ножи, скребла, скребки, проколки, выемчатые орудия. Была развита обработка кости: найдены отжимники, шилья, острия, наконечники копий из бивня и кости, цилиндры из бивня мамонта, костяные бусины. Уникальна находка куска бивня длиной более 70 см, обрубленного с двух концов. Такие предметы служили в качестве заготовок для превращения в орудия. Есть находки костяных ядрищ, с которых, точно так же, как с каменных нуклеусов, снимались отщепы. В Мюррей Спрингз открыто выразительное орудие в виде стержня с округлой головкой и отверстием посередине общей длиной 26 см. Такие вещи хорошо известны в палеолите Европы и Сибири и носят старинное название «жезл начальника». Когда-то их действительно трактовали как символы власти, теперь большинство ученых склоняются к функциональному объяснению назначения таких вещей — как выпрямителей древков копий (см. цв. вкл. 11).

Большинство стоянок кловис открыто в предгорьях Скалистых гор и на Великих равнинах. Человек обитал здесь вблизи рек и ручьев. На юге равнин открыты сложные памятники, состоящие из десятков разновременных стоянок и мест забоя животных, расположенных на берегах высохших ныне небольших озер, в которые впадали ручьи. Иногда человек обитал неподалеку от места разделки охотничьей добычи. На юго-западе США климат был более влажным, чем современный, и древний человек селился на берегах высохших ныне пресноводных водоемов. В Техасе есть следы кратковременного обитания людей кловис под скальными навесами. Вблизи выходов сырья люди кловис устраивали мастерские. На этих местах археологи находят огромное число ядрищ, отщепов и заготовок-бифасов, брошенных на всех стадиях обработки. Вероятно, эти охотники жили небольшими группами, кочуя по местности в поисках добычи.

Охотники кловис, вторгшиеся в «охотничий рай» плейстоцена, принялись активно истреблять обитателей равнин: бизона, лошадь, белохвостого оленя, антилопу, тапира, медведя, кроликов, птиц. Охота дополнялась добычей черепах и рыболовством.

В особую группу памятников кловис выделяют места забоя или разделки туш умерших мамонтов. На разных стоянках открыты кости от одного до четырнадцати гигантов в сопровождении небольшого числа наконечников и других орудий. Иногда для разделки туши применяли кости мамонта. Так, на пункте Лендж-Фергюсон найдено массивное изделие с острым краем, изготовленное из оббитой по краям лопатки зверя. Порой неподалеку от костей прослеживаются следы кратковременных костров. На пункте Мюррей Спрингз открыты многочисленные отпечатки ног мохнатых гигантов, запечатлевшиеся на песчаном грунте неподалеку от водопоя. Нужно сказать, что кочующий по популярной литературе образ могущественного охотника, с копьем в руке отважно преследующего мамонта, вряд ли соответствовал реальности. Современные методы анализа показывают,

что в большинстве случаев наши предки скромно довольствовались остатками погибших естественной смертью животных, порой добывая мамонтов, гибнувших в топких местах. Не составляет исключение и Америка.

На востоке континента есть несколько пунктов, где наконечники кловис и другие каменные орудия найдены вместе с костями мастодонта, обычно в сопровождении остатков других животных — оленя, лося, лошади. Судя по характеру отложений, речь идет о древних болотах и топких берегах озер — местах естественной гибели животных.

Удивительно, но наибольшее число метательных наконечников кловис (как и наконечников других палеоиндейских культур) найдено не в той местности, где находятся основные стоянки с сохранившимися культурными слоями, т. е. на западе, а в восточных, приатлантических районах материка. Правда, стоит учесть, что восток Америки — место гораздо более населенное, чем ковбойские просторы запада. Соответственно и шансов найти наконечники на вспашке, при строительстве дорог, каналов, рытье фундаментов и т. п., гораздо больше, да и археологов здесь обитает значительно больше. К сожалению, стоянки, открытые в районе Великих озер и Новой Англии, не столь выразительны по сравнению с памятниками Великих равнин. Дело в том, что палеоиндейские стоянки региона связаны в основном с озерными террасами и дюнами; залегающие под современной почвой изделия из камня рассеяны по вертикали и в плане образуют ряд скоплений. Костные остатки в силу кислотности почв практически нигде не сохранились. Часто ранние вещи смешаны с позднейшими материалами.

Природные условия востока континента заметно отличались от обстановки, в которой привыкли существовать палеоиндейцы равнин. Мы уже говорили о том, что южнее ледников, на месте современных Великих озер и далее к западу располагались огромные по площади приледниковые водоемы. К ним примыкали лесотундры, где в изобилии паслись стада северного оленя. Далее шла полоса сосновых и еловых лесов, а на американском юге господствовали широколиственные леса, в которых водились вымершие родственники слонов — мастодонты.

Первыми обитателями здешних мест были уже знакомые нам носители культуры кловис, точнее ее восточного варианта — гейни. Наконечники гейни несколько отличаются от классических типов кловис. Такие изделия встречаются на огромной территории от Новой Англии и Виргинии до Великих озер и долины Миссисипи. Стоянки, вероятно, кратковременные охотничьи лагеря, представлены в основном скоплениями предметов расщепленного камня, иногда встречаются очажки и каменные выкладки. На стоянке Сандерберд удалось расчистить ямки — следы некой столбовой конструкции. Редкие косточки говорят о том, что обитатели стоянок охотились в основном на северного оленя, но вели промысел также зайца, песца и лисицы. Вероятно, места расположения стоянок были связаны с путями сезонных миграций стад оленей. В пещере Шериден Пит, расположенной в штате Огайо, вместе с каменными и костяными наконечниками встречены кости пекари и гигантского бобра, северного оленя, дикобраза и других животных. Скорее всего пещера была естественной ловушкой, использованной человеком. На выходах кремня и яшмы располагаются обширные

мастерские, где количество изделий из камня исчисляется тысячами и десятками тысяч. Реконструируется картина сложных сезонных перемещений групп охотников с попеременным использованием жилых стоянок, охотничьих лагерей поблизости от мест забоя и разделки туш оленей и мастерских, где добывалось сырье для изготовления каменных орудий.

Если в северной части ареала преобладала охота, то южнее люди кловис занимались в основном рыболовством и собирательством. Интересные данные по этому поводу доставила стоянка Шони-Минисинк на реке Делавэр в Пенсильвании. Древние люди жили здесь в окружении смешанных лесов из сосны, ивы, березы и дуба. Из культурного слоя были извлечены многочисленные остатки растений, в том числе обугленные косточки дикой сливы и винограда, фрагменты костей рыб. Так что первобытные люди не ограничивались плодами охоты, а старались разнообразить свое меню.

Одна из самых ярких черт культуры кловис — наличие тайников (условно называемых кладами), содержавших отборные изделия из камня и кости. Такие клады, как правило, не связаны со стоянками, и их случайно находят фермеры на пашне. Обычно в составе кладов имеются тщательно обработанные наконечники, заготовки для их производства и двусторонне оббитые ножи, порой изделия в форме полумесяца. Часто предметы залежали плотной кучкой, и можно полагать, что в древности они были обвязаны или хранились в мешочке. Во многих случаях предметы покрыты охрой. Содержание кладов заметно различается, и, вероятно, назначение их также было различным.

Есть простые клады из нескольких пластин и наконечников, порой — бифасов, ядрищ, скребел, отбойников и других орудий. Примером может служить открытый в Канзасе клад Буссе. Засыпанные охрой бифасы, пластины, отщепы из принесенной издалека яшмы залежали вместе на небольшом участке. Анализ следов сработанности на орудиях под микроскопом показал, что вещи из клада активно использовались для скобления шкур, резания мяса, обработки дерева и кости. Это был своего рода склад инструментов древних охотников, припрятанный для повторного использования при возвращении на место.

В то же время богатые клады с вещами, редкими и необычными для стоянок, возможно, были связаны с погребальным обрядом или жертвоприношениями. Самый выразительный клад такого рода, получивший название Ричи, был найден на крайнем северо-востоке США, в штате Вашингтон. Здесь открыты серия сделанных из красивого агата очень крупных наконечников кловис (самый большой имел длину 23 сантиметра), бифасы, ножи, тесла и другие орудия. Тут же залежали украшенные насечками стержни из бивня мамонта или мастодонта.

Мы все время ведем речь о заселении Америки человеком. Камней и костей животных найдено, как мы видим, довольно много, но где же останки самого человека? Увы, несмотря на длительные поиски, большая часть костей и черепов, поспешно объявленных следами первых обитателей континента, оказались после проверки или принадлежащими более поздним эпохам, или лишенными связи с теми или иными палеоиндейскими культурами. Тем ценнее оказываются исключительно редкие находки, одна из которых имеет прямое отношение к культуре кловис.

Речь идет о погребении в Энчик, штат Монтана, случайно найденном при строительстве. Здесь были открыты разрозненные кости, принадлежавшие как минимум двум людям. Они сопровождались засыпанными охрой изделиями из кремня, халцедона и яшмы. Это великолепные образцы наконечников кловис и заготовки наконечников, оставленные на разных стадиях обработки. Тут же найдены вещи из кости мамонта: наконечники со следами насечек. В обстоятельствах открытия много непонятного, и столь же непонятны полученные датировки: по костям одного скелета даты соответствует кловис — в среднем около 12,6 тыс. лет назад, а вот по костям второго — серия неожиданно молодых датировок: около 9 тыс. лет. Итак, возможно здесь смешаны разновременные остатки.

Поразительное единообразие облика находок от Атлантики до Тихого океана производит впечатление, что культура кловис — следы относительно быстро расселившейся по всему континенту группы охотников. В биологии известен эффект экспоненциального роста численности популяции, попавшей в свободную экологическую нишу. Вероятно, эту модель можно использовать для объяснения распространения человека на не заселенном до того пространстве. В этом случае вырвавшаяся из теснины безледного коридора, как из узкого бутылочного горлышка, группа людей относительно быстро заняла огромную по площади территорию.

Есть и иные, косвенные, свидетельства, говорящие о том, что охотники кловис действительно были первыми людьми на просторах Северной Америки. Во-первых, они использовали для изготовления орудий редкое высококачественное сырье, которое тщательно сберегалось и переносилось на огромные расстояния (до 500 км!) от источников. Есть, кстати, и несколько рекордных случаев переноса наконечников из обсидиана, источники которого находятся за 1000 км от места находки. Между тем в ряде мест приносное сырье найдено там, где поблизости имеются породы, не уступающие ему по качеству. Во-вторых, Северная Америка необычайно богата пещерами и скальными убежищами, которые интенсивно осваивались в позднейшие периоды. В то же время следы присутствия ранних палеоиндейцев здесь единичны. Возможно, эти факты говорят о том, что первые поселенцы еще не слишком хорошо изучили местность и не использовали всех возможностей, которые им предоставляла природа.

Мы уже говорили о том, что период существования культуры кловис совпадает по времени с одним из самых массовых в истории континента вымиранием представителей фауны. Смена климата, приведшая к перестройке животного мира, повлияла и на древних обитателей континента. Между 13 и 11,5 тыс. лет назад прежде единая культурная общность распалась, образовав ряд новых культур, выделяемых на основании разнообразных типов наконечников и занимавших уже меньшую территорию, чем кловис (см. цв. вкл. 12). Если культура фолсом продолжила традицию изготовления желобчатых наконечников, то в других комплексах (гошен, эгейт бейсин) довольствовались двусторонне обработанными наконечниками без желобка.

...Заросшие сухим можжевельником и редкими елями склоны гор. Выжженные солнцем долины. Мы в самом малонаселенном из штатов Америки, Вайоминге,

в раю для охотников, рыболовов и любителей путешествовать. Именно тут сосредоточены подлинные сокровища культур древнейших обитателей Северной Америки. Здесь расположена известная группа стоянок Хелл Гэп, где в пределах единой колонки отложений вскрыты остатки ряда последовательных обитаний человека, относящихся к разным традициям (гошен, фолсом, мидленд, эгейт бейсин и др.). Подобные многослойные памятники справедливо именуется среди археологов опорными. Именно они дают надежную основу для установления последовательности смены древних культур, их связи с изменениями природной среды (см. цв. вкл. 13).

Время существования гошен определяется в интервале примерно от 13,2 до 12,8 тыс. лет назад. Культура гошен открывает серию специализированных культур, основанных на массовой (а не индивидуальной, как раньше) добыче бизона. Основные памятники открыты в предгорьях Скалистых гор и даже в высокогорье, на высоте до 2500 м. Охотников гошен окружали степные долины с редким кустарником, а на склонах гор росли сосна и можжевельник. Наиболее яркие памятники гошен — места сезонного забоя стад бизона. Порой жилища стоянка находилась неподалеку от места забоя. Встречены остатки до 15 особей зверя. Охота велась как в течение весны-осени, так и осенью-зимой. Кроме того, в число охотничьей добычи людей гошен входили олень, вилорогая антилопа, верблюд, горный баран, лось. Треугольные по форме наконечники гошен лишены желобка, они как бы прерывают традицию изготовления желобчатых наконечников от кловис к фолсом, о которой мы скажем дальше.

Но традиция изготовления желобчатых наконечников не прервалась, а получила дальнейшее развитие. Об этом говорит сменяющая кловис на большей части территории Северной Америки культура фолсом. Вероятно, она частично сосуществовала с кловис на раннем этапе, хотя на многослойных памятниках слои фолсом перекрывают кловис. Время существования культуры соответствует короткой холодной фазе конца последнего оледенения — порядка 12 500 лет назад. Наконечники фолсом — это прямое продолжение традиции желобчатого скола, возникшей в эпоху кловис. Но здесь совершенство техники обработки камня достигает апогея, и желобчатые сколы занимают уже большую часть поверхностей наконечника, который к тому же мельче по размерам, чем кловисский. В качестве заготовок наконечников использовались бифасы, которые заслуженно получили название «ультратонкие». Такие предметы использовались в быту как острые ножи, но в то же время могли быть и заготовками для наконечников. Порой фолсомские охотники подбирали и вновь использовали более древние, кловисские наконечники.

Основной ареал культуры фолсом расположен в Скалистых горах и на Великих равнинах, но культура распространялась и на пустынный юго-запад, и на восток, в бассейн Миссисипи. Эта экспансия была связана с иссушением климата и распространением прерий, сопровождавшимся широким расселением основного охотничьего вида — бизона.

Жилые стоянки фолсом преимущественно приурочены к песчаным дюнам и речным террасам на севере равнин, дюнам и озерно-болотным отложениям

на юге. Здесь открыты остатки очагов, а в нескольких культурных слоях упоминавшейся стоянки Хелл Гэп выявлены столбовые ямки — следы опор легких наземных жилищ. В такие ямки вкапывались столбы, а затем вся конструкция перекрывалась крышей из шкур. На стоянке Хенсон в Вайоминге найден колышек из рога антилопы, вероятно, использовавшийся для закрепления палатки из шкур. Есть среди памятников фолсом мастерские для извлечения и первичной обработки камня и стоянки в скальных навесах. Появляются своеобразные места типа карьеров для извлечения из земли кусков гематита, применявшегося для изготовления красной краски — охры. Как и в кловис, стоянки располагались неподалеку от места забоя и разделки бизонов.

Чаще всего наконечники фолсом находят на местах добычи животных. Эти места опознаются по костеносным слоям, видимым в бортах оврагов, в которых залежали остатки нескольких (от 5–6 до 10–15) бизонов. На самой крупной стоянке такого типа, Липскомб в Техасе, расчищены костные остатки целых 56 бизонов. Охота велась преимущественно в течение конца лета и начала осени, когда целые стада бизонов загоняли в овраги и истребляли. На стоянке Линденмейер в Колорадо найден позвонок бизона с вонзившимся в него и намертво застрявшим наконечником — прямое свидетельство охоты. Кроме того, в число охотничьей добычи входили северный, чернохвостый и белохвостый олень, снежный баран, пекари и вилорогая антилопа. Промышляли порой кроликов и зайцев. Кроме копий и дротиков, хорошо известных еще охотникам кловис, здесь, по-видимому, уже начинают использоваться лук и стрелы.

Кроме того, из слоев фолсом происходят костяные и роговые беспазовые наконечники и стержни, изделие из рога лося типа молотка, костяные скребла, проколки и иглы с ушком, кости со следами нарезок. Помимо орудий из камня и кости найдены украшения — бусы из мягкого камня и кости, подвески, диски с нарезками по краю. Начиная с эпохи фолсом человек обретает своего верного помощника в охоте — собаку.

К культуре фолсом относится древнейшее свидетельство изобразительной деятельности в Новом Свете. Речь идет о находке со стоянки Купер в Оклахоме. Этот памятник представлял собой следы трех одновременных эпизодов истребления стад бизонов. Каждый раз уничтожали 20–30 голов, может быть и больше (часть стоянки разрушена эрозией). Археологически следы охоты выражены как мощные костеносные слои, вскрытые в песках на склоне овражка. Судя по всему, массовый забой происходил в конце лета — начале осени. Большинство скелетов лежат в анатомической связи, т. е. туши забитых бизонов были брошены почти нетронутыми после извлечения лакомых кусков. В основании нижнего слоя археологи извлекли из земли череп бизона с прорисованной на нем красной минеральной краской (охрой) зигзагообразной линией. Можно представить себе, что древние охотники положили разукрашенный череп зверя на место будущей охоты, дабы магическими действиями обеспечить себе успех.

Увы, об облике самих людей фолсом остается только догадываться. Немногочисленные известные костные остатки человека происходят с дюнных стоянок и лишены четкой привязки к культурным слоям.

Гораздо труднее составить себе представление об облике древнейших культур крайнего запада североамериканского материка. Дело в том, что в этой части континента стоянки под открытым небом очень редки, а пещерные отложения сильно нарушены и смешаны.

Особый вид стоянок древнейших обитателей Большого бассейна — сухие пещеры, известные в Айдахо, Юте, Неваде и Орегоне. Археологу, привыкшему иметь дело с влажными пещерами, распространенными в Евразии от Франции до Сибири, необычно видеть такие памятники. Копать здесь невероятно трудно: ведь по сути дела, приходится разбирать плотную слежавшуюся пыль. Каждое движение инструмента поднимает облако мельчайшей пыли. Добавим к этому жару и духоту. Но именно благодаря исключительной сухости здесь прекрасно сохранились те остатки, которые во влажных пещерах бесследно исчезают — органика, дерево, кожа.

В нижних горизонтах пещер и гротов рядом со следами очагов и костями вымершего верблюда, бизона, лошади, порой северного оленя и хищников (койота, гривистого волка, американского гепарда) найдены своеобразные наконечники с небольшим выступающим черешком. По этим формам изделий здесь выделена особая культура черешковых наконечников, зародившаяся во время кловис и распространенная на крайнем западе во времена фолсом. Еще одна «примета» культур дальнего запада — фигурные изделия из камня, тщательно обработанные с двух сторон и имеющие форму полумесяца.

В пещере Ягуара встречены кости собаки. Интересны находки из пещеры Вентана в Аризоне. Здесь вместе с костями представителей плейстоценовой фауны (преобладает лошадь) найдены листовидные наконечники и зернотерки. Последнее открытие говорит о значительной роли растительной пищи в рационе представителей названных культур. Обнаружены также морские раковины, принесенные из далекой Калифорнии.

Кроме пещер, люди селились по густо заросшим кустарником и деревьями берегам многочисленных озер, ныне высохших. Здесь археологами найдено большое число наконечников и других орудий из кремня, яшмы, обсидиана и халцедона. Некоторые пещеры также располагались по берегам озер. Вероятно, сбор съедобных растений и рыболовство играли в этих условиях большую роль по сравнению с охотой, причем в ряде мест основной добычей были не крупные животные, а зайцы и кролики, а также птицы.

К культуре черешковых наконечников относится найденное при земляных работах погребение в Бул (штат Айдахо). Человеческие кости были случайно встречены в отвесной стенке карьера в песчаном слое непосредственно над гравием. Увы, при рытье часть скелета была повреждена, но череп, ребра, кости рук и позвонки удалось собрать. Судя по всему, остатки принадлежали молодой женщине 17–21 года. Рядом с костями лежали прекрасный образец черешкового наконечника из черного обсидиана, обломок костяной иглы, кусочки орудия из кости типа проколки или шила и кость барсука. Получена и датировка — около 12 700 лет назад.

Удивительно, что на благословенных берегах Калифорнии, в этом очень хорошо обследованном с точки зрения археологии районе, остатков древнейших стоя-

нок вовсе нет. То ли первые обитатели Нового Света, продвигаясь морским путем, проплыли мимо, направляясь на юг. В этом случае следы их стоянок скрыты под волнами океана. То ли, наоборот, группы палеоиндейцев, распространяясь на запад, так и не успели в это время достигнуть тихоокеанского берега.

При этом следы палеоиндейцев найдены не на побережье, а на островах, ныне отделенных от берегов Калифорнии морским пространством. Есть сведения о плейстоценовых датировках ранних горизонтов раковинных куч на островах Сан Мигель у побережья Калифорнии и происходящих с острова Санта Роза антропологических остатках (так называемый «арлингтонский человек»).

А что же происходило в эпоху, следующую за кловис, на востоке континента? Здесь во времена, соответствующие расцвету фолсом на западе, были свои культуры. В районе Великих озер выделена культура паркхилл, вероятно представлявшая собой местный вариант фолсома. Помимо наконечников, для стоянок этой культуры характерны каменные сверла с желобчатым сколом. Как мы уже говорили, древние стоянки на востоке континента далеко не столь впечатляющи, как костеносные слои на западе. Памятники представлены разбросанными по площади скоплениями предметов из расщепленного камня, изредка очагами. Стоянки связаны с террасами древних приледниковых озер, прежде всего огромного Алгонкингского озера. Вероятно, носители этой культуры охотились на северного оленя.

Другая, менее изученная и, вероятно, немного более поздняя, культура района Великих озер носит название «кроуфилд» и выделяется по наличию своеобразных широких наконечников с выпуклыми продольными краями и следами желобчатого скола. Основная стоянка этой культуры в канадской провинции Онтарио содержала залежавшее под пахотным слоем скопление огромного числа побывавших в огне каменных орудий, имевшее около полутора метров в поперечнике. Причем все орудия — законченные, отборные. Что это — склад вещей или остатки кремации — так и осталось непонятным.

В то же время вдоль побережья Атлантики от Канады до Пенсильвании во время, на Великих равнинах уже соответствовавшее фолсом, продолжались без больших изменений традиции кловис. В период времени между 13 и 11,5 тыс. лет назад процветала культура, получившее название деберт-вейл по имени основных стоянок. Их расположение показывает, что обитатели этих мест густо населяли все берега приледниковых водоемов, обрамлявших с юга Лаврентийский ледниковый щит, а также осушенную часть шельфа, связывавшую материк с Новой Шотландией.

Как обычно на востоке Америки, стоянки представлены разбросанными скоплениями материала, иногда вокруг очагов. Порой очаги сопровождалось приочажными камнями, использовавшимися при приготовлении пищи. Вблизи стоянки Вейл, на расстоянии нескольких сотен метров, были найдены места, где залежали сломанные наконечники, некоторые обломки подходили к обломкам со стоянки. Вероятно, именно здесь велась загонная охота. Судя по редким сохранившимся косточкам, носители культуры деберт-вейл занимались добычей северного оленя и бобра. Вероятно, образ жизни тех охотников был близок быту современных обитателей Севера. Об этом говорит найденное на стоянке Эдкинз мощное скопление

составленных вместе крупных валунов. Такая конструкция аналогична хранилищам у северных народов, которые укладывают вместе куски мерзлого мяса и закрывают их камнями для защиты от песцов и волков. Особая категория находок — редкие клады наконечников и бифасов — возможные следы погребений.

На американском юге есть свои, особые культуры. Формы каменных наконечников поражают разнообразием. В отличие от равнин запада, природное разнообразие данного района благоприятствовало образованию и сохранению местных традиций изготовления наконечников. К сожалению, во многих случаях четко датировать эти находки пока невозможно, слишком велика степень смешанности слоев. Одна из таких культур, распространенная во Флориде, Южной Каролине и Джорджии, получила название суванни и выделяется по листовидным наконечникам с сильно вогнутым основанием и без следов желобчатого скола. Стоянки культуры приурочены к берегам рек и озер. Жители этого влажного и теплого (даже при последнем похолодании плейстоцена) края занимались рыболовством, охотились на тапиров и оленей, добывали птиц, черепах, аллигаторов.

На крайнем юге США, в районе Мексиканского залива, древнейших стоянок очень мало. Это связано с геологической историей района, где поверхность перекрыта молодыми осадками. В ряде мест из-за кислотности почвы кости не сохранились, и здесь археологам приходится довольствоваться только находками изделий из камня. Исключение составляет пещера Даст в Алабаме, где различные палеоиндейские наконечники, костяные орудия и подвески найдены вместе с многочисленными костями птиц и черепах, остатками рыбьей чешуи, косточками дикого винограда.

Поражают находки из Флориды, где остатки палеолита в условиях влажных тропиков оказались ниже современного уровня воды, который сейчас здесь на 40 м выше, чем в конце плейстоцена. Археология палеоиндейцев во Флориде становится отчасти подводной, и к обычным археологическим инструментам нужно добавлять акваланг. Из многочисленных ручьев, прудов и карстовых воронок извлечены великолепно сохранившиеся наконечники из кости, рога, бивня мамонта и мастодонта. Порой на таких наконечниках видны следы геометрического орнамента. Найдены гарпуны, кости со следами нарезок, с зигзагообразным орнаментом, со сточенными концами, кости, использовавшиеся как наковальни. Увы, связать эти изумительные находки с какой-либо из известных палеоиндейских культур невозможно. На реке Уадисса найден череп бизона с застрявшим в нем сломанным кремневым наконечником копья — наглядное свидетельство охоты первобытного человека. Такие находки говорят о распространенности охоты на зверя у водопоев.

Интересные находки доставила подводная стоянка Литл Солт Спринг. Здесь в огромной карстовой воронке глубиной 60 м, заполненной теплой минерализованной водой, на дне было открыто множество костей мамонта, мастодонта, бизона, гигантского ленивца и других животных. По найденному здесь деревянному колу получена дата — около 14 тыс. лет. Благодаря подводным раскопкам в руки археологов попал даже бумеранг, сходный со знаменитыми орудиями австралийских аборигенов.

Глава 3

НА КРАЮ ОЙКУМЕНИ

Вплоть до середины прошлого века этнографы считали Южную Америку наименее изученным континентом. С тех пор многое изменилось. Некоторые живущие там народы утратили прежнюю культуру еще до того, как ученым удалось с ними встретиться, но другие сохраняли ее, по крайней мере, до 1970-х гг. Опубликованные во второй половине XX в. десятки превосходных монографий по индейцам колумбийской Амазонии, востока Перу, Венесуэлы, Гвианы и Эквадора вошли в золотой фонд науки. С археологическими и палеоклиматическими исследованиями дело обстоит гораздо сложнее.

подавляющее большинство археологов работает либо на западе Южной Америки, в Андах (главным образом в Перу), либо на юге континента, в Чили и Аргентине. В этих районах лучше климат, туда легче добраться, там, наконец, безопаснее. Правда и в андских странах бандиты и партизаны нередко вынуждали ученых спешно возвращаться домой, но затем раскопки возобновлялись. В 1960—1970-х гг. серьезный прорыв произошел в изучении древностей восточной и южной Бразилии, прямо связанный с экономическим подъемом этой страны. Но большинство областей в глубине континента практически не обследованы. Помимо тяжелого климата, есть и другая причина, затрудняющая работы: Южная Америка далека от Соединенных Штатов и тем более от Европы, там мало дорог, до места раскопок нередко приходится добираться на лодках и вертолетах, поэтому археологические экспедиции во внутренние районы Южной Америки стоят дорого. К тому же, если этнографу достаточно иметь с собой микрофон и фотоаппарат, то современная археологическая экспедиция — это целая группа специалистов с дорогостоящим оборудованием.

Ранние археологические материалы по Южной Америке известны поэтому несравненно хуже североамериканских. Особенно плохо изучены районы тропических низменностей к востоку от Анд. Не только многие области бразильской Амазонии, но также южная Венесуэла и Чако в Парагвае и Аргентине вообще остаются белыми пятнами на археологической карте.

Хотя в наши дни амазонской сельве угрожает уничтожение, Южная Америка все же до сих пор вызывает у нас образ бескрайнего и непроходимого тропического дождевого леса. Но так было не всегда. Как и в Северной Америке, в плейстоцене

природные условия в Центральной и Южной Америке существенно отличались от современных (см. цв. вкл. 14).

Периоды оледенения сопровождались в тропиках иссушением климата. Первые мигранты застали в Центральной и Южной Америке значительно менее крупные лесные массивы, чем ныне. Преобладала саванна. Из-за более низкого, чем сейчас, уровня океана реки промывали более глубокие русла, особенно в нижнем течении. Они текли быстрее, но были существенно уже, чем ныне. Все это делало внутренние области Южной Америки более проходимыми для человека, нежели в эпоху геологической современности.

Лишь немногие районы Южной Америки были прямо затронуты оледенением. Это, во-первых, высокогорье Перу и, во-вторых, Патагония, точнее ее западные горные области. Из-за пересеченного рельефа, густой растительности и чрезвычайно высокой влажности (до 7000 мм в год!) там и сейчас нет постоянного населения. На южноамериканские равнины ледники распространялись только миллион лет назад, в раннем плейстоцене. Обширные районы Боливийского плоскогорья в период между 15,4 и 11,5 тыс. лет назад занимало озеро. От него остались сейчас озеро Поопо и огромные солончаки. Мелководные области континентального шельфа, в частности, значительная часть Мексиканского залива и Карибского моря, прилегающая к полуострову Юкатан и штатам Табаско и Веракрус, представляли собой сушу. На месте небольших сейчас Багамских островов располагалось несколько крупных. Обширные массивы суши, ныне затопленные Атлантическим океаном, тянулись вдоль побережья Бразилии, Уругвая и Аргентины. В период ледникового максимума Фолклендские острова соединялись с Патагонией, хотя к моменту появления в Южной Америке человека пролив между ними уже возник. Однако Магелланов пролив, отделяющий от Патагонии Огненную Землю, появился позже и не являлся препятствием для продвижения палеоиндейцев. В районах, прилегающих к Тихому океану, в эпохи оледенений обнажались не столь значительные территории. Так, в Перу береговая линия находилась максимум в 25 и минимум в 5 км к западу от нынешней. При этом в Андах, к западу от континентального водораздела, выпадало больше осадков, чем сейчас, так что в современных сухих руслах текли ручьи.

Как и в Северной Америке, в Южной в плейстоцене жили крупные млекопитающие, которые позже вымерли: лошади, наземные ленивцы, мастодонты. На юге Южной Америки, а также в Колумбии и Венесуэле люди наверняка встречали этих гигантов и охотились на некоторых из них. Предполагается, что в Патагонии мастодонт и большая пантера исчезли около 14 тыс. лет назад, а лошадь, ископаемая лама и наземные ленивцы пережили их на три-четыре тысячи лет. Ситуация в Бразилии не вполне понятна. Почвы Бразильского нагорья и большинства районов Амазонии очень бедны, в связи с чем растения там содержат меньше питательных веществ, нежели в районах, прилегающих к Андам. Весьма вероятно поэтому, что, несмотря на сходство климата, бразильская саванна мало напоминала современную африканскую: там никогда не было крупных стад травоядных животных. Возможно, именно по этой причине пока не получено надежных свидетельств сосуществования на востоке Южной Америки крупных вымерших млекопитающих и человека.

Культура древнейших обитателей Центральной и Южной Америки известна почти исключительно по находкам каменных и очень редко костяных орудий. Однако и эти данные говорят о многом. Похоже, что культурное разнообразие в Южной Америке на протяжении нескольких тысячелетий после появления там первых людей было выше, чем в Северной Америке. Некоторые комплексы отличаются друг от друга настолько сильно, что предположить, будто они произошли из единого общего источника, просто невозможно. Опишем кратко те ранние каменные индустрии, которые распространены в Южной Америке шире всего.

Начнем с памятников, протянувшихся цепочкой от штата Чьяпас в южной Мексике до Огненной Земли, с ответвлением в юго-западную Бразилию. Главная особенность этой традиции, выделенной по характерным каменным наконечникам, — ее надежная связь с ископаемой фауной (см. цв. вкл. 15).

Охотники использовали небольшие, длиной 4,5–7 см, двусторонне обработанные наконечники с выраженным сужением в нижней части. Их называют наконечниками в форме рыбьего хвоста, патагонские варианты известны как тип фелл (см. цв. вкл. 16). Многие из наконечников, хотя и не все, имеют внизу небольшой желобок. Иногда сужение в нижней части наконечников столь значительно, что их низ превращается в черешок. Отдельный ли это, самостоятельный, тип или допустимое отклонение от нормы — не вполне ясно. Встречаются также варианты, близкие по пропорциям к североамериканским клувисским наконечникам. Одно такое орудие обнаружено в гроте Фелл в Патагонии, три — близ Осорно в юго-центральной Чили.

К сожалению, большинство наконечников перечисленных типов либо найдены случайно, либо происходят из однослойных, ненадежно датированных стоянок и мастерских. Хорошо стратифицированные комплексы имеются лишь в Патагонии.

В пределах Центральной Америки находки сделаны в горной Гватемале (стоянка Лос-Тапиалес), в горном Гондурасе (Ла-Эсперанса), в Кордильера-де-Тиларан в северо-западной Коста-Рике, в Турриальба в восточной Коста-Рике, на озере Мадден и на полуострове Асуэро в центральной Панаме, у залива Парита на тихоокеанском побережье Панамы, а также в Ла-Глория в районе залива Ураба на колумбийской территории. Основной маршрут продвижения людей, изготавливавших подобные двусторонне оббитые наконечники, проходил, очевидно, по горным районам, которые в конце плейстоцена были покрыты редколесьем или травянистой растительностью. Для Лос-Тапиалес получены радиоуглеродные даты, но разброс их очень велик — от 12,7–13,1 до 9–8 тыс. лет назад.

Дальше на юг, в горной Колумбии, на плоскогорье Сабана-де-Богота, обнаружены, возможно, следы той же традиции, хотя это и не вполне ясно. Здесь на высоте 2570 м над уровнем моря расположена стоянка Текендама I. Датировки ее нижнего слоя укладываются в отрезок времени между 13 и 11,2 тыс. лет назад. Среди орудий несколько предметов изготовлено с применением отжимной ретуши, есть фрагмент двусторонне обработанного наконечника. К сожалению, его нижняя часть отломана и трудно судить, имелся ли желобок. Большинство костей принадлежит оленю. Отсутствие лошади и мастодонта, быть может, связано с тем,

что стоянка расположена в сильно пересеченной местности. Время обживания Текендамы совпало с горным оледенением, которое должно соответствовать молодому дриасу. После этого наступает потепление, плоскогорье покрывают леса.

Близ восточной оконечности Сабаны-де-Богота исследован еще один памятник, расположенный в тех же природных условиях. Это Тибитó — место разделки туш мастодонтов, лошадей и оленей. Нижний слой III имеет дату $13\,588 \pm 111$ лет назад. В это время злаковые степи на плоскогорье чередовались с лесами на горных склонах. Каменный инвентарь в основном состоит из ретушированных пластин и скребков. Наконечников нет. Костяные орудия представлены скребками и проколками. Вышележащий слой IIIA относится к периоду похолодания и иссушения климата и, видимо, синхронен материалам нижнего слоя Текендамы. Мастодонты продолжают оставаться объектами охоты, но каменная индустрия приходит в упадок, почти нет ретушированных пластин. После 10,8 тыс. лет назад степная растительность в районе Тибито тоже сменилась лесной.

В горном Эквадоре на высоте 2250 м исследовано открытое местонахождение Эль-Инга. Здесь найдены наконечники в форме рыбьего хвоста, часть из них с желобком в основании, а также черешковые и листовидные наконечники, резцы и большие плосковыпуклые скребки. Мощность отложений составляет 45 см, стратиграфия едва прослеживается. Весьма вероятно, что в Эль-Инга в разное время останавливались разные группы людей. Радиоуглеродные даты дают разброс от 10 до 4 тыс. лет назад, что для палеоиндейцев несколько поздно.

Случайные находки наконечников в форме рыбьего хвоста сделаны на побережье Эквадора (п-ов Санта-Элена) и на севере побережья Перу, в верховьях Пьюры и в долине Моче (местонахождение Ла-Кумбре). Наконечник из Пьюры отличается крупными размерами, очень выраженным черешком и отсутствием на нем продольных сколов. Наконечник из Моче, однако, вполне идентичен найденным в Центральной Америке, в Эль-Инга и в Патагонии.

Далее на юг вдоль перуанского побережья подобные наконечники более не встречаются. Нет их и в горных районах Центральных Анд. Лишь в пещере Хаямачай департамента Аякучо, исследованной в 1969–1970 гг. Р. Макнишем, найдено несколько двусторонне обработанных наконечников, отчасти сходных по форме с типом фелл, но без желобка и имеющих едва намеченное сужение в нижней части. Комплекс уанта, к которому они относятся, датирован в пределах 12755–10981 лет назад.

Лакуна в распространении наконечников в форме рыбьего хвоста, занимающая огромную территорию между севером Перу и аргентинской Пампой, может означать, что палеоиндейцы перешли через Анды «форсированным маршем», не задерживаясь ни в горных долинах, ни на плоскогорье и нигде не обживая скальных навесов, которые исследованы археологами. В Боливии на древних террасах по берегам высохшего озера выявлены скопления крупных бифасов из базальта, кварца, опала и обсидиана. Такого рода индустрии известны не только здесь, но и дальше на юг, в Чили, северо-западной Аргентине, Уругвае, юго-западной Бразилии, а также на побережье Перу и на севере Венесуэлы. Ориентировочная датировка подобных комплексов та же, что и у наконечников в форме рыбьего

хвоста: финальный плейстоцен — ранний голоцен. Территория распространения тех и других тоже приблизительно совпадает — запад Южной Америки. Однако на одних и тех же стратифицированных памятниках наконечники и большие бифасы все же не найдены. Среди археологов преобладает мнение, что местонахождения с бифасами связаны не с какой-то одной, а с разными традициями. Их специфика по сравнению с памятниками, где найдены наконечники, обусловлена различиями в роде занятий людей на стоянках разного типа. Короче говоря, мы не знаем, кто делал крупные бифасы и наконечники типа фелл — люди одной и той же культуры или разных культур.

Больше всего наконечников типа фелл найдено в Пампе и Патагонии, причем там они часто встречаются вместе с остатками ископаемой фауны. Среди памятников можно назвать сам грот Фелл в Чили на Магеллановом проливе, расположенную в том же районе пещеру Куэва-дель-Медио, слои 9–10 в пещере Лос-Тольдос в аргентинской Патагонии, скальные навесы и открытую стоянку группы Серро-ла-Чина и другие местонахождения в аргентинской Пампе. Есть и находки в центральном Чили, и в Уругвае, но о них меньше известно.

В Пампе, на открытой стоянке Серро-эль-Сомбреро, найдено множество наконечников фелл — в стадии производства, готовых, а также со следами вторичного использования в качестве скребков и резцов. Серия радиоуглеродных дат помещает памятник во временные пределы 13–11,5 тыс. лет назад. Три даты по расположенной неподалеку стоянке Серро-ла-Чина указывают на то же время — около 12 750 лет назад.

Примерно такие же даты получены и для других памятников Чили и Аргентины, включая Огненную Землю (пещера Трес-Арройос). На юге Патагонии, в соседнем с гротом Фелл скальном навесе Пальи-Айке были обнаружены палеоиндейские трупосожжения. По найденным рядом обгорелым костям животных получена дата 10019 ± 607 лет назад. Если датировка верна, то и останки людей относятся к концу палеоиндейской эпохи.

В пещере Лос-Тольдос, расположенной в центральной Патагонии, наиболее близкие аналогии с памятниками близ берегов Магелланова пролива демонстрирует слой 10. Точными методами он, к сожалению, не датирован. В этом слое вместе с двусторонне обработанными подтреугольными наконечниками, характерными для местной индустрии, найдены отдельные острия фелл. Здесь же, как и в нижнем слое пещеры Фелл, представлены шлифованные каменные диски диаметром 8–15 см.

Стоянка Алисе-Боэр в бразильском штате Сан-Паулу отмечает крайнюю северовосточную точку ареала распространения наконечников в форме рыбьего хвоста на юге Южной Америки. Желобка местные наконечники не имеют. Здесь же найдены широкие листовидные острия и наконечники с выемчатым основанием. Ископаемой фауны нет. Для различных слоев Алисе-Боэр получены несколько противоречащих друг другу радиоуглеродных и термолюминесцентных определений. Даты ложатся в широких пределах — от 18 до 9 тыс. лет назад.

Совершенно другая традиция представлена ранними памятниками востока Южной Америки.

В восточной и центральной Бразилии первые свидетельства появления человека относятся к тому же времени, что и на крайнем юге южноамериканского континента. Большинство радиоуглеродных дат для самых нижних слоев ранних стоянок приходится на период 13–10 тыс. лет назад. Несколько дат для Лапа-ду-Бокете (штат Минас-Жерайс) и Ситиу-ду-Мейу (штат Пиауи) заходят в интервал 13–14,3 тыс. лет назад. Как пример более раннего памятника часто называют скальный навес Тока-де-Бокейран-да-Педра-Фурада в районе Сан-Раймунду-Нонату штата Пиауи. Однако надежно засвидетельствованные следы людей появляются там лишь около 12,5 тыс. лет назад. Все, что обнаружено в более глубоких слоях — это немногочисленные угольки и небольшие бесформенные пятна охры, скорее всего естественного происхождения.

Большинство древнейших памятников в восточной и центральной Бразилии расположено в углах треугольника, покрывающего территорию между западом Мату-Гросу (верховья реки Куяба в районе городов Куяба и Рондонополис), северо-востоком Бразилии (Серра-ду-Капибара, штат Пиауи, где расположена и пещера Педра-Фурада) и пещерами северной части Минас-Жерайса. Все эти памятники относятся к единой традиции итапарика. Есть неподтвержденные сообщения о том, что близкие к итапарика материалы обнаружены и на северо-востоке Южной Америки. Лучше всего изучена относящаяся к данной традиции фаза паранайба в штате Гояс и в северной части Минас-Жерайса.

Скальные навесы со стоянками традиции итапарика расположены в местностях с пересеченным рельефом, где имелся доступ к ресурсам разнообразных природных зон. Люди занимались охотой на мелких и средних по размеру животных, сбором плодов и орехов. Для каменной индустрии характерны крупные (10–15 см длиной) односторонне оббитые орудия из кварцита на прямоугольных и овальных отщепках и пластинах, преобладают скребла и скребки. Изредка встречаются двусторонне обработанные наконечники со слабо выраженным закругленным снизу черешком. Есть терочки, бола и камни для разбивания орехов. Многие орудия служили для обработки дерева: об этом свидетельствуют оставшиеся на них следы использования.

На северо-востоке Бразилии открыты наскальные росписи стиля нордэсте. Стиль этот весьма зрелищный, для него характерны сложные сцены, изображения людей и деревьев. Точно датировать наскальное искусство трудно, и нордэсте — не исключение. Можно все же полагать, что росписи нордэсте созданы либо людьми итапарика, либо теми, кто жил в Бразилии сразу после них, когда саванна стала уступать место тропическим лесам. Более поздняя датировка считается маловероятной.

Третья традиция, широко распространенная в Южной и Центральной Америке, именуется «эль-абра» по названию колумбийской пещеры, где она была лучше всего описана, либо традицией отщепов с подправленным краем. Она появляется в самом конце плейстоцена, но в основном относится уже к голоцену. Каменная индустрия эль-абра невыразительна, устойчивых форм орудий нет, представлены в основном небольшие осколки кварца и кремнистых пород камня и отщепы, некоторые с минимальной подправкой рабочего края. Предполагается,

что в основном люди пользовались орудиями из дерева и других органических материалов и что для обработки дерева и, может быть, кости и шкур, отщепы как раз и служили.

Самые ранние проявления традиции эль-абра обнаружены на плоскогорье Сабана-де-Богота, в 10 км к северо-востоку от Тибито. В исследованных здесь гротах группы Эль-Абра кости крупных млекопитающих не найдены. Каменная индустрия во всей стратиграфической колонке однообразна и представлена в основном отщепами с подправкой рабочего края или без нее. В гроте 2, где проводились основные раскопки, нижняя свита прослоек (С) очень тонка, и несколько оказавшихся там артефактов могли попасть из более позднего слоя D-1. Если это так, то полученная из этой свиты прослоек дата 14478 ± 283 лет назад к появлению в Эль-Абра людей отношения не имеет. Следующая дата, 10532 ± 156 лет назад, получена для прослойки D-1, где и найдены в изобилии следы традиции эль-абра. Переход от слоя С к слою D совпадает с исчезновением степей и распространением лесов. Логично предположить, что именно эти природные изменения содействовали появлению новой культуры.

В голоценовых слоях стоянки Текендама также исчезают двусторонне обработанные орудия и распространяются отщепы типа эль-абра. Вместе с ними появляются раковины пресноводных моллюсков, а среди останков млекопитающих преобладающими становятся кости не оленя, а крупных грызунов. Аналогичные материалы найдены и в еще одном гроте в пределах Сабаны-де-Богота, Суэва, где они датированы 11667 ± 197 лет назад. В Суэва обнаружено и древнейшее в Колумбии погребение. Похожие комплексы представлены в местонахождениях, расположенных на возвышенностях вдоль тихоокеанского побережья и в долине Магдалены.

Археологи полагают, что переход от палеоиндейской техники двусторонней обработки каменных наконечников к традиции изготовления орудий с подправленным краем отражает приспособление людей к жизни в тропическом лесу. Однако далеко не очевидно, что подобная адаптация в отдаленных на тысячи километров друг от друга районах сама по себе могла привести к распространению сходных тенденций в каменной индустрии. Между тем такие тенденции обнаружены не только в Колумбии, но и в Центральной Америке, Эквадоре, Перу, равно как и в восточной Бразилии. Во многих районах, занятых сейчас тропическим лесом, следы людей с похожей культурой наверняка еще будут найдены.

После 8 тыс. лет назад в Панаме в бассейне реки Санта-Мария и близ берега Тихого океана по склонам холмов появлялись стоянки, обитатели которых занимались собирательством, охотой и рыбной ловлей, не задерживаясь подолгу на одном месте. Их каменная индустрия состоит из отщепов, иногда с ретушью. В Панаме, как и в Южной Америке, использование отщепов сочеталось с практикой растирания и разминания растительной пищи с помощью булыжников и галек. Изредка встречаются шлифованные топоры. На некоторых стоянках в почве обнаружены микроостатки (пыльца и содержащиеся в листьях кремнистые тела — фитолиты) кукурузы и тропических клубнеплодов — свидетельство того, что жившие в то время люди могли уже заниматься огородничеством.

На западном побережье Южной Америки от Эквадора (п-ов Санта-Элена) до севера чилийской Атакамы (район Писагуа) каменная индустрия древнейших памятников тоже представлена главным образом невыразительными отщепами, напоминающими традицию эль-абра. В Эквадоре это культура вегас, начальный этап которой датирован периодом 11,2–8,9 тыс. лет назад. Для нижнего слоя одной из стоянок получены более ранние даты — в пределах 12,8–11,7 тыс. лет назад. Хотя автор раскопок отнесла их к культуре «до-вегас», нет оснований считать, что перед нами принципиально иной по культуре комплекс. Изучение фаунистических остатков позволило установить, что более половины животных белков людям вегас давала наземная охота, более трети — морское рыболовство и десятую часть — сбор съедобных моллюсков.

На севере побережья Перу, в районе Талара, неподалеку от эквадорской границы выделен комплекс амотапе с датами 13095 ± 99 и 9074 ± 137 лет назад. Эта индустрия не отличается от более позднего комплекса сичес, фауна в обоих случаях представлена раковинами моллюсков, живущих в манграх — затопляемой во время приливов полосе прибрежной растительности. Однако памятники амотапе обнаружены не близ моря, как стоянки сичес, а в 16 км от современной береговой линии на возвышенностях, в прямой видимости от расположенных в данном районе выходов тяжелых компонентов нефти. Автор раскопок предположил, что люди добывали здесь оказавшихся в смоляной ловушке животных. По мере иссушения климата в голоцене и вымирания крупной наземной фауны хозяйственная деятельность все более сосредотачивалась на берегу моря. Одновременные лагерям амотапе базовые стоянки близ океана скорее всего затоплены.

Палеоклиматические реконструкции, основанные на изучении прослоек льда в одном из андских ледников, а также раковин холодолюбивых и теплолюбивых моллюсков, показывают, что в период 7000–3800 лет до н. э. климатическая граница, отделяющая сейчас влажное побережье Эквадора от засушливого побережья Перу, проходила намного южнее, в районе современной перуанской столицы. Соответственно сходство культур этого времени в Эквадоре и на севере Перу объяснимо. Однако невыразительная индустрия отщепов прослеживается по побережью и дальше на юг, а также встречается в некоторых горных районах северного Перу. К числу памятников, для которых характерна индустрия отщепов, относится пещера Кумбе в департаменте Кахамарка, расположенная на высоте 3405 м над уровнем моря. Согласно радиоуглеродному анализу материалы из этой пещеры относятся к времени 12,5 тыс. лет назад. На западных склонах Анд в верховьях реки Санья индустрия такого же типа датируется периодом около 8 тыс. лет назад.

Группа ранних стоянок открыта на крайнем юге побережья Перу. Благодаря крутизне склона они располагались хоть и вблизи океана, но высоко над водой и поэтому в голоцене не были уничтожены морской трансгрессией. На поселении Ринг-Сайт, названном так американскими археологами потому, что скопление культурных остатков имело там форму кольца, слой состоял в основном из морских раковин, каменная индустрия оказалась сходна с характерной для сичес и амотапе. Судя по четырем радиоуглеродным датам из разных слоев, поселение суще-

ствовало в период между 12,5 и 8,6 тыс. лет назад. Для позднеплейстоценовых слоев расположенной примерно в том же районе стоянки Кебрада-Хагуай получена серия дат примерно от 13,1 до 11,3 тыс. лет назад. Раковины и кости свидетельствуют о занятиях населения рыболовством и морским собирательством. Каменных наконечников нет. Авторы раскопок полагают, что обитатели стоянки приходили сюда на время, а затем возвращались в горы. Еще на одной соседней стоянке, Кебрада-Такауай (12,7 тыс. лет назад), преобладают кости анчоусов и морских птиц. Анчоусов, по-видимому, ловили сетями.

Комплексы данного типа заходят в северную часть чилийской Атакамы, где нижними слоями представлены стоянки Тиливиче 1b. Полученные там датировки — $11\,291 \pm 578$ и 8763 ± 327 лет назад. Хотя стоянка расположена в 40 км от моря, она оставлена людьми, занимавшимися эксплуатацией ресурсов побережья. Дальше на юг, по крайней мере от района Антофагасты (стоянка Кебрада-лас-Кончас), древнейшие известные материалы также относятся к раннему голоцену (10,8 тыс. лет назад), но имеют другой характер. Здесь начинается ареал культуры уэнтелау-кен центрального побережья Чили, для которой характерны черешковые каменные наконечники и своеобразные точеные каменные диски с зубцами по краю.

Как уже было сказано, напоминающая эль-абру каменная индустрия обнаружена и в Бразилии. В голоцене климат востока Южной Америки стал более теплым и влажным, широко распространились влажные тропические леса. Для VII—III тыс. до н. э. лучше всего изучена фаза серранополис, сменившая на юге штата Гояс паранаибу, а также близкие серранополис комплексы штата Минас-Жерайс. Подобные памятники выявлены и на юге Мату-Гросу, а также близ Рио-де-Жанейро. Следует ожидать их открытия в центральной и северо-западной Амазонии, что позволило бы связать два разорванных пока ареала индустрий, относящихся к данной традиции.

Четвертая распространенная ранняя традиция Южной Америки представлена крупными двусторонне обработанными черешковыми наконечниками. С середины прошлого века появлялись сообщения о случайных находках подобных орудий в северных районах континента. Наиболее изучены наконечники типа пайхан, характерные для Перу (см. цв. вкл. 17). Они имеют в длину 12–22 см и отличаются вытянутыми пропорциями. Кончик наконечников бывает столь длинным и узким, что при попадании оснащенного им дротика в бегущее животное он должен был почти наверняка ломаться. Поэтому был сделан вывод, что подобными наконечниками оснащали не дротики, а остроги, которыми били рыбу в мелководных лагунах. Тем не менее на стоянках пайхан костей оленя найдено больше, чем позвонков крупных рыб. К тому же большинство стоянок расположено в десяти и более километрах от моря.

Люди пайхан жили почти по всему побережью Перу от Ламбайеке до Ики, хотя к северу от Лимы их следов больше, чем к югу. По долине реки Касма создатели этой традиции проникли в горы, где черешковые наконечники обнаружены в самом нижнем слое одного из скальных навесов. Ни на крайнем юге перуанского побережья, ни на побережье Эквадора памятников пайхан нет. Даты пайхан в основном заключены в пределы 12,5–8,5 тыс. лет назад, не считая материалов

скального навеса Кириуак, дающих разброс от 14,6 до 10,1 тыс. лет назад. При внесении поправок в результаты радиоуглеродных определений традицию пайхан следует относить к XI–VIII тыс. до н. э.

В горном Эквадоре крупные черешковые наконечники разных пропорций найдены в гроте Чобчи (высота 2400 м) и на открытой стоянке Кубилан (3100 м). Ископаемая фауна нигде не обнаружена. Радиоуглеродные даты — в пределах 11,5–8,3 тыс. лет назад для Чобчи и 12,5–10,3 тыс. лет назад для Кубилан.

Подобные наконечники встречаются и в Колумбии в долинах рек, разделяющих хребты Кордильер. Иногда эти орудия имеют продольные сколы в основании черешка, что можно считать далеким отголоском кловисской традиции. Некоторые специалисты по американскому палеолиту доказывали, что южноамериканские желобчатые наконечники к кловису отношения не имеют, а развились самостоятельно. Однако полное отсутствие желобчатых форм в Старом Свете делает такое предположение невероятным. К тому же крупные черешковые наконечники из Южной Америки объединяет с североамериканскими и другая особенность — двусторонняя обработка. Однако, когда и в каком районе сложился данный конкретный характерный для Южной Америки тип (если это действительно один тип), совершенно неясно.

Единственный район Колумбии, где подобные наконечники обнаружены на стратифицированных стоянках — долина Средней Магдалены. В голоцене здесь рос влажный тропический лес, сейчас вырубленный. Время появления бифасиальной техники не известно, но она явно была представлена около 6 тыс. лет назад.

Длинные черешковые наконечники обильно встречаются и далее на восток. Они найдены среди подъемного материала в Венесуэле, в бассейне реки Парагуа (южный приток нижнего Ориноко), а также на территории Гайяны. Точными методами в этих районах они не датированы.

Есть сообщение о находке крупного черешкового наконечника на северо-западе Центральной Америки, в Белизе, но эта же традиция представлена и на нижней Амазонке. А. К. Рузвельт исследовала там грот Педра-Пинтада, следы обживания которого относятся ко времени 13 050–12 800 лет назад. Правда, не все археологи доверяют датировкам Рузвельт и некоторые склонны омолаживать их на пару тысячелетий. В Педра-Пинтада найдены кости как крупных млекопитающих, так и рыб, грызунов, птиц, рептилий, раковины моллюсков, остатки разнообразных семян и плодов. Ископаемых видов нет. Перекрывание части росписей на стенах грота культурным слоем доказывает, что остатки изображений также относятся к плейстоцену или, по крайней мере, к раннему голоцену. Каменная индустрия включает в себя небольшие обломки обработанных с двух сторон оббивкой и отжимной ретушью наконечников. Возможно (хотя не вполне очевидно), что это орудия тех же типов, которые собраны на поверхности как к югу от Амазонки (на участке от устья Тапажоса до Белена), так и к северу от нее, в бразильской Гвиане. Речь идет о крупных треугольных, иногда сильно вытянутых наконечниках, чаще всего с черешком, которые обработаны с двух сторон превосходной отжимной ретушью. Есть также формы с треугольной выемкой в основании.

В горах Боливии и Перу, несмотря на интенсивные поиски, следов пребывания человека древнее рубежа плейстоцена и голоцена выявить не удалось. Это вполне объяснимо, так как климат высокогорья тяжело переносится человеком. Около 14 тыс. лет назад часть области еще занимали ледники и никакого смысла подниматься к их подножию у людей, прошедших ранее через центральноамериканские тропики, не было. Правда, 40 лет назад Р. Макниш попытался датировать некоторые находки в пещерах района Аякучо временем более 20 тыс. лет назад. Однако подавляющее большинство археологов считает, что камни, принятые Р. Макнишем за орудия, — это естественно расколовшиеся куски породы, упавшие с потолка пещер.

Как уже говорилось, в горных районах Перу и Боливии наконечников в форме рыбьего хвоста нет. С севера в Перу заходит область распространения черешковых наконечников, а дальше на юг древнейшие памятники представляют особую традицию, характерную только для Андского региона.

Среди ранних памятников, обнаруженных в горных районах Центральных Анд, господствуют расположенные под скальными навесами охотничьи стоянки. Их обитатели изготавливали небольшие двусторонне обработанные наконечники — листовидные и треугольные с выемкой в основании. Открытых стоянок очень мало. Фауна во всех достоверных случаях современная. В пещере Уарго (департамент Уануко, 4050 м над уровнем моря) найдено ребро наземного ленивца якобы со следами обработки, по которому получена дата 15 750 лет назад, но если эта кость и побывала в руках людей, то скорее всего через много столетий после гибели животного. В пещере Учкумачай (4050 м над уровнем моря, департамент Хунин) скребок и несколько отщепов найдены вместе с костями лошади, но здесь нет уверенности, что артефакты не проникли из верхних отложений. Радиоуглеродные датировки для данной пещеры отсутствуют. Все перуанские наскальные росписи, относимые к рубежу плейстоцена и голоцена или к раннему голоцену, в том числе самые известные из них в Токепала на юге горного Перу, изображают гуанако (менее вероятно — викунью) и людей (см. цв. вкл. 18). Ископаемые виды животных на них не представлены.

Большинство раннеголоценовых памятников с листовидными и треугольными наконечниками сосредоточено в северо-центральной части Перу, в департаментах Анкаш, Уануко и Хунин, и на крайнем юге страны, в департаменте Такна. Основные материалы получены в пределах небольшого высокогорного района в центральном Перу — Пуна-де-Хунин (см. цв. вкл. 19). Именно здесь расположены скальные навесы Телармачай, Учкумачай, Пачамачай и другие, в которых проводились раскопки.

Интересно, что именно в данном районе в среднем голоцене были одомашнены альпака и лама (см. цв. вкл. 20). Если первоначально главным объектом охоты здесь был олень, то затем, как показывает все больший процент костей в культурном слое, акцент смещается на верблюдовых. Отличить по костям домашнюю ламу от дикого гуанако и домашнюю альпаку от викуньи, как правило, невозможно, поэтому проблематично и точное определение времени появления перуанского скотоводства — уникального явления для доколумбовой Америки. Все же

предполагается, что к III тыс. до н. э. этот процесс завершился, хотя прошло еще две тысячи лет, прежде чем лама и альпака широко распространились по Боливии и Перу.

Немного далее на северо-запад от Пуна-де-Хунин, в верховьях реки Мараньон, находится пещера Лаурикоча, где, помимо артефактов, обнаружены раннеголоценовые захоронения. На юге же зона распространения листовидных и треугольных наконечников тянется в северо-западную и западную Аргентину (пещеры Уачочакана, Аямпитин, Интиауси) и охватывает также центральное и часть северного побережья Чили.

Самые ранние находки в северо-западной Аргентине сделаны в нижнем слое пещеры Инка-Куэва, где вместе с треугольными наконечниками и сделанными из кварцита боковыми и концевыми скребками обнаружены остатки корзин и изделий из шерсти верблюдовых, а также подвески и бусы. Фауна современная, представлена мелкими и средними по размеру видами; четыре даты приходятся на период от 12 610 до 10 420 лет назад. На западе Аргентины, в провинции Неукен, треугольные наконечники и современная фауна найдены в пещере Трафуль, дата — $10\,736 \pm 319$ лет назад. Ниже располагается еще один недатированный слой, где найдены отщепы, близкие по технологии изготовления индустрии нижнего слоя пещеры Фелл в Патагонии, но не сами наконечники фелл.

Если исключить сомнительные случаи, связанные с возможным проникновением небольшого числа артефактов в нижележащие прослойки (как в самом глубоком слое перуанской пещеры Пачамачай) или резким выпадением одной радиоуглеродной даты из общей серии (около 14,7 тыс. лет назад для пещеры Гитарреро), то появление традиции листовидных наконечников должно быть отнесено ко времени 12,7–12,5 тыс. лет назад. Именно тогда человек заселял горные районы Центральных Анд вплоть до высоты 4000 м над уровнем моря. Это то же самое время, на которое указывают начальные датировки для комплексов с черешковыми наконечниками и для традиции эль-абра.

Использование небольших листовидных (позже также подтреугольных, ромбовидных и прочих) двусторонне обработанных наконечников продолжалось в горных районах Центральных Анд до начала II тыс. до н. э. В среднем голоцене такие наконечники появились также на центральном и южном побережье Перу и на крайнем севере чилийского побережья, что и естественно, учитывая неизбежное взаимодействие жителей узкой приморской полосы с обитателями горных районов. На северном побережье Перу и в прилегающих горных районах в раннем и среднем голоцене господствовала индустрия отщепов. Различия в культуре между северными, с одной стороны, и центральными и южными районами горного Перу, с другой, вероятно, имеют природно-хозяйственные причины. На севере исчезает высокогорная тундростепь пуна, появляются альпийские луга-пáрамо, объектом охоты служит исключительно олень, а не гуанако.

Помимо описанных традиций, в разных районах Южной Америки представлены и другие, распространенные на небольших территориях. Среди них есть как такие, для которых характерны тонкие бифасы и какая-то связь которых с традициями североамериканских палеоиндейцев практически несомненна, так и такие,

для которых свойственны индустрии без наконечников (об их происхождении можно только гадать).

Крупные (8–11 см длиной) ланцетовидные двусторонне оббитые наконечники эль-хобо найдены в Тайма-Тайма и других местонахождениях северо-западной Венесуэлы. Они приурочены к небольшому району, климат которого в самом конце плейстоцена отличался относительной влажностью, а растительность должна была напоминать африканскую саванну. В двух или трех соседних пунктах, где обнаружены кости приходивших на водопой мастодонтов, лошадей и гигантских ленивцев, вместе с ними найдены и наконечники. Радиоуглеродные даты укладываются в промежуток времени между 15,4 и 19,2 тыс. лет назад, но стратиграфия нарушена, так что время бытования наконечников эль-хобо остается дискуссионным. Типологически эти орудия напоминают характерные для «древнекордильерской» традиции Орегона, которую сейчас, безусловно, относят к голоцену.

В штате Риу-Гранди-ду-Сул на юге Бразилии древнейшей может являться индустрия убикуи. Под слоем аллювия толщиной 3–4,5 м вместе с костями гигантского ленивца глоссотерия найдены чопперы и отщепы с грубой ретушью. Наконечников нет. Даты по кости — $14\,934 \pm 1204$ и $15\,000 \pm 385$ лет назад. В том же районе, вдоль реки Уругвай, выявлено полтора десятка местонахождений с обработанными отжимной и ударной ретушью черешковыми наконечниками, концевыми и боковыми скребками. Фауна современная, даты от 11,5 до 9,5 тыс. лет назад.

Наконец, самый знаменитый и самый дискуссионный ранний памятник Южной Америки — Монте-Верде (см. цв. вкл. 21). Он расположен на юге Чили на берегу ручья в достаточно экзотической для нас местности — во влажном вечно-зеленом субантарктическом лесу, труднопроходимом из-за густого подлеска. Шесть полученных в начале 1980-х гг. радиоуглеродных дат указывают на предшествующее кловису время, от $13\,066 \pm 104$ до $15\,426 \pm 220$ лет назад. Прекрасная сохранность органики в болотистой почве позволила определить, что люди, жившие на этом месте круглогодично, не только охотились на мастодонтов (найлены кости не менее семи особей), но и собирали разнообразные растительные продукты. Каменных орудий с явными признаками обработки почти нет — три бифаса из базальта и кварца, два чоппера, несколько оббитых и пришлифованных сферических камней (бола?). Большинство орудий делали из дерева и необработанных галек. Если бы не уникальная сохранность органики, стоянка вряд ли была бы вообще обнаружена.

Первые сообщения о Монте-Верде, раскопки которого производились в 1978–1985 гг., произвели сенсацию. Позже видные специалисты по американскому палеолиту также признали достоверность находок и датировок. Однако нашлись и скептики. В XIII тыс. до н. э. местность, где находится Монте-Верде, располагалась в нескольких десятках километров от ледника. Кому и зачем надо было жить в холодном болоте? Люди использовали в качестве орудий необработанные речные гальки — возможно, но все же странно: параллелей подобной практике на других памятниках мы не имеем. Конечный вердикт: бифасы — подлинны, кости хоботных — тоже, радиоуглеродные образцы чистые, но связи между всем этим нет.

Обнаруженные в слое орудия, кости животных, остатки растений разновременны и, возможно, оказались вместе в результате схода селевого потока.

В 2008 г. из хранящихся в музее образцов культурного слоя стоянки были выделены фрагменты морских водорослей, по которым получены даты $14\,218 \pm 158$ и $14\,225 \pm 134$ лет назад. Вероятность того, что кусочки водорослей были принесены в Монте-Верде ветром, ничтожна. Гораздо правдоподобнее, что водоросли использовались людьми — в качестве пищи или как лекарственное средство. Эти данные повышают надежность стоянки как древнейшего свидетельства пребывания человека в Южной Америке, но опорным памятником для реконструкции заселения континента Монте-Верде все равно не становится. Дело не в ранней датировке — ничего фантастического в ней нет, речь все равно идет о времени после ледникового максимума и всего лишь о тысяче лет раньше кловиса. Однако каменная индустрия памятника настолько скудна и невыразительна, что сравнивать ее не с чем, и о происхождении обитателей Монте-Верде остается только гадать.

Мы не станем перечислять остальные сделанные в Центральной и Южной Америке ранние находки: осмысленной исторической картины все равно не получится. Обнаруженные здесь материалы финального плейстоцена — раннего голоцена не дают ясного ответа на вопрос о том, как происходило заселение этих территорий предками индейцев. Если для области, примыкающей к Тихому океану, связь хотя бы части местных ранних каменных индустрий с североамериканскими вероятна, то никаких прототипов для бразильской традиции итапарика предложить нельзя. Не имеет предшественников и традиция отщепов с подправленным краем, представленная как на северо-западе, на побережье Тихого океана, так и далеко на востоке, в Бразилии. Совершенно неясно и взаимоотношение отдельных традиций в эпоху раннего и среднего голоцена. Что за ними стоит — всё новые волны мигрантов или же результат адаптации людей к местным условиям после заселения новых территорий?

Глава 4

МИФЫ ЗАСЕЛЯЮТ АМЕРИКУ

Мифы и другие фольклорные тексты — новый и чрезвычайно богатый источник данных о происхождении американских аборигенов.

Впрочем, новым его можно назвать лишь условно. В конце XIX — начале XX в. ученые не раз пытались черпать из него знания о прошлом. Например, В. Г. Богораз и В. И. Йохельсон, ставшие участниками организованной Ф. Боасом Северо-тихоокеанской Джесуповской экспедиции, собирали на северо-востоке Азии материалы с целью проверки гипотезы «эскимосского клина», якобы разделившего ранее живших рядом друг с другом индейцев и палеоазиатов. Немецкий этнолог П. Эренрайх по крохам собирал данные о мифах индейцев Южной Америки, дабы определить происхождение аборигенов Нового Света. Однако результаты во всех подобных случаях оказались настолько противоречивыми и неопределенными, что после 1920-х гг. такие попытки были оставлены, а в изучении мифологии на первый план вышли другие направления — функционализм, психологизм, структурализм.

Есть много причин, почему так случилось. Вплоть до последних десятилетий истекшего века материалы по мифологии оставались достаточно фрагментарны (по одним регионам — много, по другим — почти ничего), а технических средств для эффективной обработки данных не было — без персонального компьютера она чудовищно трудоемка. Но главное в том, что по мере прогресса археологии именно эта наука взяла на себя задачу изучения прошлого, тогда как этнология и фольклористика (а мифы проходят по их ведомству) от ее решения намеренно отстранились.

К концу XX в. положение изменилось. Был опубликован гигантский материал по фольклору и мифологии не только американских индейцев и эскимосов, но и большинства других народов мира, который теперь удалось включить в нашу электронную базу данных. Статистическая обработка 40 тыс. резюме текстов — элементарная задача для современных компьютерных программ. Стало, кроме того, ясно, что отказ этнологов и фольклористов от исторической проблематики методически не оправдан. Как и любая система, фольклор, конечно же, содержит информацию о породивших его условиях. Наша задача — найти корректные способы ее извлечения.

Любые устные повествования несут на себе печать языковой и культурной среды, в которой они записаны. «В клети добро, пух и перо, шерсть овечья, шуба человечья» — такое найдешь только в русской сказке. Однако лишь самый наивный читатель думает, что и сюжеты этих сказок — продукт русской культуры. Те же или почти те же сюжеты мы встретим у немцев, арабов, монголов и других народов Евразии и Северной (а иногда и не только Северной) Африки, однако не в Южной Америке и не в Полинезии. Подобное распределение не случайно, для него есть исторические причины.

Фольклорно-мифологические тексты никто не придумывает — их пересказывают. Всякий текст восходит к другому, более раннему тексту, а тот — к еще более раннему, и цепочка эта тянется в прошлое. Однако немногие обращавшиеся к мифам ученые пытались проследить эту цепочку. Большинство антропологов изучали живые культуры, и анализ фольклорных текстов был призван им в этом помочь. «Культура квакиутль, отраженная в мифологии», «Культура ягуа, отраженная в их фольклорных повествованиях» — вот характерные названия работ, опубликованных одна в 1935 г., другая — в 1959 г. Мифы североамериканских квакиутль и южноамериканских ягуа отражают культуру этих индейцев — разве не так? Так. Однако изучать мифологические повествования лишь для того, чтобы познакомиться с культурой рассказчиков — не самый разумный способ обращения с материалом. Проще и надежнее изучать культуру, общаясь с ее носителями, а мифы для этого — слишком сложный источник. В фольклорно-мифологических текстах заключена информация не только о недавнем, но и об отдаленном прошлом, как раз этим они и интересны.

* * *

Определимся с понятиями. Слово «миф» мы будем употреблять в качестве синонима таких слов, как «повествование», «рассказ» и т. п. О «мифах» в узком значении, т. е. о повествованиях эмоционально и идеологически значимых, священных, речь не пойдет. Что думали и чувствовали далекие предки американских индейцев, мы скорее всего никогда не узнаем. Соответственно наш материал — не целостные повествования, а выделенные из них аналитические единицы — мотивы. Под мотивами мы будем понимать любые одинаковые элементы в двух или более текстах. Это либо отдельные повествовательные эпизоды, их цепочки и сочетания, либо различные образы.

Вот примеры мотивов: «Затмения светил вызывает жаба или лягушка»; «В луэте лунных пятен различимы дерево или куст»; «Ныне безрогое животное теряет рога или лишается возможности их получить»; «Первые лодки сделаны из непригодного материала — глины, воска и т. п.»; «Мужской персонаж прячет одежду женщины, явившейся из иного мира (дева-лебедь, -рыба, -звезда и т. п.), заставляя женщину выйти за него замуж или помочь ему»; «Мужской персонаж женится на спустившейся на землю и пойманной им женщине, связанной с верхним миром (она — птица, небесная дева, звезда и т. п.)»; «Поймав человека, людоед несет свою добычу домой, однако пойманный убегает по дороге»; «Пер-

сонаж приглашает животных или птиц расположиться вокруг него и сосредоточить внимание на какой-либо деятельности (обычно, закрыв глаза), затем убивает собравшихся по одному».

Таких мотивов в нашем электронном каталоге — полторы тысячи, и распространение каждого прослежено по всем континентам. Предполагается, что тексты, содержащие какой-либо мотив, включают все его особенности, заявленные в определении мотива, а не просто «что-то похожее». Мотивы не имеют вариантов, но определения многих мотивов частично перекрывают друг друга. В приведенных выше примерах мотивы спрятанной одежды и женитьбы на небесной деве сочетаются часто, но не всегда. Бывают повествования, в которых герой прячет одежду девы-рыбы, а вовсе не лебеди, или ловит небесную деву иным способом, не пряча ее одежды. Существенны или нет такого рода подробности и стоит ли их отмечать — это зависит от материала. Если определенный вариант повествования встречается в пределах особого ареала, его следует выделять. Если же какая-либо подробность распределена бессистемно, здесь и там, то сосредоточиваться на ней нет нужды.

Мы не рассматриваем поэтому мотивы, распространенные повсеместно или беспорядочно, но лишь такие, которые присутствуют на одних территориях и явно отсутствуют на других. Не представляют для нас интереса и мотивы сугубо локальные. Наш каталог сформирован не ради учета элементов повествований (для этого есть специальные фольклорные указатели), а в качестве базы данных для решения конкретных задач — прослеживания древних миграций и дальних контактов между культурами.

Носители традиций сами никаких мотивов не выделяют: они рассказывают «истории» на определенный сюжет. Сюжеты вариативны, изменчивы, не всегда ясно разграничены, но в основном все же опознаваемы: как мы, так и рассказчики текстов отличают одну «историю» от другой. Если сюжеты варьируют, представлены множеством вариантов, то чем тогда определяется их самоидентичность? Она обусловлена тем, что сюжеты включают сюжетобразующие мотивы, которые легко опознать и на которых сосредоточивается наше внимание. В любом тексте содержится и множество других мотивов. Некоторые мотивы, являясь случайными и побочными для данного сюжета, могут оказаться центральными, сюжетобразующими для другого.

Поскольку мотивы не существуют сами по себе, изолированно, рассказчики их не замечают и используют бессознательно. Именно поэтому элементы повествований и способны сохраняться неопределенно долго, переходя из одного рассказа в другой. Меняется язык, истории заимствуются и рассказываются на других языках, но содержащиеся в этих историях мотивы не меняются или меняются очень медленно. Время первичного возникновения мотива определить невозможно. Однако, выявляя ареалы мотивов и сравнивая их с ареалами культур, языков, генетических линий, которые по данным археологии, лингвистики и генетики реконструированы для определенных эпох, мы можем оценить время распространения мотивов.

Подобно генам, мотивы подвержены самокопированию или репликации. Делают они это с помощью людей, рассказчиков, а тексты являются той средой,

в которой мотивы «живут». Если текст плохо запоминается, неинтересен, не считается важным, то его перестают пересказывать и он «умирает». Вместе с ним «умирают» и все встроенные в него мотивы, процесс их репликации прекращается. Выживают те, которые использованы в интересных и важных рассказах. На протяжении тысячелетий должен был происходить естественный отбор мотивов. Сохранялись и распространялись такие мотивы, с помощью которых создавались легко запоминавшиеся повествования. Также сохранялись повествования (и, значит, встроенные в них мотивы), которые признавались сакральными и запоминались целенаправленно. Определить заранее, какой рассказ станет частью священной традиции определенного племени и будет специально выучиваться, невозможно — это дело случая. Однако мотивы, описывающие появление мира и его элементов, скорее всего имели наиболее высокую вероятность попасть в сакральные тексты. Подобные мотивы принято называть космогоническими (рассказывающими о становлении мироздания), космологическими (описывающими его устройство) и этиологическими (объясняющими, откуда взялись те или иные особенности людей, животных, растений, небесных светил, минералов и т. п.). При этом из двух мифов бóльшие шансы сохраниться имел все же тот, чей сюжет был построен логичнее и потому лучше запоминался.

Отбор образов и сюжетных ходов по яркости, логичности и запоминаемости осуществлялся тем интенсивнее и быстрее, чем чаще тексты пересказывали, чем больше людей общались друг с другом. В Евразии, от Атлантики до Индии и Китая, на протяжении последних двух тыс. лет жили десятки, а затем и сотни миллионов рассказчиков и слушателей волшебных сказок. В Австралии же до появления там европейцев число знатоков походжений тотемных предков измерялось немногими тысячами. При этом в Евразии торговцы, паломники, пираты, пленники, воины практически моментально разносили запомнившиеся повествования на сотни и тысячи километров. Напротив, каждая группа австралийских аборигенов общалась лишь со своими непосредственными соседями. Отсюда легко понять, почему фольклор основной территории Евразии включает множество относительно сложных, но структурно логичных сюжетообразующих мотивов: ведь каждый из них многократно прошел здесь отбор на запоминание. В австралийском же фольклоре такие мотивы редки, повествования относительно бесструктурны, сюжетные ходы слабо мотивированы и непредсказуемы.

Америка, Сибирь, Индия (точнее, те ее районы, где сохранились небольшие племенные народы), Юго-Восточная Азия и Океания, которые нас сейчас интересуют в наибольшей мере, занимают промежуточное положение между евразийскими цивилизациями и Австралией. Ко времени появления европейцев плотность населения здесь сильно различалась по регионам, но почти нигде не была столь низкой, как в Австралии, и столь высокой, как в Европе или Китае. Также и интенсивность дальних контактов в этих районах была средней — выше австралийской, но ниже, чем в зоне цивилизаций Старого Света. Именно такому положению и соответствует состояние записанного миссионерами, этнологами и лингвистами фольклора обитателей Нового Света, Океании и окраинных областей Азии. В отличие от австралийского, этот фольклор довольно стандартен, в Америке и

на окраинах Азии распространены десятки, если не сотни, широко известных сюжетов — как космогонических, так и приключенческих и анекдотических (похождения безответственных обманщиков и плутов, которых фольклористы называют трикстерами). Вместе с тем есть немало повествований, представленных в пределах лишь небольших территорий.

Подобная ситуация как нельзя более благоприятна для изучения древних культурных связей. С одной стороны, фольклор Америки и евразийских окраин эти связи, конечно же, отражает. С другой — миграция мотивов не была в этих районах мира столь же интенсивной, как в средневековой Европе, она не вела к фольклорно-мифологической «энтропии», к повсеместному распространению одинаковых сюжетов и образов.

Сказанное относится к двум-четырем последним тысячелетиям до начала европейских контактов. Однако ранее плотность населения в Америке или Сибири была значительно ниже. В эпоху первичного освоения этих территорий человеком она могла быть даже ниже, чем у аборигенов Австралии в XVIII в. Но здесь следует помнить о другом важном факторе — дальних миграциях, перемещении людей на значительные расстояния. В Америке 11,5–16 тыс. лет назад пути миграции тянулись на тысячи километров. То же касается американской Арктики на протяжении последних пяти тыс. лет и, вероятно, северной Евразии после резкого потепления климата в конце плейстоцена. Вместе с людьми, в их головах, переносились на дальние расстояния фольклорно-мифологические сюжеты и образы. Через многие десятки веков этнографы обнаружили похожие мифы и сказки там, куда лежащие в их основе сюжетобразующие мотивы попали в подобные эпохи расселения.

Приведем аналогию из физики. Микроволновое излучение, приходящее к нам из разных областей космоса, имеет одинаковую температуру (около 3 градусов по Кельвину), хотя за время существования нашей вселенной (13,7 млрд лет) обмен информацией между ее удаленными областями осуществиться не мог. Из этого делается вывод, что к моменту установления теплового равновесия вселенная была намного меньше, чем сейчас, и что реликтовое излучение несет информацию о времени около 300 тыс. лет после Большого взрыва. «Вселенная» индейской мифологии некогда также была маленькой, располагаясь скорее всего в Берингии. После заселения индейцами Нового Света в племенных мифологиях Южной и Северной Америки сохранилась информация, отражающая взаимные контакты в пределах относительно небольшой и компактной предковой общности.

Как и большинство аналогий, подобная параллель не вполне, однако, точна. Наша физическая вселенная имела точечный источник возникновения и первоначально была действительно однородной. С индейскими мифологиями по-другому: у них было минимум два разных источника. Это еще не значит, что Америку заселяли две генетически совершенно разные популяции: культура не зависит от генов, а мы сейчас говорим именно о культуре. Тем не менее если бы все аборигены Нового Света являлись потомками расселившихся и размножившихся представителей одной-единственной культурно однородной группы людей, то мифологии Нового Света должны были быть более похожи одна на другую, чем

в действительности. За тысячелетия последующего развития региональные особенности возникли бы, но от наборов мотивов, известных в Евразии и Океании, все американские региональные наборы отличались бы примерно в равной степени. На самом же деле отдельные региональные мифологии Нового Света обнаруживают параллели в разных, далеких друг от друга областях Старого Света. Именно в этом состоит главная интрига, связанная с изучением фольклора американских аборигенов, и в этом же — один из ключей к проблеме их происхождения.

* * *

Если взять наудачу две точки в пределах обитаемой суши и сравнить мифологию и фольклор соответствующих территорий, то какие-то общие мотивы наверняка найдутся. Даже у индейцев Амазонии и берберов Марокко, чьи повествования максимально далеки друг от друга географически и сюжетно, похожие образы и эпизоды встречаются. Доказать, что такие единичные параллели не случайны, что они отражают исторические связи, невозможно. Другое дело, если речь идет о распространении целой серии общих мотивов на данных и только на данных территориях. Тогда предположение об их едином источнике выглядит оправданным. В некоторых случаях достаточно одного, но очень специфического, сложного сюжета, содержащего ряд ярких характерных подробностей и эпизодов. Вероятность независимого параллельного возникновения даже сложных конструкций никогда не будет нулевой, но практически она все же крайне мала. В подобных случаях легче предположить, что сходство обусловлено древними миграциями и контактами.

Уже первые попытки обработать статистические данные по мифологии и фольклору всего Нового Света, предпринятые нами в конце 1990-х гг., показали, что в Америке представлены два главных комплекса мотивов. Расширение базы данных и включение материалов Старого Света лишь подтвердили подобный вывод. Более того, две максимально различные американские группы мотивов оказались не чем иным, как местными вариантами двух таких же групп в пределах Евразии.

Первая группа была названа индо-тихоокеанской, поскольку она представлена в пределах индо-тихоокеанской окраины Азии (дравиды, мунда и тибето-бирманцы Индии, народы Индонезии, Индокитая и пр.), в Австралии, Океании и Америке. В наиболее чистом виде (максимум характерных для нее мотивов и минимум мотивов, характерных для противоположного комплекса) этот набор мотивов зафиксирован в Меланезии, особенно на Новой Гвинее. Набор мотивов в Южной Америке, к востоку от Анд, с новогвинейским практически совпадает. Вторая группа была названа континентально-евразийской или североевразийской. Она лучше всего представлена от Восточной Европы до верховьев Амура с максимумом концентрации свойственных ей мотивов в Восточной и Южной Сибири и Монголии. В Северной Америке, особенно на Великих равнинах и в пределах Среднего Запада, мотивы, характерные для данного комплекса, также обильно присутствуют, хотя здесь они сочетаются с мотивами южноамериканско-меланезийского круга.

Сказанное не надо понимать таким образом, что индейцы Амазонии и папуасы Новой Гвинеи рассказывали одни и те же мифы. Во-первых, речь идет о мотивах, а не о сложных повествованиях. Во-вторых, помимо двух главных комплексов мотивов, существуют и другие. Их распределение по континентам отражает другие тенденции, позволяет реконструировать иные процессы, в том числе и относительно недавние. Но первое, ведущее, основополагающее разделение именно таково: с одной стороны — Северная Евразия, с другой — индо-тихоокеанский мир.

Какие же причины могли подобную тенденцию породить? Первое приходящее в голову объяснение — природно-хозяйственные основания. Северный комплекс сформировался у охотников-собирателей холодной и умеренной зоны, южный — у древних земледельцев тропиков и субтропиков. Объяснение это можно смело отвергнуть, поскольку некоторые факты ему явно противоречат. Достаточно сказать, что в Северной Америке наибольшая «примесь» южноамериканских мотивов содержится в мифологиях восточных эскимосов-инуитов. При чем тогда земледелие? Также и охотники-собиратели Австралии: у них намного больше мотивов, общих с земледельцами-папуасами, нежели с сибирскими или североамериканскими охотниками и рыбаками. Кроме того, мотивов, непосредственно отражающих формы хозяйства, в нашей базе данных немного, а при статистической обработке мы их вообще исключали из рассмотрения.

Второе объяснение состоит в том, что различия в наборе мотивов между отдельными континентами — результат исторически случайных и относительно недавних процессов. Можно предположить, что первоначально наборы мотивов в Южной и Северной Америке различались лишь незначительно. Однако постепенно, в силу обмена информацией между соседними группами людей и при отсутствии такого обмена между обитателями Северной и Южной Америки, различия увеличивались. Чтобы объяснить появление различий между мифологиями в пределах Нового Света, подобного предположения, может быть, и достаточно. Оно, однако, не дает ответа на вопрос, почему Меланезия сходна с Амазонией, а юг Сибири — с Великими равнинами США и Канады.

Два основных комплекса фольклорно-мифологических мотивов должны быть древнее, чем время заселения Америки, иначе американские наборы мотивов не находили бы соответствий в Евразии. Но насколько древнее?

Гипотеза, позволяющая объяснить ситуацию, такова. Мифология зародилась еще до того, как люди современного вида около 60 тыс. лет назад вышли из Африки и стали расселяться по миру. Это очень ответственное допущение, ибо подразумевает другое: 60 тыс. лет назад язык был достаточно развит и позволял описывать события из жизни вымышленных существ — предков. Специалисты, изучающие происхождение языка, не могут пока надежно подтвердить или опровергнуть подобную гипотезу. Тем не менее ареальное распределение некоторых мотивов по миру свидетельствует в ее пользу.

Набор мотивов, известных накануне выхода современных людей из Африки, был невелик. Древнейшие мифы рассказывали о том, откуда люди появились на земле и почему они смертны. Кроме того, существовали рассказы о небесных

светилах и животных. Реконструировать именно такой набор древнейших сюжетобразующих мотивов позволяет современная картина их распространения. Цепочка мотивов, представленных в Африке, за ее пределами продолжается в Индии и тянется дальше, в Австралию, в тихоокеанские районы Азии и в конечном счете в Америку. Подобных следов, правда, нет в Аравии и на юге Ирана, но эти лакуны объяснимы. Археологические исследования показывают, что население засушливого Аравийского полуострова за прошедшие со времени выхода из Африки десятки тысяч лет полностью сменилось и, скорее всего, не единожды. То же, возможно, касается юга Ирана. Кроме того, южный Иран очень плохо исследован, о местном фольклоре нет никаких данных.

Сделаем одно важное замечание. Сама по себе картина распространения фольклорно-мифологических мотивов о выходе человека из Африки не свидетельствует. Чтобы объяснить, почему сходные мифы известны одним народам и не известны другим, можно придумать несколько исторических сценариев. Все они будут равновероятны и равно недоказуемы. Придумыванием подобных сценариев как раз и занимались немецкие миграционисты в начале XX в. О выходе современного человека из Африки около 60 тыс. лет назад известно по данным не мифологии, а генетики, которые все больше подтверждаются и материалами археологии. Лишь вооружившись гипотезой «африканской прародины», мы вправе делать вывод о времени и направлении распространения фольклорно-мифологических мотивов. Почему именно этой гипотезой? Да потому, что никакими другими миграционными процессами, известными по материалам генетики и археологии, глобальные закономерности в распределении мотивов объяснить не удается.

Вместе с тем данные мифологии и фольклора не просто иллюстрируют выводы, к которым пришли представители других исторических дисциплин. Взятые изолированно, эти данные недостаточны для полноценной реконструкции прошлого, но они представляют собой особый источник информации, независимый от лингвистики, археологии и генетики.

Вскоре после начала расселения поток африканских мигрантов разделился. От района Персидского залива некоторые продолжили следовать на восток вдоль морских побережий, достигнув Юго-Восточной и Восточной Азии, Новой Гвинеи и Австралии. В эпохи оледенений западная Индонезия являлась продолжением Азии (субконтинент Сунда), а Австралия, Новая Гвинея и прилегающие острова образовывали крупный континент Сахул. Другие группы людей из района Персидского залива стали расселяться в северном направлении. В приледниковой зоне Евразии они заняли примерно ту же территорию, на которой раньше жили неандертальцы. Контакты между потомками этих двух групп переселенцев, индо-тихоокеанской и северной, надолго оборвались: их разделяли высокогорный Тибет и окружающие его засушливые области в центре Азии. Эти территории длительный период оставались незаселенными, либо заселенными крайне редко. Раз обитатели индо-тихоокеанской зоны и континентальной Евразии между собой не общались, вполне естественно, что их мифологии развивались по-разному и со временем все более различались.

В мифологиях индо-тихоокеанской зоны до наших дней сохранилось древнее африканское ядро, например мифы о выходе первопредков из-под земли, о Луне, обманом заставившей Солнце съесть своих детей и тем спасшей мир от невыносимого зноя, о смене кожи как условия бессмертия (см. цв. вкл. 22), равно как и ряд других мифов, объясняющих, почему люди смертны. Полтора десятка лежащих в основе подобных мифов мотивов уходят корнями в Африку, где они встречаются широкой полосой от Гвинеи и Сенегала до юга Судана, а также в Центральной и Южной Африке у народов банту. У койсанских народов (бушменов и готтентотов) этих мотивов значительно меньше.

Известная нам мифология Юго-Восточной Азии и сопредельных с ней областей богаче африканской. Можно полагать, что на новых территориях мифология стала развиваться быстрее, чем на африканской прародине. Среди мотивов, возникших именно здесь, особенно много таких, которые описывают отношения между полами, а также «странные браки» и «странную анатомию» мифологических первопредков. Эти мотивы были затем перенесены в Новый Свет и, следовательно, должны были возникнуть до начала его заселения, т. е. в период от 50 до 18 тыс. лет назад. В изолированной от других континентов и монотонной по своим природным условиям Австралии развитие мифологии, как и культуры вообще, шло медленнее. Африканские связи в австралийской мифологии налицо, но богатейшего набора мотивов, характерного для азиатских окраин, здесь нет.

Что представляла собой мифология приледниковой зоны Евразии после распространения *homo sapiens*, сказать сложно. Она могла быстро утратить африканские корни, поскольку природно-климатические условия в этой зоне были совершенно иными, чем в тропиках, а это способствовало перестройке культуры. Но вполне возможно и другое. Вплоть до периода последнего ледникового максимума в континентальной Евразии сохранялось то же самое африканское наследие, что и в Юго-Восточной Азии. Об этом свидетельствуют мифы о смене кожи, о конфликте Солнца с Луной, о выходе людей из-под земли. Некоторые фольклорные сюжеты и образы в Европе, в частности на Балканах, могут быть остатками такого наследия. Например, в болгарском, румынском, сербском, частично литовском фольклоре есть рассказ о несостоявшейся свадьбе Солнца: если бы у Солнца родились дети, они бы сожгли землю.

Радикальные перемены наступили в эпоху ледникового максимума. В Европе пригодная для обитания территория резко сократилась. В Северо-Восточной Азии крупных ледников не было, однако нет никаких сомнений, что численность обитателей Сибири и Центральной Азии серьезно уменьшилась. Когда же 19 тыс. лет назад климат изменился и стало теплее, в культурах Северной Евразии сработал эффект «бутылочного горлышка». Переживших похолодание осталось так мало, что случайные отклонения от ранее принятой нормы, свойственные небольшим коллективам людей, легли в основу новой нормы у их размножившихся потомков. Именно тогда и сформировался континентально-евразийский набор фольклорных мотивов. Есть подозрение, что процесс этот шел параллельно с формированием континентальных монголоидов.

* * *

Уже сказано, что умножение числа сюжетов в мифологии Юго-Восточной Азии и сопредельных областей началось до того, как люди проникли в Америку. В основе этого предположения — общность мотивов, зафиксированных на юго-востоке Азии и в Новом Свете. Мотивы эти специфичны, в Северной Евразии они не встречаются и их независимое появление по разные стороны Тихого океана практически невероятно. Предполагать же, что они возникли в Америке, а в Азию проникли позже, нельзя по другой причине — нет никаких фактов в пользу древних миграций из Нового Света в Старый.

Правда, продвижение некоторых из подобных мотивов в Америку могло происходить относительно поздно. Таковы, например, мотивы «Пес-прародитель» и «Невидимый крючок». Зона их распространения тянется сплошной полосой от Индонезии до северо-запада Северной Америки, но в более южные и восточные области этого континента, а также в Центральную и Южную Америку они практически не заходят. Первый мотив лежит в основе повествований о женщине, сошедшей с собакой. Рожденные ею дети или некоторые из них имеют человеческую природу и становятся предками племени. Тюрки и монголы принесли миф о псе-прародителе в Центральную Азию, но произошло это лишь недавно, так что исконная связь данного мифа с областями близ Тихого океана сомнений не вызывает. Второй мотив лежит в основе историй об охотнике или рыбаке, чей гарпун или крючок остался в теле животного или рыбы. Человек попадает в мир животных, в котором те выглядят людьми. Пришельца просят спасти заболевшего, которого местные шаманы вылечить не в состоянии. В отличие от них, герой рассказа видит свой крючок или наконечник метательного орудия и незаметно извлекает его. Больной выздоравливает, человек награжден и возвращается в мир людей. В Северной Европе распространены отчасти сходные рассказы, но в них существа из другого мира хорошо видят нанесшее рану оружие и просят человека извлечь его из раны.

Восточно-азиатских мотивов, которые в Новом Свете известны лишь на северо-западе Северной Америки, немного. Значительно больше таких, которые обнаруживают параллели не только поблизости от Берингова пролива, но и за многие тысячи километров от него, в Южной Америке. Некоторые лежат в основе космогонических мифов. Такие мифы, как было сказано, часто оказываются «долгожителями». Они сохраняются не только из-за занимательности сюжета, но и в силу своей сакральности: подростки и молодые мужчины обязаны выучивать их со слов стариков.

Мифов о создании земли в индо-тихоокеанском регионе мало. Один из них повествует о падении с неба на воды небольшого количества твердой субстанции, которая растет и превращается в сушу. Этот сюжет более всего характерен для австронезийских народов Индонезии, Филиппин и Океании. Американские параллели ему единичны и между собой явным образом не связаны. Основным космогоническим мифом индо-тихоокеанского мира следует считать не историю о падении земли на воды, а повествование о выходе первопредков из некоего

вместилища, расположенного под землей или на поверхности земли — из ямы, пещеры, камня, ствола дерева, стебля бамбука. Речь идет не просто о появлении первой пары людей или божеств, а о более специфическом мотиве — одновременном выходе на землю множества людей разного пола и возраста. Очень часто это событие связано с формированием облика самой земли.

Данный мотив широко известен в Африке южнее Сахары и скорее всего появился ранее 60 тыс. лет назад. Он представлен в древних переднеазиатских мифологиях (у шумеров и, видимо, финикийцев), на северо-востоке Индии, в Юго-Восточной Азии, Австралии, Меланезии, Полинезии и, наконец, в Центральной и Южной Америке. Этот мотив характерен также для южных и отчасти восточных областей Северной Америки (юго-запад, юго-восток, часть территории северо-востока и Великих равнин), встречается у некоторых групп эскимосов. Однако он практически отсутствует на основной части Евразии и в пределах северо-западной половины североамериканского континента. Редчайшие сибирские исключения (селькупы, нганасаны) невыразительны, в этих случаях речь идет о том, что люди «выросли из земли, как трава».

Хотя мотив выхода первопредков из земли может показаться слишком простым, чтобы предполагать историческую связь между его отдельными версиями, его отсутствие в континентальной Евразии и популярность в индо-тихоокеанском мире говорят в пользу именно исторической связи. К тому же есть дополнительный и очень весомый довод в пользу того, что в Америке мифы, основанные на этом мотиве, не возникли независимо, а восходят к азиатским прототипам.

Многие повествования о проникновении людей в обитаемый ныне мир, которые записаны в Америке и в Юго-Восточной Азии, содержат три характерные подробности. Первая: людям, выходящим из первоначального вместилища, угрожает чудовище, либо чудовище выходит вместе с людьми и блокирует выход. Вторая: это чудовище имеет две головы. Третья: путь из одной части мира в другую проходит сквозь узкое отверстие. Некий персонаж застревает в нем, чем навсегда прерывает связь миров. Довольно часто все три мотива или хотя бы два из них сочетаются. В единичных случаях речь идет не о выходе первопредков из земли, а об их спуске с неба или, напротив, подъеме на небо, которое, однако, выглядит подобно земле.

Приведем некоторые варианты.

Конды (дравиды Центральной Индии). Когда половина людей вышла из отверстия в земле, оттуда же появился вол-людоед. Богиня разбивает ему голову палкой, он валится назад, заклинив дверь. Оставшиеся люди не могут выйти.

Банар (горные кхмеры, юг Вьетнама). Люди вышли из подземного мира через отверстие в земле. Буйвол с двумя головами застревает в нем и превращается в скалу.

Мой (горные кхмеры, граница Вьетнама, Камбоджи и Лаоса). Люди нашли отверстие и стали выходить на поверхность земли вместе со своими домашними животными. Буйвол с двумя головами застревает в отверстии, навсегда заблокировав выход. Так как самые красивые женщины, прихорашиваясь, задержались, они не успевали выйти, поэтому нынешние люди не отличаются красотой.

Тетум (австронезийцы Тимора). С неба упал мужчина, попросил бога дать ему товарища. Из отверстия в земле вылезает двухголовый человек. Первый человек пугается и бросает на того камень. После этого выходит нормальная женщина.

Меджспрат (папуасы северо-запада Новой Гвинеи). Первопредок слышит шум из ствола манго, вскрывает ствол топором, из отверстия вылазят люди. За ними показывается двуглавый монстр, но первопредок сталкивает его назад и закрывает отверстие.

Висайя (Филиппины). Люди живут на небе, стрела охотника пробивает небесный свод. Люди плетут веревку, спускаются. Толстая женщина не может пролезть и остается на небе.

Сенека (ирокезы штата Нью-Йорк). Люди выходят из вершины холма, но змея, окаймлявшая его подножье, проглатывает их. Остаются мальчик и девочка, которые убивают змею стрелами. От этих детей происходят сенека.

Арикара (Великие равнины). Ударяя по дуплистому тополлю, люди-бизоны вызывают из-под земли настоящих людей. Те выходят, люди-бизоны их убивают. Юноше удается спастись, он раздает людям луки. Люди-бизоны бегут и превращаются в бизонов.

Кайова (Великие равнины). Первопредок выводит людей в мир, выпуская из упавшего дуплистого тополя. Беременная женщина застревает, следующие за ней люди не могут подняться.

Липан (южные атапаски, Техас). Люди и животные теснятся в пещере. Первыми из нее выходят антилопа, пекари и дятел, которые пожирают всех, кто пытается выйти следом. Спасаются муж, жена и их дочь. Дочь выходит замуж за крокодила. Он превращает чудовищ в антилопу, пекари, дятла, настоящие люди выходят на землю.

Варрау (устье Ориноко). Люди живут на небе, человек пускает стрелу, которая пробивает небосвод. Люди спускаются по веревке на землю. Беременная женщина застревает и превращается в Утреннюю Звезду.

Мурато (восток Эквадора). Люди живут в подземной пещере, выход которой охраняет ягуар. Когда один человек убивает ягуара, люди выходят на землю.

Суруу (Центральная Амазония). Первопредок превращает дом в скалу, запертые внутри люди зовут на помощь. Птицы продалбливают отверстие, люди выходят, но беременная женщина застревает. Дятел не в силах прорубить новое отверстие, оставшиеся внутри люди умирают.

Уанка (горы Перу, департамент Хуни). Два дракона долго сражаются друг с другом, поэтому находящиеся под землей мужчина и женщина боятся подняться наверх. Они выходят после того, как бог Тиксе уничтожает драконов молниями.

Кадувео (граница между Бразилией и Парагваем). Бог находит отверстие в земле, вытаскивает оттуда людей и животных. Страшный зверь пожирает выходящих. Бог убивает зверя и распределяет его жир между животными.

Ангайте (Парагвай). Люди по веревке спускаются с неба на землю. Попугай случайно обрезает веревку. Оставшиеся пытаются возобновить спуск, но человек со второй головой на боку застревает в дыре, навсегда заклинив ее.

Как видим, подобные варианты равномерно распределены по Новому Свету, отсутствуя лишь в северо-западной половине Северной Америки. В Старом же Свете они концентрируются на территории от Индии (причем не арийской) до Новой Гвинеи. Поскольку данные мотивы отсутствуют в Африке и Австралии, логично предположить, что они оказались интегрированы в миф о выходе первопредков из земли после заселения Австралии (40–45 тыс. лет назад), но до начала заселения Америки (около 15 тыс. лет назад).

В Юго-Восточной Азии и на сопредельных с ней территориях зафиксированы и многие другие параллели мифам индейцев. Для примера можно вспомнить сюжет мирового потопа и появления новых людей. Мифы о потопе известны почти повсюду и потому интересны прежде всего подробностями, вариантами. Согласно одному из них, во время потопа или в начале времен в воду падают один за другим плоды. По мере этого вода начинает сходить, обнажается суша. Данный вариант характерен только для Америки (преимущественно Южной), а в Старом Свете — для юго-восточной окраины Азии.

Качин (тибето-бирманцы верхней Бирмы). Девять братьев завидуют десятому и во всем мешают ему. Он решает наслать на землю потоп, поместив двоих сирот в большой барабан. Каждый день мальчик и девочка выпускают наружу петуха, бросают вниз сосуд и иглу. Восемь раз по звуку падения иглы и сосуда они понимают, что внизу вода. На девятый день сосуд и игла падают на землю, петух кукарекает. Брат и сестра порождают новых людей.

Солор (индонезийский остров к востоку от Флореса). Во время потопа на кокосовой пальме спасаются брат и сестра. Каждый день они бросают вниз орех. На восьмой день орех падает на сухую землю и раскалывается. Брат и сестра вступают в брак, порождая людей.

Сусуре (папуасы востока Новой Гвинеи). Люди пытаются убить угря. Тот учиняет потоп. Все гибнут, лишь старуха с двумя внуками залезает на кокосовую пальму. Она до тех пор бросает в воду орехи, пока вместо плеска не слышит глухой шум и понимает, что вода сошла. Старуха и внуки спускаются, находят кости утонувших.

Джошуа (атапаски Орегона). Сперва земля крохотная, на ней два дерева. Создатель бросает в воду камень, слышит отдаленный удар, значит — вода глубока. Когда падает следующий камень, дно становится ближе; после шестого вода отступает, возникает суша.

Макиритаре (карибы южной Венесуэлы). Двое братьев насылают на землю потоп. Двое других юношей спасаются на двух сросшихся пальмах. Юноши едят плоды, бросают косточки в воду, по мере чего вода уходит. Пальмы превращаются в гору.

Нано (кечуа восточного Эквадора). Во время потопа двое мужчин залезли на дерево, ели плоды, раз в месяц бросали плод в воду. Третий плод упал в грязь, четвертый — на подсохшую землю. Спустившись, мужчины встретили дятла, женились на его дочерях. Люди происходят от этого брака.

Сетебо (семья пано, восток Перу). Во время потопа человек с женой и детьми забираются на большое фруктовое дерево. Когда дождь прекращается, человек бросает вниз плоды, чтобы узнать, сошла ли вода. По мере этого уровень воды

понижается, последний плод падает в грязь, тьма рассеивается. Сын человека превращается в птицу, жена — в гнездо термитов, сам он спускается, берет в жены женщину, приплывшую в лодке.

Рикбакца (семья макро-же, южная Амазония). Во время потопа двое мужчин и две женщины забираются на деревья. Они сбрасывают орехи, чтобы узнать, сошла ли вода. После потопа спасшиеся женятся (хотя являются родственниками) и рожают новых людей.

Аче (семья тупи-гуарани, Парагвай). Во время потопа мужчина и женщина залезают на пальму, бросают в воду плоды и слезают, когда слышат глухой звук: плод ударяется о камень. Остальные люди превращаются в крупных водных грызунов — капибар.

Выше говорилось, что Юго-Восточная Азия могла быть центром формирования сюжетов, описывающих разного рода странные браки, конфликты между полами, отклонения в анатомии. На большей части Евразии и в Африке такие сюжеты либо вообще не встречаются, либо редки. Сказанное не значит, что в одной половине мира соответствующая тематика интересовала людей, а в другой — нет. Речь идет не о психологии, а о распространении стандартных, хорошо запоминающихся образов и фабул. В фольклоре континентальной Евразии тоже немало эпизодов «сексуально-анатомического» содержания, но подобные мотивы не легли здесь в основу устойчивых, широко распространенных и признанных древней традицией сюжетов.

Примером может служить мотив «зубастого лона». Для фрейдистов он — находка, многие воспринимают его как наследие глубочайшей первобытности, всплывающее из глубин нашего подсознания. Однако картографирование показывает очевидную связь этого мотива с индо-тихоокеанскими мифологиями (см. цв. вкл. 23). Поскольку его нет в Австралии и даже, за редчайшими исключениями, в Меланезии, он скорее всего относительно поздно распространился на индо-тихоокеанской окраине Азии и оттуда был принесен в Новый Свет. Редкость этого мотива в фольклоре континентальной Евразии можно было бы объяснить давлением сменившихся этических и эстетических норм. Но «зубастого лона» нет также и в Африке (лишь в западноафриканском эпосе «Сундьята» удалось найти упоминание о женщине, имеющей на лобке колючие волосы).

Приведем еще два примера индо-тихоокеанских сюжетов, основанных на типичных для этого региона мотивах. Первый повествует о том, как женщины научились рожать, второй описывает один из вариантов «странных браков».

Миф о кесаревом сечении, с помощью которого первые люди или обитатели какой-то далекой страны извлекали ребенка из чрева матери, четко приурочен к циркум-тихоокеанскому региону (см. цв. вкл. 24). Его ареал тянется огромной дугой от Меланезии до Южной Америки.

Сиуаи (Соломоновы острова). Сирота женится на вдове брата. Когда ребенок готов родиться, люди приходят с ножами вспарывать женщине живот. Сирота прогоняет их и объясняет, что резать надо только пуповину.

Капингамаранги (полинезийский по культуре остров в Микронезии). Роженицам разрезают живот, те всегда умирают. Супруги прячут любимую дочь от мужчин

на платформе под крышей. К ней спускается небожитель, от которого она беременеет; он учит при родах приложить к голове особый кокос. Жена небожителя рождает нормально.

Флорес (Индонезия). Горо залезает по лиане на небо. Местные люди приводят его к роженице, дают нож, чтобы разрезать ей живот. Горо учит их, что делать, и женщины рожают естественным образом.

Алюторцы (береговые коряки). Роженицам мужа вспарывают животы, детей вытаскивают, жен убивают. Птичка велит женщине не плакать в ожидании смерти, а сидеть молча и родить так же, как она, птичка, откладывает яйца. С тех пор женщины рожают.

Коюкон (атапаски западной Аляски). Девушку уводят умершие. Мертвый мужчина строит ей дом, начинает с ней жить. Однажды она слышит плач, муж объясняет, что одна женщина беременна и ей собираются разрезать живот. Живая женщина показывает той, как родить.

Фокс (алгонкины Мичигана). Человек попадает к карликам, которые вспарывают животы беременным женам. Он учит их женщин рожать. У карликов нет анальных отверстий. Они удивлены, увидев, как человек справляет нужду. На карликов нападают их страшные враги — журавли, гуси, казарки. Человек легко убивает птиц, жарит и съедает их.

Вийот (группа, отдаленно родственная алгонкинам, север Калифорнии). Гатсвоквир недоумевает, почему вокруг дети есть, а женщин не видно. Оказывается, те умирают, когда мужа вспарывают беременным живот, чтобы извлечь ребенка. Гатсвоквир создает снадобье, помогающее при родах.

Гуахи́ро (араваки северо-восточной Колумбии). В гениталиях женщин были зубы. Чтобы извлечь ребенка, беременной приходится вспарывать живот. Марейва выбивает зубы камнем, теперь дети могут нормально появляться на свет.

Локоно (араваки побережья Гайяны). По норе броненосца человек попадает в нижний мир. Там живут рыжеволосые карлики, беременным женщинам которых при родах вспарывают животы. Человек учит их рожать и возвращается на землю.

Кашина́уа (семья пано, восток Перу). Женщины не умеют рожать. Беременных отводят к «инкам», которые вспарывают им животы. Роженицу съедают, ребенка отдают родственникам погибшей. В лесу женщину видит крыса и учит рожать.

Другой мотив касается странных браков. Женщина или группа женщин берут в любовники водное животное или водного монстра. Мужья, братья или дети женщины убивают или калечат любовника. Все тексты на подобный сюжет (а их — великое множество) зафиксированы либо в Америке, либо на тихоокеанской окраине Азии и в Океании. Некоторые параллели содержатся в распространенных от Казахстана до Центральной Европы сказках, которые повествуют о девушке, вышедшей замуж за змея. Время распространения этого сказочного сюжета не установлено, но он в любом случае значительно отличается от мифов циркум-тихоокеанского региона, поскольку змей заставляет девушку отправиться с ним в его мир, а симпатии рассказчика на стороне героини. У народов индо-тихоокеанской окраины Азии и Америки женщина, напротив, является отрицательным персонажем.

Вот некоторые из характерных восточноазиатских и американских мифов.

Поранора (папуасы севера Новой Гвинеи). Мальчик замечает, как женщины вызывают ударами в барабан водного духа, кормят его и совокупаются с ним. Затем к женщинам выходят и другие водные духи. Отец мальчика вместе с остальными мужчинами ждут, пока духи выйдут на берег, и убивают и их, и женщин.

Гавайцы. Угорь и Морской Огурец в образе юношей становятся любовниками двух сестер. Отец девушек следит за этими существами, ловит их сетью, готовит и дает съесть дочерям. Одна отпрыгивает маленького Угря, другая — Морского Огурца, отец сжигает отпрыгнутое.

Миньонг (тибето-бирманцы северо-восточной Индии). Брат следит за старшей сестрой и видит, как она несет рис и мясо к реке, топает у берега, вызывая змея. Когда сестры нет, брат вызывает его тем же сигналом и убивает. Увидев разрубленного змея, сестра вешается. Брат вспарывает ей живот, из него выползают змеи. С тех пор змеи и люди враждуют.

Ульчи (тунгусо-маньчжуры на Нижнем Амуре). Пока муж на охоте, жена продалбливает во льду лунку и зовет водяного духа. Тот приходит к ней в дом, спит с ней, возвращается в воду. Муж следит за женой, ранит духа острогой, дух и следом женщина прыгают в воду.

Эскимосы Чукотки. Девочка-сирота советует человеку проследить за женой, которая сказалась больной. Жена зовет песней кита, кормит его мясом, из носа кита к ней выходит мужчина. Муж убивает кита копьем, жена рождает китенка.

Полярные эскимосы. Муж видит, как жена подходит к озеру, зовет своего любовника. Из воды появляется пенис. Когда жены нет, муж сам вызывает пенис, убивает палкой, варит, кормит им жену, кладет ей под покрывало червей, и они съедают ее.

Шейены (алгонкины Великих равнин). Каждое утро муж красит жену с ног до головы красной краской, а возвратившись с охоты, не находит следов краски. Он подсматривает, как жена раздевается на берегу озера, и зовет водяного змея, который слизывает с нее краску. Муж рубит любовников на куски, бросает голову, руки и ноги жены в воду, мясо с ребер приносит детям под видом мяса антилопы. Голова матери преследует детей, они с трудом от нее спасаются.

Хикарилья (южные атапаски, Нью-Мексико). Жена вождя, делая вид, что заболела, просит мужа отводить ее к прохладной реке. Входя в воду, она совокупляется с выдрой. Муж, выследив ее, выгоняет ее из дому. Все мужчины и даже собаки-самцы уходят жить на другой берег реки. Женщины мастурбируют, рожают чудовищ.

Корегуахе (западные тукано южной Колумбии). Журавль говорит охотнику, что его жена занимается любовью с мужчиной, который выходит из воды к ней на берег. Этот мужчина — рыба. Муж подстерегает и убивает любовника, тестикулы дает съесть жене. Жена идет на реку и рождает рыб.

Шипибо (семья пано, восток Перу). По утрам женщина идет к озеру, раскрашивается красной глиной, кладет на воду калобасу и стучит по ней. Анаконда выходит и удовлетворяет ее хвостом. Родственник женщины рассказывает об этом

ее брату. Оба вызывают анаконду тем же сигналом, убивают, приносят женщине кусок кожи. Она узнает ее, бежит на берег и от горя превращается в черную птичку.

Кулина (семья арауа, граница Бразилии и Перу). Женщины берут выдр в любовники, те приносят им рыбу, совокупаются с ними на берегу. Шаман узнает, что, вызывая выдр, женщины поют и шлепают по воде ногами. Мужчины убивают выдр, а затем и жен. Молодые женщины превращаются в диких свиней, старые — в муравьедов, дети — в птиц, мужчины — в стервятников.

Каража (восточная Бразилия). Женщины приходят на берег озера, раскрашиваются, вызывают каймана и совокупаются с ним. Кайман дает им рыбу и съедобные плоды дерева пеки (кариокар), которые мужчинам еще не известны. Мужьям женщины приносят лишь кожуру плодов. Мальчик следит за женщинами, прячет плоды, приносит их мужчинам и рассказывает об увиденном. Женщины, убив мужчин, исчезают в реке.

Мифы из Южной Америки и из Новой Гвинеи связывает дополнительная особенность, которой в североамериканских и восточноазиатских вариантах нет. Водное существо или существа сходятся не с одной женщиной, а со всеми. Соответственно темой сюжета оказывается не единичное любовное приключение, но рассказ об исчезновении первых людей и появлении новых, «настоящих». Есть и другие параллели, связывающие мифологии одних только Южной Америки и Новой Гвинеи. Объяснить их прямыми контактами через океан решительно невозможно: папуасы и меланезийцы так далеко не плавали. Скорее всего Меланезия и восток Южной Америки — это те регионы, которые оказались наименее доступны со стороны Азии и где поэтому, избежав более поздних азиатских влияний, сохранились самые древние, архаические сюжеты. Отсутствие же подобных сюжетов в Африке означает, что возникли они хотя и давно, но уже в Азии.

* * *

Совершенно другой набор мифологических мотивов связывает Америку с континентальной Евразией.

Едва ли не самый характерный, общий для обоих регионов космогонический сюжет — это миф о ныряльщике за землей (см. цв. вкл. 25). Он основан на мотиве доставания земли со дна Мирового океана. В начале времен или же после потопа существуют только вода и небо. Некоторые персонажи опускаются в нижний мир и приносят оттуда частичку твердой субстанции. Положенная на воду, она вырастает и превращается в сушу.

Такого рода повествования характерны для Южной Азии, Сибири, Восточной Европы и Северной Америки. При этом в южноазиатских вариантах описываются приключения персонажей, спустившихся за землей в нижний мир, но сам спуск только упоминается. В северо-евразийских и американских мифах, наоборот, внимание сосредоточено исключительно на нырянии — кто, как, по чьему приказанию, сколько раз уходит под воду. Рассказчик не спускается вниз за своими героями, а наблюдает за ними с лодки, плота, поверхности воды. Можно поэтому

смело утверждать, что мифы индейцев связаны с сибирскими, а к южноазиатским имеют более отдаленное отношение.

Ни у палеоазиатов и ительменов азиатского северо-востока, ни у эскимосов, алеутов и атапасков западной и юго-западной Аляски ныряльщика нет. Не слишком характерен этот миф и для индейцев северо-западного побережья Северной Америки. Это значит, что миф о ныряльщике за землей не мог постепенно «просочиться» из Азии в Америку. Он был принесен в Новый Свет в то время, когда этноязыковая карта Берингоморья сильно отличалась от нынешней. Скорее всего это произошло до того, как здесь распространились палеоазиатские и эскимосско-алеутские языки.

Основная область распространения мифа о ныряльщике в Новом Свете тянется от центральной Аляски до юго-востока США. К юго-западу от этой области есть лишь отдельные анклавы. Самый крупный расположен в Калифорнии, где мифы о ныряльщике характерны для народов семьи пенути. Этот сюжет известен и некоторым другим группам калифорнийских индейцев, но те явно заимствовали его от пенути. К югу от Калифорнии ныряльщик встречается совсем редко, отдельными мелкими вкраплениями. Последний раз он представлен у западных тукано на границе Колумбии и Эквадора. Кроме того, в Центральной и на севере Южной Америки записаны несколько текстов, не вполне соответствующих этому сюжету, но все же близких, например персонажи ныряют для того, чтобы разрушить запруды, преградившую водам сток. На востоке и юге Южной Америки параллели ныряльщику отсутствуют полностью.

Самые близкие параллели соединяют мифы индейцев Великих равнин (точнее, бассейна средней Миссури), Калифорнии и народов Сибири, в частности тех, что обитают в районе Байкала. Приведем для сравнения несколько вариантов.

Киренские эвенки. В верхнем мире живут два брата. Старший велит утке нырнуть на дно Байкала и достать песок. Младший кладет на воду лист, на него землю. От ветра лист сминается складками и получаются горы.

Эвенки Забайкалья. Помощником творца была лягушка. Она выносит землю в лапах на поверхность воды, но злой брат творца стреляет в нее, она переворачивается и с тех пор начинает лапами поддерживать нашу землю среди водного пространства.

Сибирские татары (Омская область). Плавают две утки. Одна решает сотворить землю. Вторая ныряет, приносит в клюве ил, первая начинает разбрасывать его по поверхности воды — появляется земля. Вторая, выйдя на сушу, начинает разбрасывать камешки — появляются горы.

Нганасаны (Таймыр). Утка просит Гагару нырнуть и найти землю. Та всплывает на третий день мертвая. Утка ныряет сама и через семь дней приносит травы, мха и говорит, что землю подняла вверх.

Мандан (сиу Северной Дакоты). Одинокий человек ходит по водам, встречает Первого Создателя. Оба просят нырка достать из-под воды ил. Одинокий человек дает половину принесенной нырком земли Первому Создателю, сам творит ровную местность к востоку от Миссури. Первый Создатель творит холмистую землю к западу.

Северные йокуц (пенути Калифорнии). Вначале везде была вода. Бобр, выдра, три вида уток не доныривают до дна. Четвертая утка, самая маленькая, хватается со дна песок, но, поднимаясь, теряет его. Однако немного песка остается у нее на лапках. Утка дает половину песка соколу, половину — ворону. Оба летят, рассыпают песок — и внизу возникает земля. Ворон создает Береговой, а Сокол — Центральный хребет.

Горные мивок (пенути Калифорнии). Лягушка предлагает койоту создать землю. Койот ищет лучшего ныряльщика. Утки двух видов и водяная змея не доныривают до дна. Тогда лягушка сама приносит две горсти песка, койот разбрасывает его — возникает земля.

Южная Сибирь как источник для североамериканского ныряльщика выглядит предпочтительнее других ареалов Северной Евразии по двум причинам. Во-первых, в эпоху заселения Америки многие северные территории Азии еще оставались необитаемы. Во-вторых, в Южной Сибири обычным ныряльщиком за землей является не только водоплавающая птица, но и лягушка. Лягушка (или черепаха — оба животных близки в народных классификациях и легко заменяют друг друга в мифах) выступает в подобном качестве также и у североамериканских индейцев. В Сибирь данный мотив мог попасть из Тибета, где ныряльщик (черепаха) в главной роли тоже записан. Тибетско-сибирские связи были очень активными с началом распространения буддизма, но они могли иметь место и в отдаленном прошлом.

Чтобы проникнуть в Америку, образ лягушки должен был быть реально известен обитателям Берингии. Сейчас на Чукотке лягушек нет, и характерно, что в одном из чукотских мифов (не о ныряльщике) встречающаяся в других сибирских мифах женщина-лягушка оказалась заменена тритонихой. Однако на Аляске лягушки живут, вынося температуру до -60°C и будучи активными уже при $+2-3^{\circ}\text{C}$. Есть лягушки и в Якутии вплоть до устья Лены. Это значит, что и в Берингии эти земноводные водиться могли.

Кроме байкальского ареала, ныряльщик широко представлен и в мифологии народов Саяно-Алтая, но с космогониями этого ареала есть проблемы. В раннем Средневековье на них мощно повлияла идеология манихейства, которая на Балканах получила название богомилства, а в Западной Европе — ереси катаров. В основе этой идеологии был дуализм — представление о двух равно или почти равно могущественных началах, добром и злом. Истоки подобных идей могут быть очень древними: некоторые сходные представления засвидетельствованы у североамериканских индейцев и меланезийцев. В манихействе, однако, они восходят к иранскому зороастризму. Так или иначе, большинство мифов о происхождении мира и человека у саяно-алтайских тюрков, а также у народов Западной и Восточной Сибири и Восточной Европы носят следы манихейства и содержат ряд характерных мотивов, которых нет ни в американских, ни в южноазиатских версиях ныряльщика. Вместе с тем в классическом манихействе (у тех же катаров, например) никакого ныряльщика нет, этот мотив — сибирский. Владимир Владимирович Напольских предположил, что в Восточную Европу он был принесен ранними кочевниками, пришедшими из южносибирско-монгольского региона. Вполне

возможно поэтому, что, хотя в самом саяно-алтайском ареале прототипы североамериканского ныряльщика и не сохранились, в Америку они попали именно оттуда, а не из района Байкала.

В пользу саяно-алтайского ареала как прародины, по меньшей мере, некоторых групп американских индейцев свидетельствует еще один записанный здесь космогонический миф — история о том, как звери и птицы делили год или день (см. цв. вкл. 26). Это очень симпатичный рассказ с колоритными участниками. Персонажи, не слишком отличающиеся от героев Уолта Диснея, решают в нем судьбы мира. Сюжет нетривиален, легко заметен и как никакой другой позволяет проследить пути древних мигрантов. В самом общем виде он таков: первоначально (люди-животные) спорят о том, сколь долго должны длиться год, зима, ночь и иные периоды времени, должны ли холод и тьма сменяться теплом и светом. В типичных версиях появляются дополнительные детали. Персонажи спорят о количестве дискретных единиц времени, которыми определяется продолжительность более крупного периода времени, а число месяцев или часов сопоставляется с числом пальцев, шерстинок, перьев, полос на теле участников. Вот несколько вариантов.

Талтан (атапаски Британской Колумбии). Бобр хочет в году двести месяцев, по числу отметин у него на хвосте, половина из них — зимние. Дикобраз хочет столько зимних месяцев, сколько пальцев на его передних лапах, отрезает по пальцу, чтобы на каждой лапе было четыре, а не пять пальцев. Бобр в конце концов соглашается, чтобы в году было двенадцать месяцев.

Цимшиан (запад Британской Колумбии). Гризли созывает зверей на совет, хочет долгую и суровую зиму, чтобы обезопасить себя от охотников. Дикобраз доказывает, что крупные звери умрут, так как погибнут растения, которыми они питаются. В знак своей правоты он откусывает себе большой палец, у него остается по четыре пальца на лапе. Звери соглашаются с дикобразом, решают, что всем надо быть в берлогах по шесть месяцев, и устанавливают особенности времен года.

Шусван (сэлиши Британской Колумбии). Гризли говорит: «Пусть в году будет столько месяцев, сколько перьев в хвосте куропатки» (у нее 22 пера)! Койот: «Пусть столько, сколько перьев в хвосте у дятла (двенадцать), половина из них — холодные, половина — теплые!» Гризли думает, что у дятла в хвосте много перьев, и соглашается.

Монтанье (алгонкины полуострова Лабрадор). Животные добывают лето, договариваются, чтобы времена года чередовались. Олень-карибу хочет столько зимних месяцев, сколько шерстинок у него между пальцами, бобр — сколько чешуек у него на хвосте, сойка — сколько у нее пушинок. Дятел: «В зиме — шесть месяцев, сколько пальцев у меня на двух лапках!» Так и стало.

Команчи (юто-ацтеки Техаса). Сперва было холодно и темно. Звери собрались обсудить положение. Медведь, колибри, черепаха требуют перемен. Койот, опосум, енот хотят, чтобы все осталось по-старому. Обе стороны договариваются решить вопрос в ходе игры. Вначале выигрывает койот, затем медведь. Медведь говорит, что во рту у него они увидят желтую полосу, это будет рассвет, колиб-

ри — что у него во рту будут заметны шесть язычков, это определит тепло на полгода и холодную погоду на другие полгода. Так и происходит. С тех пор существуют ночь и день, зима и лето.

Крики (мускоги Джорджии и Алабамы). Животные собираются, чтобы поделить ночь и день. Медведь — председатель. Одни хотят только день, другие — только ночь. Бурундук: «Пусть будут поровну — как темные и светлые полосы на хвосте енота!» Медведь со злости царапает бурундука когтями, на его шкуре остаются полосы.

Мотив уподобления единиц времени отметинам на теле — этот мотив возник уже в Америке, в Азии его нет. Однако сам спор зверей, да еще и при участии медведя и бурундука (как у криков и ряда других североамериканских индейцев) известен тюркам Саяно-Алтая. Более далекие параллели есть также у якутов и казахов. Понятно, что числа, определяющие в сибирских текстах продолжительность месяцев и года, взяты из современного календаря и в прошлом могли быть другими.

Алтайцы. Звери собираются, чтобы установить продолжительность года, месяца, дня. Медведь предлагает год длиной в сто лет, в году — сто месяцев, в месяце — сто дней. Все, остолбеневают, замолкают. Ласка прибегает последней, говорит, что ни один зверь не проживет так свой век. Пусть в году будет 12 месяцев, в месяце 30 дней. Так и решили.

Хакасы. Медведь и бурундук спорят, сколько дней будет в первом весеннем месяце. Медведь хочет 30, бурундук 31. Медведь не хочет лишний день лежать в берлоге, царапает бурундука, на его шкуре остаются полосы. В месяце, который хакасы называют месяцем бурундука, 31 день.

Сюжет спора о времени известен и на юго-восточных окраинах Азии — у племен нага в северо-восточной Индии, в Индонезии, на островах Флорес, Тимор и Сумба и даже на Новых Гебридах, где спорщиками, правда, являются не животные или птицы, а двое мужчин-создателей. Параллели эти вряд ли случайны. Сибирь и юго-восток Азии связывают и другие сюжеты. Очень вероятно, что подобные связи отражают процесс заселения Сибири группами людей восточно-азиатского происхождения. Алтае-саянские параллели американским мифам касаются, однако, не только основного мотива, но и более частных подробностей, поэтому именно они содержат материал для выявления индейской прародины.

Существуют еще две большие серии фольклорно-мифологических мотивов, связывающих Северную Америку с Сибирью и вообще с континентальной Евразией. Первая касается представлений о звездном небе.

Этнологи и миссионеры давно заметили, что в Африке южнее Сахары звездной мифологии практически нет. Среди звездных объектов там известны Млечный Путь, Плеяды, Венера и изредка Пояс Ориона, но и с ними связано мало повествований. Видимо, звездная мифология стала бурно развиваться уже после выхода современного человека из Африки. Соответственно в индо-тихоокеанском мире и в континентальной Евразии возникли разные представления о видимых ночью светилах. Свою роль сыграла, конечно, и разница в картине звездного неба в Северном и Южном полушариях.

Единственными образами восточно-азиатского происхождения, которые были, по-видимому, принесены в Новый Свет, являются представления о Млечном Пути как о реке или огромном змее. В Америке подобные образы характерны больше для Южной, чем для Северной, Америки. Сибирь и Центральная Азия обнаруживают совершенно другие связи — исключительно с Северной Америкой и касающиеся не Млечного Пути, а Ориона и особенно Большой Медведицы.

Одним из самых популярных евразийско-американских мифов является история «космической охоты» (см. цв. вкл. 27). В некоторых звездах и созвездиях люди видят фигуры охотников, их собак, убегающих или убитых животных. Этот мотив лежит в основе сюжетов, характерных для Северной и Центральной Евразии, Северной и отчасти Южной Америки. В Африке «космическая охота» встречается очень редко, все версии одинаковы (три звезды Пояса Ориона — это охотник, собака, дичь). В Австралии есть один или два рассказа, напоминающих этот сюжет, у новозеландских маори Орион — охотник на птиц. Что же до евразийско-американских параллелей, то они выходят за пределы основного мотива: речь идет о целой последовательности уникальных эпизодов.

Первая яркая параллель касается истолкования главных звезд Большой Медведицы. В Западной Сибири и прилегающих районах Восточной и Южной Сибири у хантов, селькупов, кетов, хакасов и западных (но не юго-восточных) эвенков три звезды ручки ковша ассоциируются с тремя охотниками, а четыре звезды самого ковша — с лосем. Точно такое же истолкование Большой Медведицы встречается в Северной Америке у ирокезов (как северных, в частности сенека, так и южных — чироки) и у микмак — представителей алгонкинской языковой семьи. Единственная разница в том, что индейские охотники гонят по небу не лося, а медведя. Особенно замечательно, что как в Америке, так и в Сибири слабая, едва заметная звездочка рядом со второй звездой ручки ковша считается котелком, в котором охотники собираются варить мясо. Эта последняя деталь настолько уникальна, что не оставляет сомнений в исторической обусловленности сибирско-американских параллелей. Звездочку эту астрономы называют Алькор, а находящуюся рядом большую звезду — Мицар.

Вот пересказ текста индейцев микмак — обитателей Нью-Брансуика и Новой Шотландии.

Микмак. Чикади (живущая в Северной Америке небольшая птичка) преследует проснувшуюся весной медведицу (ковш Большой Медведицы) и зовет на помощь еще шестерых охотников-птиц. Те следят, чтобы чикади не забыл взять с собой котелок для варки мяса. Этот котелок (Алькор) для собравшихся столь важен, что двое охотников, опасаясь, как бы чикади не сбился с пути, занимают место один впереди, а другой позади него. Всю весну и осень охотники гонят зверя. В начале осени сперва две совы, затем голубая сойка и голубь теряют след (эти персонажи — звезды из созвездия Волопаса, которые в это время скрываются за горизонтом). Малиновка, чикади и голубая сойка продолжают погоню. В середине осени охотник-малиновка поражает медведицу стрелой и бросается поедать ее жир. Измазавшись кровью, он взлетает на клен и начинает чистить перья, но красное пятнышко на грудке остается. Брызги крови окрашивают на зем-

ле осенние листья. Когда чикади и малиновка начинают варить в котле мясо, появляется голубая сойка, которая намеренно не спешила, рассчитав явиться к делу добычи. С тех пор лентяев зовут «пришедшими в последний момент».

А вот некоторые сибирские версии.

Ханты. Тунгус, остяк и самоед решают убить лося. Самоед хочет жарить мясо на вертеле, тунгус — есть сырым, остяк — вареным. В начале погони остяк возвращается за котелком, обгоняет самоеда. Тунгус начинает просить духов, чтобы лоси отныне жили в его земле. Он готов ударить лося пальмой (род топора с лезвием на конце, как у копья), но остяк успевает поразить зверя стрелой, разрушив чары тунгуса. Поэтому лоси водятся в земле остяков. Четыре звезды ковша Большой Медведицы — ноги лося. Первая звезда хвоста — тунгус, далее — остяк, рядом с ним — котелок. Последняя звезда — самоед. Три звезды впереди ковша — стрела. Если Лось идет быстрее других созвездий — весна ранняя, много рыбы и зверя.

Кеты. Кет, селькуп и эвенк преследуют лося. Селькуп, затем кет обгоняют эвенка, но кет возвращается за забытым котелком и отстает. Эвенк отказывается стрелять, сказав, что убьет лося палкой. Селькуп промахивается, кет ранит лося в лопатку. Все оказываются на небе. Четыре звезды ковша Большой Медведицы — ноги лося, левая передняя (подбитая) несколько отодвинута в сторону, три — звезды впереди — нос и уши сохатого. Ручка ковша — селькуп, кет, эвенк (последний). Звездочка (Алькор) возле средней звезды — котелок. Шесть звезд (из них три за границами нашего созвездия Большой Медведицы) — стрелы. Малая Медведица — также лось, охота на которого случилась раньше.

Эвенки (Подкаменная Тунгуска). Три охотника собираются на промысел. Хвастун утверждает, что всегда идет на лося первым. Второй охотник должен нести котел и варить мясо, третий, самый маленький, говорит, что слаб и пойдет позади. Когда они видят лося, хвастун, испугавшись, бежит позади остальных, котлоносец посередине, а впереди оказывается самый маленький охотник. Так они и гонятся до сих пор за небесным лосем. Четыре звезды — лось, три — охотники.

Характеристики охотников у ирокезов и алгонкинов и у народов центральной Сибири совпадают. Во всех версиях описываются особенности поведения отдельных охотников — небольших птиц разных видов (у индейцев) или людей разных национальностей (в Сибири). Во всех версиях один из охотников ленится, другой спешит или хвастается, третий отстает.

Общее происхождение данного мифа у индейцев и у аборигенов Сибири не вызывает сомнений. Это, однако, не доказывает родство именно ирокезов и алгонкинов с кетами, хантами, селькупами или эвенками. За прошедшие тысячелетия и в Америке, и в Сибири этническая карта менялась неоднократно. Но вряд ли случайно, что азиатский эпицентр параллелей индейскому мифу оказался на Енисее, а не на Чукотке или на Амуре. Весьма вероятно, что в северные районы Сибири этот сюжет проник недавно, а его древний ареал располагался выше по течению Енисея, т. е. в том же алтае-саянском регионе.

Зона распространения другого мифа — о космической охоте — в Азии смещена к югу по сравнению с первым мифом. Этот вариант характерен для тюркских

и монгольских народов, хотя известен также в Тибете, а в Южной Азии зафиксирован в индуистских текстах. В центре внимания находятся три звезды Пояса Ориона, обозначающие антилоп или оленей — трех или реже одну. Соседняя звезда обозначает стрелу, посланную в животных охотником. В Северной Америке тот же миф известен на юго-западе континента в пределах регионов Большого бассейна и юго-запада (современные штаты Невада, Юта, Аризона, Нью-Мексико и части соседних). Соответствующие тексты записаны у народов языковой семьи юма, у сери северо-западной Мексики (скорее всего отдаленно родственных юма), у народов юто-ацтекской семьи и у некоторых атапасков-апачей. Апачи лишь 500 лет назад пришли на юго-запад из Канады и, несомненно, заимствовали свои представления от местных индейцев. На Великих равнинах этот же миф зафиксирован у гровантр (алгонкинская языковая семья) и у вичита (семья кэддо). У павиоцо, чемеуэви, явапай, марикопа, килива, гровантр и вичита Пояс Ориона — это три копытных животных (горный баран, антилопа, бизон), преследуемых охотниками. У мохаве, типаи, кокопа, сери, кауилья, луизеньо, купеньо, западных апачей, мескалоро, липан и южных юте три звезды Пояса Ориона мыслятся фигурой одного-единственного животного. Во всех случаях, когда в источнике содержатся дополнительные подробности, Меч Ориона ассоциируется с оперением выпущенной стрелы, а ее наконечник — со звездами, образующими голову Ориона. Те звезды, которые ассоциируются с охотником, неизменно расположены ниже Пояса Ориона, что характерно и для всех тюрко-монгольских версий. Разница лишь в том, что в Азии пронзившая животных стрела считается окрашенной кровью и поэтому ассоциируется не с головой Ориона, а с расположенной левее красноватой звездой Бетельгейзе. Однако не исключено, что в некоторых вариантах так было и в Америке: по крайней мере, кауилья ассоциировали охотника со звездой Ригель, и, следовательно, чтобы поразить животное, стрелять этот охотник должен был в направлении Бетельгейзе. У апачей Бетельгейзе покраснела от гнева, когда пущенная в горного барана стрела чуть не задела ее.

* * *

Вторая большая серия мотивов, общих для континентальной Евразии и Северной Америки — это героические, приключенческие повествования. В Северной Америке такого рода рассказы записаны в основном на Великих равнинах и в области Великих озер, но есть и параллели с атапасками северо-запада континента. В Евразии мотивы данной серии характерны для Монголии и Южной Сибири. Далее на запад они встречаются вплоть до Кавказа, а нередко и до Атлантики. Эти крайние западные области нас сейчас не интересуют: подобные мотивы скорее всего попали туда за последние две тысячи лет после образования сети трансевразийских культурных связей. Северо-восток Азии остался вне подобной сети, поэтому на Колыме, на Чукотке и на Камчатке, а также у эскимосов таких мотивов практически нет. Это исключает перенос образов и сюжетов из Азии в Америку путем их постепенной диффузии.

Мотивы данной серии мы не случайно называем героическими. Они не имеют отношения к космогонии и в Евразии в основном встроены в волшебную сказку. Встречаются они и в героическом эпосе. Эти жанры и эти сюжеты отражают определенную идеологию — совершенно иную, нежели та, что связана с меланезийско-южноамериканскими мифами о противостоянии мужчин и женщин в общине первопредков.

Один из характерных мотивов подобного рода, связывающих Евразию с Америкой, — помощь героя гигантской могучей птице, которая отвечает ему благодарностью (см. цв. вкл. 28). Типичный, хотя и не единственный, вариант: герой убивает змея, регулярно пожиравшего птенцов этой птицы. Особенно популярен рассказ о том, как в ответ на спасение птенцов благодарная птица поднимает героя из нижнего мира на землю. Другой вариант: герой помогает птенцам, а благодарная птица переносит его в удаленное место, куда он стремится, либо наделяет способностью лететь или быстро бежать. Записей с этим вариантом меньше, но распространены они шире — не только на Кавказе, в Иране, Казахстане, Средней Азии и Западной Сибири, но и в Южной Азии. Единичные записи сделаны в Восточной Сибири (ингаридовские эвенки) и на азиатском северо-востоке (эскимосы Чукотки). Самый древний известный нам вариант мифа — шумерский («Лугальбанда и орел Анзуд»).

Приведем несколько примеров.

Челканцы (алтайские тюрки). Жена Белого Хана рождает семь сыновей, затем шестиглазую дочь Карагыз. Старший сын Мака-Маатыр видит, как девочка встает из колыбели, пожирает животных и снова ложится. Он убегает, женится на младшей дочери Великого Хана. Двое других зятьев подговаривают хана дать Мака-Маатыру трудные задачи, чтобы его извести, но жена каждый раз объясняет, как их выполнить. Чтобы достать перо беркута, Мака-Маатыр отсекает стрелой головы семиглавого змея, выходящего из озера, чтобы пожрать птенцов птицы. Птенцы прячут своего спасителя от родителей, чтобы те по ошибке не растерзали его. Их отец прилетает с редким снегом, мать — с крупным дождем (это слезы беркутов), оба несут в когтях оленей. Благодарный беркут дает Мака-Маатыру перо. После дальнейших приключений жена Мака-Маатыра превращает хана в лису, его людей и имущество — в черную землю. Мака-Маатыр решает посетить родной дом, отправившись в путь на шестиногом коне. Шестиглазая Карагыз всех съедает, гонится за братом, отрывает одну за другой ноги коня. Жена Мака-Маатыра велит ей не трогать ее мужа, и Карагыз уходит.

Манси. Усын-отыр обещает дочь тому, кто убьет птиц-людоедов, живущих на вершине лиственницы посреди горячего моря. Эква-пырись забирается по стволу горностаем, мышью. Он убивает топориком Не Имеющую Сердца и Печени Железную Лягушку, жившую под гнездом и обгрызавшую птенцам перья, когда те собирались взлетать. За это птицы обещают больше не убивать людей, самец отвозит Эква-пырися к Усын-отыру.

Кроу (семья сиу, Монтана). Дотронувшись до непонятного предмета в траве, охотник оказывается на скале у гнезда Громовых Птиц. Двое птенцов прикрывают его, когда прилетают сперва их мать, а затем отец (каждый летит в темном

дождевом облаке). Лысоголовый орел объясняет человеку, что птенцов Громовой Птицы глотают два чудовища, выползающие из озера. Человек убивает чудовищ, бросив им в пасть раскаленные камни. Гром созывает всех птиц, просит разрезать тела. Это удается цапле. Птицы поедают чудовищ.

Арикара (семья кэддо, граница Северной и Южной Дакоты). Птенцы Громовых Птиц (самец и самка) переносят спящего человека на вершину скалы. Молнии вылетают из их глаз, искры сыплются от взмахов крыльев. Птенцы дают герою две стрелы, просят убить змея с головами на обоих концах тела, велют целиться в пятно под челюстью каждой головы. Этот змей регулярно выходит из озера и пожирает птенцов. Герой убивает змея. Громовые Птицы просят убить и того змея, которым стал человек, поевший змеиного мяса (это отдельная история, напоминающая записанную у кроу). Змей, однако, проглатывает человека, затем отпускает домой, но лишает магической силы.

Коги (семья чибча, север Колумбии). Салдáuи посылает сушь на поле тестя, не делится с ним едой. В ответ тесть насылает на поле зятя диких свиней. Салдáuи идет в лес охотиться на них, встречает хозяйку свиней, засыпает в ее доме, просыпается среди зыбучей глины, отовсюду на него лезут дикие свиньи. Салдáuи забирается на дерево, которое начинает погружаться в глину. Птица улубуэ спасает его, приносит в свое гнездо и просит помочь победить змей, регулярно пожирающих ее птенцов. Дерево с гнездом стоит среди кишашего змеями озера. Салдáuи просит птицу принести ему мачете и убивает змей. Проведя девять лет на дереве, Салдáuи возвращается домой и мирится с тестем.

В американских текстах (ассинибойн, кроу, хидатса и арикара на Великих равнинах, коги на севере Колумбии) эпизоды убийства героем змея и полета на птице расположены в обратной, нежели в Евразии, последовательности: сперва птица несет героя, затем сама же просит избавить ее от врага. В Евразии же убийство змея неизменно предшествует полету на птице. Из этого можно заключить, что все американские тексты (включая территориально изолированный колумбийский) связаны между собой и давно отделились от евразийских вариантов. Эти американские варианты никоим образом не могли быть заимствованы после Колумба от европейских переселенцев.

Как было сказано, параллели мотивам евразийской героической сказки и эпоса в Новом Свете сосредоточены в Северной Америке восточнее Скалистых гор. Весьма вероятно поэтому, что принесшие с собой подобную мифологию люди проникли в Америку через долины Юкона и Маккензи и вышли на Великие равнины. Именно там их традиции и дожили лучше всего до XX в. Однако изредка те же мотивы встречаются и в Южной Америке. В случае с мотивом «герой спасает птенцов», помимо приведенного текста коги, есть еще один южноамериканский вариант, записанный в самом центре Амазонии. Последовательность мотивов в нём иная, чем в Северной Америке, и скорее соответствует евразийской, хотя логичного завершения (птица помогает герою вернуться домой) текст не имеет.

Мауэ (семья тупи-гуарани, между нижним Тапажосом и Амазонкой). Человек заблудился в лесу. Его приглашает к себе в дупло удав. Гость делает вид, что удав ему нравится. Утром человек уходит, залезает на дерево, где находится гнездо

попугаев, и учит их, как отпугнуть удава: для этого надо крикнуть «ха-хан!». Удав ползет к птенцам, но тут прилетает их мать и кричит «ха-хан!». Удав падает на острые листья, которые разрезают его на части, превращающиеся в различных животных и растения.

Распределение данной серии мотивов по ареалам напоминает ту, что характерна для «ныряльщика за землей». В основном это Северная Америка, но есть отдельные случаи в Южной. Истолковать подобное распределение можно следующим образом. К тому моменту, как носители южносибирско-центральноазиатских мотивов достигли Великих равнин, Новый Свет уже был заселен. Поэтому более поздние мигранты двинулись в основном не на юг, а на северо-восток, вслед за отступающим ледником. Однако отдельные небольшие их группы все-таки миновали узкие центральноамериканские перешейки, достигнув Южной Америки. Сохранившиеся фрагменты их мифологии обнаруживаются в основном в северной половине этого континента.

* * *

До сих пор речь шла об отраженных в мифологии связях между Америкой и Старым Светом. Однако фольклорные тексты помогают проследить и дальнейшее продвижение предков индейцев уже в пределах самого Нового Света. На западе Северной Америки обнаружено больше южноамериканских параллелей, чем на востоке. Отчасти это вызвано тем, что данные по народам, которые жили к западу от Миссисипи, вообще обильнее, чем по жившим восточнее от этой реки. Так, о мифологиях обитателей бассейна Огайо и индейцев приатлантических районов южнее Нью-Йорка сведений нет вообще. Однако вряд ли эта причина единственная: в конце концов, мифология ирокезов известна великолепно, да и фольклор мускогов американского юго-востока неплохо изучен. Есть более существенное обстоятельство: плацдармом для заселения Центральной, а затем и Южной Америки служили именно западные области Северной Америки. Там, на западе, продолжали жить родственники людей, проследовавших дальше на юг. Никаких фактов в пользу проникновения людей в Южную Америку через Флориду и Антилы нет, отсюда и география связей.

Фольклорно-мифологические параллели между Северной и Южной Америкой образуют довольно путаную картину, но некоторые тенденции в ней все же прослеживаются.

Для юга и юго-запада Южной Америки, т. е. для Центральных и Южных Анд и Патагонии, характерны такие мотивы, которые в Северной Америке тяготеют к областям на запад от Миссисипи, хотя иногда встречаются и восточнее.

Мотивы, типичные для восточной Бразилии, Амазонии и Гвианы, на севере представлены в разных районах. Есть такие, которые концентрируются от Аляски до Орегона. Создается впечатление, что принесшие их на юг люди прошли через Северную Америку «маршем», не отвлекаясь на освоение ее восточных областей. Но есть и южноамериканские мотивы, которые распространены на Великих равнинах и на востоке США.

Мотивы первой группы почти наверняка восходят к континентально-евразийскому комплексу. Мотивы второй группы — к индо-тихоокеанскому, а для некоторых (впрочем, немногих) в Старом Свете близких аналогий найти не удалось.

Область Чако в Южной Америке отличается смешением восточных мотивов, характерных для Бразильского нагорья и Амазонии, с западными, характерными для Андской области.

Начнем с той группы мотивов, которая связывает Северную Америку с Андами и Патагонией. Самый очевидный и красноречивый пример — это варианты мифа «спор о времени», которые зафиксированы в Патагонии с теми же подробностями, что и у индейцев США и Канады.

Пуэльче (семья чон, северная Патагония). Животные и птицы спорят о продолжительности временных циклов. Куропатка: «Пусть ночь — как оперенные части моего тела, день — как части без перьев!» Солнце: «Так не годится, у куропатки повсюду перья». Заяц: «В каждом времени года будет столько месяцев, сколько когтей у меня на лапках» (у патагонского зайца три когтя).

Теуэльче (семья чон, южная Патагония). Элаль (верховное божество) спрашивает животных, сколько зимних месяцев они хотят. Нанду показывает пальцы у себя на ногах — столько же должно быть зимних месяцев. Другие сомневаются, что зиме следует быть столь долгой. Морская свинка кричит: «Пусть три месяца!» Нанду гонится за ней, наступает на хвост — теперь он короткий.

Пуэльче — наименее изученная группа обитателей Патагонии, данных об их фольклоре у нас крайне мало. То, что от мифологии пуэльче сохранился именно сюжет спора о продолжительности единиц времени, свидетельствует о его популярности. Связанные с этим сюжетом мотивы есть и у чилийских арауканов. Нет сомнений, что этот миф был принесен из Северной Америки в ходе какой-то ранней миграции, поскольку позже, с VI–VII тыс. до н. э., столь дальние переселения уже вряд ли были возможны. Если бы они имели место, то оставили бы следы в языках, но никаких специфических соответствий между языками индейцев Южной и Северной Америки до сих пор обнаружить не удалось. С распространением какой археологической культуры связывать патагонско-североамериканские параллели в мифологии пока, однако, не ясно. Речь может идти как о палеоиндейцах, изготавливавших желобчатые наконечники в форме рыбьего хвоста, так и о населении периода раннего голоцена, когда распространение получили листовидные наконечники.

Здесь же, на юге Южной Америки, обнаруживается целая серия североамериканских фольклорных мотивов, связанных с похождениями трикстера — фольклорного плута, вора и шута.

Образ трикстера встречается на всех континентах, но он связан с разными зооморфными персонажами и неодинаково популярен. Основной трикстер Старого Света от Атлантики до Чукотки — это лиса или лис, которых в более южных районах сменяет шакал. В Африке южная граница распространения трикстера-шакала примерно совпадает с границей между европеоидами и негроидами. В фольклоре цивилизаций Евразии трикстерские сюжеты оформились в циклы, связанные с антропоморфными персонажами вроде Ходжи Насреддина. В Западной Сибири

антропоморфный трикстер уходит, похоже, в седую древность. Южнее Сахары типичных трикстеров три — заяц, черепаха, паук. В Восточной Азии и отчасти дальше на запад (Тибет, иногда Казахстан) функции трикстера исполняет, как и в Африке, заяц. По северным берегам Тихого океана, от острова Ванкувер до Камчатки, трикстером является ворон, причем цепочка плутовских мотивов с его участием тянется вдоль тихоокеанского фронта Азии вплоть до юго-восточной Австралии. На северо-востоке Азии ареалы лисы и ворона перекрывают друг друга.

В пределах западной половины основной территории Северной Америки от Британской Колумбии до северо-западной Мексики главным, а часто и единственным, трикстером является койот. Однако восточнее, начиная уже с некоторых районов Великих равнин и вплоть до Атлантики, в роли трикстеров выступают другие персонажи — кролик, паук, сойка, россомаха, а также чисто антропоморфные существа. Очень сложная ситуация на западе в пределах Орегона, Вашингтона, юга Британской Колумбии. Здесь соприкасались «зоны» койота и ворона, что, по-видимому, привело к разрушению стереотипов. В этом районе сосуществуют поддюжины разных трикстеров, притом, что сами исполняемые ими «трюки» одинаковы.

Предполагать, что койот занял место трикстера просто потому, что он «действительно умен и жуликоват» (мнение Марвина Харриса), или потому, что он падальщик и, следовательно, «медиатор» между живыми и мертвыми (точка зрения Клода Леви-Строса), крайне рискованно. Гораздо вероятнее, что североамериканский койот — это все тот же евразийский лис в новом обличье. Соответственно распространение образа койота как трикстера может отражать распространение определенных групп мигрантов, связанных своим происхождением с глубинами Сибири, а не с тихоокеанским побережьем.

На востоке Южной Америки настоящих трикстеров нет. Там представлены либо персонажи-неудачники, глупо и безуспешно подражающие героям (таков Месяц в паре с Солнцем у обитателей Бразильского нагорья), либо персонажи-герои, лишь маскирующие свою мощь за дурацкими выходками (такова черепашка), либо, наконец, персонажи-противники, которые являются объектами осмеяния и неизбежно проигрывают (таков ягуар). То же, кстати, касается и юго-восточной окраины Азии. В Индонезии автором хитроумных проделок чаще всего бывает карликовый олень канчиль, но это мнимый трикстер — скорее замаскированный герой-победитель. Больше на роль трикстера здесь подходит обезьяна, но эпизоды с ней встречаются относительно редко. Того устойчивого и обширного набора трикстерских мотивов, который характерен для континентальной Евразии и особенно для Северной Америки и для Африки южнее Сахары, ни в Юго-Восточной Азии, ни в Меланезии и Австралии мы не найдем.

Зато на юге и юго-западе Южной Америки от Перу до Патагонии в фольклоре представлен классический североамериканский трикстер — «ум без чувства ответственности», непрерывно проигрывающий и выигрывающий, дурак и хитрец, герой и противник в одном лице. За редкими исключениями роль подобного персонажа исполняет здесь лис, т. е. тот же самый койот, вернувшийся к своему исконному евразийскому прототипу.

Помимо характерного зооморфного воплощения, трикстера из мифов индейцев Боливии, Парагвая и Аргентины связывают с его североамериканскими собратьями также и конкретные исполняемые им «трюки». Вот типичный пример.

Болотные кри (алгонкины к юго-западу от Гудзонова залива, Канада). Висакажак (местный трикстер) предлагает валуну бежать наперегонки. Валун накатывается ему на ноги и замирает. Висакажак обрастает мхом, зимой просит помочь своего брата Громовую Птицу. Молния из клюва птицы разбивает валун.

Арикара (кэздо Великих равнин). Койот предлагает камню бежать наперегонки. Тот неохотно соглашается, но для этого просит занести его на вершину горы и пустить по склону. Сперва койот впереди, но камень катится все быстрее, прилипает к его спине, делается все тяжелее. Койот просит ему помочь козодоев, которые раскалывают камень. Койот начинает обзывать их, упрекая, что они испортили ему волосы осколками камня.

Йокуц (пенути южной Калифорнии). Койот говорит, что каменный отбойник слишком легок, чтобы его убить, ложится на тропе, по которой тот катится, и в результате оказывается раздавлен им.

Кечуа (Перу, департамент Куско). Лис дразнит зернотерку, будто та не в состоянии двигаться. Зернотерка просит оставить ее в покое. Кондор предлагает обоим бежать наперегонки с горы к озеру, где можно напиться, и связывает их веревкой. Зернотерка давит лису.

Теуэльче (южная Патагония). Лис издевается над валуном, предлагает ему бежать наперегонки вниз по склону. Валун предупреждает, что он тяжел, катится и расплющивает лису голову.

Другая популярнейшая в Северной Америке трикстерская проделка — неудачный полет на искусственных крыльях. В Южной Америке к востоку от Анд этот мотив встречается единично, но на юго-западе, особенно у индейцев парагвайского и аргентинского Чако, он исключительно популярен.

Степные кри (алгонкины севера Великих равнин). Весакайчак (тот же трикстер, что у болотных кри) хочет лететь с гусями. Гуси дают ему крылья, не велят взлетать, пока крылья не приросли. Весакайчак взлетает, одно крыло ломается, и он падает.

Помо (семья хок, Калифорния). Скворцы дают койоту перья, веля не летать высоко. Он нарушает запрет, они забирают перья, он падает, разбивается, но возвращен к жизни.

Навахо (южные атапаски, Нью-Мексико). Койот хочет летать с жаворонками, те привязывают ему крылья, и он летит впереди. Жаворонки решают, что летающий койот может быть опасен, и каждый вырывает данное им перо. Койот падает в водоем, умирает, затем оживает.

Метисы долины Мотупе (север побережья Перу). Стервятник говорит лису, что летать легко, надо сделать крылья из плодов тыквы-горлянки. Лис так и делает, прыгает в пропасть и разбивается. Стервятник его съедает.

Тоба (семья гуайкуру, север Аргентины). Лис завидует птице (хохлатой паламедее, живущей на юге Южной Америки). Та советует ему прицепить себе перья. Лис прыгает с высокого дерева, летит, но перья вскоре вываливаются, лис разбивается, но через год оживает.

Некоторые мотивы, связывающие восток Южной и северо-запад Северной Америки, в ином контексте могли бы быть использованы для описания трикстерских проделок. В данном случае их следует отнести к категории этиологических, т. е. описывающих происхождение особенностей нашего мира и нашей культуры. Ближайшая параллель — приведенные выше рассказы о том, как женщины научились рожать. Вот, например, мотив персонажей, пытающихся грести не плоскостью, а ребром весла, известный только на тихоокеанском побережье Северной Америки в районе американо-канадской границы и в Южной Америке восточнее Анд.

Нутка (вакаши острова Ванкувер). Вначале люди гребут, держа в руках плоский конец весла и опуская узкий в воду, потом учатся грести правильно.

Верхние чехалис (береговые сэлиши штата Вашингтон). Ворона с другими женщинами хотят переплыть залив и отталкиваются ребром весла. Старшая в лодке догадывается, как надо грести. От неожиданного толчка все падают на спину, но с тех пор люди умеют грести.

Варрау (устье Ориноко). Лягушка Ваута спасает двух женщин от ягуара, но превращает сына-младенца одной из них во взрослого юношу. Узнав, что Ваута ему не мать, юноша уплывает в лодке. Ваута чуть не догоняет его, так как юноша гребет рукояткой весла, держа лопасть в руках. Птица объясняет, как надо грести.

Локоно (араваки побережья Гвианы). Группа мужчин путешествует и встречает людей, которые гребут, погружая в воду острый край весла. Шаман превращается в птицу и кричит тем, как надо грести.

Трио (карибы Французской Гвианы). Двое братьев-шаманов плывут за горизонт, куда уходят души умерших. Они продвигаются медленно, так как гребут ребром весла. Зеленая оропендола (местная птица с ярким оперением) учит их грести лопастью. Братья совершают свое путешествие и возвращаются домой.

Шитибо (семья пано, восток Перу). Первые люди не знают огня и готовят на солнце. Река Укаяли течет в обе стороны, пока какой-то человек не решает, что она должна течь только вниз. Люди гребут рукояткой весла, а не лопастью. Грести правильно их учит голубь.

Каража (восточная Бразилия). Водоплавающая птица изобретает лодку. Двое братьев просят дать лодку им, но начинают грести рукояткой весла. Голубь объясняет, как грести правильно.

Примерно то же ареальное распределение имеет другой мотив, касающийся умения пользоваться плавательными средствами. Герой делает первую лодку, взяв за образец водоплавающую птицу или ее кости.

Верхние танана (северные атапаски, граница Аляски и Юкона). Знахарь задумывает сделать первую лодку, взяв за образец для каркаса птичью грудину. Он пробует разные виды коры, подходит лишь береста.

Вапишана (араваки бразильской Гвианы). Во время потопа люди делают лодку из челюсти мускусной утки. На ней они приплывают к горе, бросают с нее камни, чтобы узнать, глубока ли вода, в результате чего обнажается суша. Клюв утки до сих пор носят на шее как амулет.

Кукуру (карибы верховьев Шингу, южная Амазония). Канасса делает лодку из глины, а утка — из коры. Видя, что лодка из коры лучше, он уверяет утку, что лодка из коры непрочна, и уговаривает меняться. Канасса уплывает в лодке из коры, а глиняная лодка тонет. Утка барахтается в воде и в результате научается плавать.

Шерите (семья же, Бразильское нагорье). Человек-Венера узнает о приближающемся потопе. Он разрезает тушку голубя, распинает ее палочками и превращает в лодку. Во время потопа лишь он и его семья в ней спасаются.

Можно было бы счесть такие параллели случайностью. Как Амазония, так и северо-запад Северной Америки — это регионы, где передвижение по рекам имело огромное значение в жизни людей, сравнение же лодки с водоплавающей птицей напрашивается само собой. Однако вот еще мотив из того же круга образов, на этот раз более сложный. Персонаж превращается в объект рыбной ловли, чтобы унести крючок, на который его ловят, или острогу, которой его пытаются поймать. Распространение этого мотива такое же — северо-запад Северной Америки и восток Южной (см. цв. вкл. 29).

Инуиак (эскимосы северо-западной Аляски). Юноша, идя мстить за погибших братьев, встречает различных странных существ. Видя рыбака, он превращается в форель. Рыбак бросает в него острогу, юноша уносит центральный зубец. Вновь приняв человеческий облик, он говорит рыбаку, что починит его острогу, ставит на место зубец и убивает острогой рыбака.

Чилкотин (атапаски Британской Колумбии). Чайка кладет ноги как мост через реку и убирает их, когда человек ступает на мост. Так он топит людей. Лендиксчук, превратившись в рыбу, провоцирует чайку ударить его острогой и уплывает с наконечником. Затем возвращает его чайке в обмен на то, что тот построит парильню. В парильне Лендиксчук учит рожать жену чайки, который ранее вспарывал животы своим женам, извлекая ребенка. Когда чайка опять кладет ноги как мост, Лендиксчук ломает их, превращая чайку в чайку.

Карок (семья хок, северная Калифорния). Цапля гарпунит рыбу. Койот превращается в лосося и дает себя загарпунить, унося последний гарпун. Затем возвращает его, получив взамен жену цапли.

Арекуна (карибы Гайяны). Макунаима делает крючок из воска, но ничего не ловит. Он приходит к рыбаку, который выуживает больших рыб. Макунаима сперва превращается в подобную рыбу, велит брату попросить ее у рыбака, если тот ее выловит. Затем Макунаима превращается в пиранию, откусывает и уносит крючок, на который братья ловят рыбу.

Шипая (семья тупи, восточная Амазония). Лесной дух Ава ловит на крючок рыбу. Младший брат просит старшего превратить его в рыбу, не успеваешь откусить крючок, и Ава его вылавливает. Старший брат собирает кровь младшего, оживляет его, сам становится рыбой и уносит крючок. Младший брат снова превращается в рыбу. Аист пригвозждает ее клювом-гарпуном к дереву. Старший брат оживляет младшего, сам превращается в рыбу и уносит клюв аиста.

К мотиву похищенной рыболовной снасти близок другой, согласно которому персонаж подставляет себя под град стрел или дротиков, чтобы завладеть ими.

В данном случае герой мифа может принимать облик как рыбы, так и сухопутного животного. Это доказывает, что данный мотив независим от типа хозяйства и его ареал вовсе не определяется значением в экономике рыбной ловли. Данный мотив встречается не только в Америке, но и на западных берегах Тихого океана.

Валман (папуасы севера Новой Гвинеи). Женщина превращает себя и своего сына в рыб, они уплывают и попадают в вершу. Люди стреляют в женщину-рыбу, пока у них не кончатся стрелы. Женщина вынимает стрелы из своего тела и велит сыну отнести их отцу.

Илонгот (остров Лусон, Филиппины). Боттонг выходит на открытое место, враги начинают в него стрелять. Боттонг остается невредим и собирает стрелы со своего тела. Враги падают на колени, ибо другого имущества, кроме луков и стрел, у них нет. Боттонг продает стрелы, покупает красную материю и раздает ее девушкам, пользуясь их благосклонностью.

Китайцы (эпизод из романа «Троецарствие»). Чжоу Юй ищет предлог предать Чжугэ Ляна казни на законном основании и велит ему приготовить за десять дней сто тысяч стрел для сражения. Чжугэ Лян сажает воинов на суда, веля привязать по бортам снопы соломы. Враги обстреливают корабли, и те уплывают с вонзившимися в снопы стрелами. Приказ Чжоу Юя выполнен.

Хайда (острова Королевы Шарлотты у побережья Британской Колумбии). Юноша надев шкуру калана, плавает близ селений. Люди пускают в него стрелы, бросают копья, он их уносит и, вновь приняв человеческий облик, приходит к вождю, дочь которого ранее отвергла его. Вождь восхищен юношей, получив от него в подарок кучу копий и стрел.

Мундуруку (тупи центральной Амазонии). У Карусакайбе кончаются стрелы. Он превращается в тапира. Люди стреляют в него, и он уносит стрелы на себе.

Каяби (тупи южной Амазонии). Отец двух братьев превращается в рыбу. Все начинают в нее стрелять, и он уносит стрелы. Старший сын повторяет трюк. Младший (это месяц) действует неумело, он пойман и съеден, но отец оживает его.

Офайе (юго-западная Бразилия). Солнце становится рыбой, надев на себя прочную чешую. Люди начинают пускать в рыбу стрелы, затем метать луки. Солнце все это уносит на себе. Месяц решает повторить трюк, но надевает тонкую чешую и убит. Солнце приходит к людям, собирает кости Месяца и оживает его.

Среди мотивов, связывающих северо-запад Северной Америки и области Южной Америки, лежащие восточнее Анд, есть принадлежащие, вероятно, еще к африканскому наследию. Таков один из мотивов, объясняющих, почему люди не живут вечно. Смертны они потому, что уподобились утонувшему камню и упустили возможность походить на органику, которая всплывает в воде (см. цв. вкл. 30). В Северной Америке данный мотив встречается не только на северо-западном Побережье и в западной Субарктике, но и дальше на юг, вплоть до юго-запада. Однако на юг он был наверняка перенесен в ходе миграции северных атапасков примерно 500 лет назад, а ранее область его распространения ограничивалась в Северной Америке именно северо-западом.

Тагиш (атапаски Юкона). Лис бросает в воду сухой стебель ревеня, чтобы люди не умирали. Медведь бросает камень, тот тонет, поэтому люди смертны.

Кайова-апачи (атапаски Оклахомы). Койот бросает в воду древесную сердцевину. Она всплывает, значит, жизнь будет вечной. Взбешенный ворон бросает камень, он тонет — смерть делается окончательной.

Рамкокамекра (семья же, Бразильское нагорье). Солнце хочет, чтобы мертвые возродились подобно всплывающему дереву. Месяц решает, что они будут умирать подобно идущему ко дну камню.

Чамакоко (Парагвай). Месяц предлагает сделать людей смертными, чтобы земля не переполнилась. Солнце бросает на землю плод. Месяц говорит, что так не годится: плод оставит семена, жизнь вернется. Тогда солнце бросает камень, тот падает в пруд и тонет, поэтому люди смертны.

Приведем в заключение примеры мотивов, характерных для востока Южной Америки, которые обнаруживают параллели в разных районах Северной Америки. Первый, представленный и на западных берегах Тихого океана, может быть определен так: человек, съевший необычную или запрещенную мясную или рыбную пищу, превращается в рептилию или в рыбу.

Нгаджу (южный Калимантан, Индонезия). Люди начинают жечь и рубить перегородившее им путь дерево. Из ствола бегут змейки, одна падает в огонь. Привлеченный аппетитным запахом человек съедает ее. Ночью он постепенно превращается в огромного водяного змея. Уползая в воду, змей велит приносить ему в жертву рис и обещает помочь при всякой беде.

Кэддо (Арканзас). Один из двоих охотников убивает большую змею, готовит и съедает ее мясо. Утром он сам превращается в змея и просит друга отнести его к норе на холме. Идя на охоту, люди должны оставлять ему приношения, тогда он им поможет.

Канело (кечуа восточного Эквадора). Двое братьев находят в дупле змею и сжигают дерево. Младший, поев испеченного змеиного мяса, стал мучиться от жажды, много пил и лопнул. Начался потоп. Старший брат залез на дерево и стал бросать вниз семена, чтобы узнать, глубока ли вода. Младший брат превратился в змея, проглотил старшего, но тот разрезал ножом ему сердце и вышел наружу.

Другой мотив таков: персонаж использует заостренную кость собственной ноги в качестве колющего орудия. Для этого мотива, популярного как в Южной, так и в Северной Америке, в Старом Свете аналогий обнаружить не удалось. Лишь в одной африканской истории, записанной у нзакара Центрально-Африканской Республики, упоминается мальчик, убивающий дичь своей острой ногой.

Кроу (сиу Великих равнин). Двое юношей, возвратившись из похода, ночуют в хижине. Один из них срезает, варит и съедает мясо с собственной ноги, заостря берцовую кость. Затем гонится за товарищем. Тот залезает на дерево, затем на другое. Преследователь ломает одно за другим все деревья. Воробьи советуют юноше забраться на дерево с твердой древесиной. Кость застревает в стволе, и монстр с заостренной ногой умирает.

Крахо (семья же, Бразильское нагорье). Человек идет охотиться с мужем сестры. Ночью он видит, как его спутник отжигает ступню в костре и затачивает кость

краем раковины. Человек убегает домой. Монстр с острой ногой остается в лесу и убивает там охотников. Люди делают куклу из толстой коры, в которую монстр вонзает свою ногу. Она застревает, его убивают.

Наиболее вероятное место возникновения мотивов, которые известны в глубинных районах как Северной, так и Южной Америки, но отсутствуют в Азии, — это древняя, ныне затопленная Берингия. Сколько времени провели там предки индейцев, прежде чем им удалось миновать ледники и проникнуть на основную территорию Нового Света, пока не известно. Некоторые материалы генетики позволяют думать, что речь идет о многих тысячелетиях, хотя без прямого подтверждения археологическими находками подобные оценки недостоверны. Так или иначе, но именно берингийским наследием скорее всего можно объяснить те параллели в мифологии, которые связывают чукчей и эскимосов с индейцами Южной Америки в обход всех североамериканских индейцев. Например, истории об охотнике, который показывал демону части тела убитого животного под видом собственных, почти одинаковы на Чукотке, в Гвиане и Амазонии.

Чукчи. Шестеро братьев пропадают один за другим. Седьмой убивает нерпу, прячет ее под дождевиком и приходит к Таннелёну. Тот предлагает съесть друг у друга печенку и вытаскивает нерпичью печенку из-под дождевика юноши. Юноша в ответ вспарывает грудь людоеда, тот умирает.

Урарина (семья каупана, северо-восток Перу). Настреляв обезьян, охотник ночует под корнями дерева. Лесной дух Асейдж просит охотника дать ему его печень, затем ногу. Охотник дает Асейджу печень и ногу обезьяны, тот их съедает. Теперь охотник просит, чтобы Асейдж дал ему свою печень. Тот вспарывает себе живот и умирает. Утром охотник ударяет своим мачете по лицу Асейджа, тот вскакивает живым и в благодарность за то, что его разбудили, дает человеку стрелу, которая всегда поражает дичь.

Мотив подмененной печени — восточноазиатский, в упрощенной форме известный кхмерам и удэгейцам, но в данном случае показательным не только его отсутствие в Северной Америке при популярности в Южной, но и распространенность в Берингоморье у азиатских эскимосов и чукчей.

Примеры распределения фольклорно-мифологических мотивов по континентам можно было бы приводить и дальше. Наша задача состояла в том, чтобы выявить наиболее характерные варианты мотивов. Как уже несколько раз подчеркивалось, эти варианты в совокупности свидетельствуют о двух исходных комплексах мотивов, известных в Старом Свете и принесенных в Америку. Первый комплекс — континентально-евразийский. Он указывает на Сибирь (с большой вероятностью — на саяно-алтайский регион) как на прародину американских индейцев. Второй комплекс — индо-тихоокеанский. Означает ли это, что в заселении Нового Света действительно принимали участие две совершенно разные по происхождению популяции? Можно ли определить, мотивы какого комплекса оказались в Америке раньше, а какие позже?

Начнем со второго вопроса. Поскольку мотивы континентально-евразийского комплекса распространены главным образом в Северной Америке, то логично заключить, что они проникли в Америку позже. Уже жившие к этому времени

в Центральной и Южной Америке носители индо-тихоокеанского комплекса помешали новым переселенцам туда продвинуться. Вместе с тем речь все равно должна идти об эпохе первоначального освоения Нового Света. Иначе трудно представить, как континентально-евразийские мотивы могли оказаться в Патагонии, притом, что в Центральной Америке их следы не заметны. Отсутствие «нырлящика за землей» и других мотивов данного комплекса в нынешних мифологиях населения Берингоморья также указывает на раннюю датировку.

Возможно, правда, и другое решение. Носители двух комплексов мотивов заселяли Новый Свет одновременно, но шли разными путями и осваивали разные природные зоны.

Что касается первого вопроса, то гипотезе о двух в корне различных популяциях, принявших участие в освоении Нового Света, существует альтернатива. Дело в том, что в мифологии народов Западной Сибири представлено много таких мотивов, которые встречаются на Чукотке, на нижнем Амуре, а иногда и в более южных областях тихоокеанского фронта Азии. Очень похоже, что до недавнего расселения в Восточной Сибири тунгусов и якутов мифология всей Сибири была примерно одинаковой и содержала большое количество индо-тихоокеанских мотивов. В конце плейстоцена доля таких мотивов скорее всего была еще выше. Этот-то комплекс мотивов и был принесен предками индейцев в Америку. Однако именно в эпоху заселения Нового Света в континентальной Евразии набор мотивов начал меняться, а в облике людей стали накапливаться те признаки, которые характерны для монголоидов. Соответственно те группы людей, которые следовали в арьергарде потока мигрантов в Америку, принесли туда уже существенно иную культуру и иные гены, нежели первые переселенцы. Азиатские предки более поздних мигрантов были потомками азиатских предков тех, кто оказались в Америке первыми. Однако ранние переселенцы сохранили архаические домонголоидные признаки в своей анатомии и архаические формы культуры, в то время как у поздних мигрантов изменились и генотип, и культура.

Эта гипотеза сформулирована главным образом для того, чтобы примирить материалы сравнительной мифологии с данными популяционной генетики. Последние свидетельствуют скорее о едином происхождении американских индейцев, хотя считать это мнение окончательным и надежно доказанным пока нельзя. Специалисты по краниологии (см. главу 5) указывают на существование в Южной Америке домонголоидного протоморфного субстрата, который вполне мог бы оказаться носителем индо-тихоокеанского комплекса мотивов. Проблема лишь в том, что в картине современного распространения генетических линий следы этого домонголоидного населения явным образом не прослеживаются, хотя меньшая монголоидность южноамериканских индейцев по сравнению с североамериканскими давно известна. Если в генофонде домонголоидные признаки ослаблены, то почему в мифологии индо-тихоокеанский комплекс мотивов выражен чисто и ярко, особенно к востоку от Анд и у некоторых индейцев Центральной Америки? Ответа на этот вопрос пока нет.

Если бы нам пришлось реконструировать историю заселения Нового Света только по данным сравнительной мифологии, то мы бы наверняка предположили

следующее. Носители индо-тихоокеанского комплекса мотивов проникли в Новый Свет и заселили его тропические области в период до ледникового максимума или во время этого максимума, когда значительные области Северной Америки не были пригодны для обитания. После того как в леднике образовались проходы, в Америку пришло новое население — носители континентально-евразийского комплекса. Проникнув по коридору Маккензи на Великие равнины, эти люди далее расселились на север вслед за отступающим ледником, а также на юг вдоль Тихого океана, принеся свою культуру в Патагонию.

Такому сценарию противоречит, однако, археология: в Амазонии и Гвиане нет сколько-нибудь надежно датированных памятников древнее 11,5–14 тыс. лет назад, да и в других областях Нового Света реальность докловисских памятников остается под сомнением (см. главы 2 и 3). Самые ранние, причем все же не стопроцентно достоверные, следы человека к югу от ледника датируются в Америке временем более 16 тыс. лет назад по радиоуглероду. Если люди появились здесь раньше, то где их следы? Неужели все первые обитатели Нового Света ютились исключительно на ныне затопленном континентальном шельфе? В принципе это допустимо, но не слишком вероятно. И главное: как первые мигранты сумели обойти ледники Аляски? А если люди пришли в Америку еще до ледникового максимума, то отсутствие памятников возрастом 18–25 тыс. лет назад при повсеместном обилии памятников возрастом 11–14 тыс. лет назад и вовсе никакого объяснения не находит.

Южная Сибирь остается наиболее правдоподобной прародиной всех американских индейцев, начавших свой путь в Новый Свет уже после завершения ледникового максимума, т. е. 18–19 тыс. лет назад. Однако для этого нам следует предположить, что по культуре древнейшие жители Сибири в чем-то напоминали папуасов или амазонских индейцев и что у них, в частности, были характерные для Южной Америки и Меланезии ритуалы и мифы, связанные с противостоянием мужчин и женщин как двух разных общин. Рискованная гипотеза, но и другие на данный момент не лучше.

Глава 5

ИДЕМ ПО ГЕНЕТИЧЕСКОМУ СЛЕДУ

В июле 1996 г. судебно-медицинскому эксперту округа Бентон в штате Вашингтон Джеймсу Чаттерсу был передан человеческий череп, который двое подростков нашли на берегу р. Колумбия близ г. Кенневик (см. цв. вкл. 31). Никакого кладбища поблизости не было по крайней мере в течение последних столетий. Прибывшие на место работники прокуратуры обнаружили скелет мужчины лет 30–40, который лежал в неглубокой яме, размытой паводком. Видимо, это было преднамеренное захоронение. Вещей рядом со скелетом не оказалось, но в тазовой кости человека застряло острие каменного наконечника копья или дротика. Останки перевезли в Музей естественной и культурной истории университета штата Вашингтон в г. Сиэтл.

Д. Чаттерсу показалось, что череп принадлежал человеку европеоидного облика. Раз так, значит, какому-то из белых «первопроходцев», осваивавшему индейские земли на дальнем Западе и, возможно, убитому настоящими первопроходцами этих земель — индейцами. Но некоторая доля сомнения все же оставалась, а потому решено было произвести радиоуглеродный анализ. Дата оказалась внушительной — 9,2 тыс. лет назад. Откуда бы взяться белым людям в Америке в начале голоцена?

Значит, все-таки индеец? Это меняет дело! Не прошло и недели после обнародования результатов анализа, как союз пяти индейских (сахаптинских) племен, обитающих поблизости в резервации — уматилья, якама, не-персе («проколотые носы» — так их прозвали французы), ванапум и колвиль — потребовал у властей предоставить им скелет для перезахоронения. В Белом доме индейцев поддержали, ведь политкорректность была важным пунктом «левой» программы Клинтона. Юридической основой для требования был знаменитый акт, слишком хорошо известный всем американским специалистам по доистории. Документ носит аббревиатуру NAGPRA, принят он был в 1990 г. и официально именуется так: «Акт о защите захоронений коренных жителей Америки и о репатриации». Об этом законе стоит поговорить особо, и начать приходится издалека.

Вряд ли нужно распространяться о том, что европейцы сделали с коренным населением Нового Света — об этом знают все. Споры идут лишь о том, какая из

бед послужила главным фактором вымирания. Физическое ли истребление? Инфекции, против которых у аборигенов не было иммунитета? Разрушение культуры со всеми его социально-демографическими последствиями? Впрочем, не так важны причины, как результат. По последней, очень скромной оценке, принадлежащей Д. Юбелейкеру, численность коренного населения Северной Америки на момент первого контакта с европейцами составляла почти два с половиной миллиона человек. Оценки Г. Добинса несравненно выше — до 10 и даже до 18 млн (он исходил из того, что к моменту, когда европейцам впервые пришлось в голову пересчитать аборигенов, те уже в значительной мере вымерли от повальных эпидемий). Но даже если поверить Д. Юбелейкеру, то все равно выходит, что за пять столетий в результате деятельности колонистов местное население сократилось почти на 80% и к началу XX в. едва превышало полмиллиона (эта цифра, естественно, внушает больше доверия). Вымирание шло разными темпами. Если в Калифорнии численность местного населения уменьшилась почти в 30 раз, то жителям арктических районов повезло больше. Слишком уж суровы там были природные условия, что и спасло аборигенов, успевших за многие тысячелетия адаптироваться к жизни в экстремальном климате. Европейцы, к счастью, были к таким условиям менее приспособлены.

До чего, однако, везет странам, где нет национальных проблем! Нельзя ведь считать кенневикские страсти серьезной проблемой для государства. И впрямь, если нет народов (самую только малость не успели истребить), откуда же возьмутся проблемы? Тем не менее в середине XX в. белые американцы словно опомнились. Процветающая нация бодрых оптимистов впервые почувствовала нечто вроде уколов совести, которые ей раньше, похоже, не были ведомы. Мало-помалу и вовсе не естественным путем — за это в 1968 г. отдал жизнь Мартин Лютер Кинг — стало улучшаться положение потомков чернокожих рабов. Полегче стало и индейцам. Конечно, мертвых не воскресить, а резервация — это резервация. Возвращать аборигенам земли, на которых высятся небоскребы, работают шахты, зреют хлеба и утопают в роскоши курорты, никто не помышляет, но на индейцев хотя бы стали смотреть как на людей. Вымирание прекратилось, точка «надира» — минимальной численности — осталась позади, и местное население стало расти. Правда, это уже не то население. В жилах многих из тех, кто называют себя индейцами, осталось не так уж много индейской крови, да и от местной культуры мало что сохранилось. Но зато теперь власти стали прислушиваться к мнению тех, кого прежде только истребляли и вытесняли.

Автору этой главы довелось слышать рассказ женщины из народа навахо о ее детстве, проведенном в интернате при католической миссии на юго-западе США (это 30-е гг. XX в.). Детям, пытавшимся говорить на родном языке, воспитатели мыли рот хозяйственным мылом и терли язык жесткой щеткой (о судьбе их родителей в резервации говорить излишне). Но вот настали новые времена, числиться индейцем стало престижно. При резервациях открылись племенные колледжи. Согласно Акту о защите культуры и свободы вероисповедания коренных американцев, вторгаться на священные территории индейцев запрещено (а много ли таких территорий осталось?).

И вот, после этой преамбулы, мы возвращаемся к NAGPRA. И так, археологические памятники и древние человеческие останки теперь находятся под защитой. Великолепно! Только зачем же ставить знак равенства между грабителями и учеными? А ведь именно в таком духе истолковали NAGPRA, например, в штате Калифорния, где антропологическое исследование индейских останков (а какими еще могут быть древние останки в Америке?) запрещено. Да и в других штатах антрополог, особенно приезжий, может столкнуться с проблемами. Попав в фонды Музея имени Филда в Чикаго в 1991 г., вскоре после принятия NAGPRA, автор этой главы обнаружил, что дружелюбные и гостеприимные хранители музея мрачнели, как только речь заходила о доступе к индейским останкам, племенная принадлежность которых была точно известна. Нельзя — и точка. Впрочем, главное ведь что? Обозначить официальную позицию музейной администрации, обменяться с заезжим коллегой взглядами, после чего уйти, плотно закрыв за собой дверь, и на много часов оставить гостя наедине с искушением. Через несколько лет в ведущем американском антропологическом журнале появилась статья автора этой главы и двух его учеников, посвященная сибирско-американским связям, реконструированным по краниологическим данным. Ее выходу никто не препятствовал, хотя все изученные материалы там указаны. Не исключено, что этих материалов уже нет, вернее, они «репатрированы».

Итак, «репатриация»... Кого и куда собираются репатриировать? Уцелевших индейцев на родные земли, откуда их изгнали? Боже упаси! Речь идет всего лишь о хранящихся в музеях останках их предков и предметах индейской культуры. В частности, останки подлежат перезахоронению. Похвальная политкорректность! Самая цивилизованная нация на свете в очередной раз показывает пример остальному миру (в том числе и странам, где аборигены не истреблялись столь жестоко и систематично). Давайте, однако, называть вещи своими именами: после того, как десятки местных племен исчезли с этнической карты, предлагается исправить дело, похоронив заодно и их историю. Впрочем, право на такие похороны предоставляется уже не властям, а старейшинам племен.

Как тут не вспомнить случай, который произошел не в Америке, а у нас в Петербурге, в 90-е гг. прошлого века, когда церкви стали передавать верующим. В одной из них — в Андреевском соборе XVIII в., что на Васильевском острове — находился отдел антропологии Кунсткамеры. Ученые, в отличие от властей, обычно понимают значение культурных ценностей, и Кунсткамера вложила в реставрацию собора немалые средства. Но времена изменились, у церкви нашлись истинные хозяева, и антропологам пришлось искать другое помещение. Однажды, когда ученые уже готовились к переезду и паковали коллекции, в собор явился батюшка. Окинув взглядом кости и черепа, лежащие на полках, он задумчиво сказал: «А ведь надо бы их всех похоронить по-человечески, по-христиански!» Оправившись от изумления, антропологи робко возразили, что эти люди жили за много веков до рождения Иисуса Христа, а потому в правомерности устройства их похорон именно по такому обряду можно усомниться. «Ну и что? — не моргнув глазом, ответил батюшка. — А все равно они люди».

Это возвращает нас к вопросу о человеке из Кенневика, который как-никак тоже человек, даром что очень древний. Получив требование индейцев, командование Инженерных войск США, в чьем ведении находится скелет, запретило ученым его исследовать. Чувства аборигенов заботили армейское начальство скорее всего так же мало, как и их история, — просто не хотелось связываться с племенными старейшинами и идти наперекор либералам из команды Клинтона. Останки уже готовились передать индейцам — и тут случилось нечто непредвиденное.

Восемь ведущих антропологов подали в суд. «Иску Бонниксена против правительства США» был дан ход (Робсон Бонниксен — профессор антропологии Университета штата Орегон и директор Центра по изучению первых американцев; его фамилия в иске значилась первой). Истцы не согласились с тем, что останки столь глубокой древности подпадают под действие NAGPRA, и обвинили командование Инженерных войск в самоуправстве. Федеральный суд с этим согласился и постановил расследовать вопрос с должной тщательностью.

Создали комиссию из 18 ведущих экспертов. Была проведена биологическая, рентгенологическая, этнографическая, археологическая и даже лингвистическая экспертиза находки (скелеты, хоть и редко, но разговаривают). Комиссия работала два года, а ископаемый виновник скандала терпеливо дожидался своей участи в особом хранилище Музея естественной и культурной истории в Сиэтле. Армейское же начальство ждать не стало. Дабы воспрепятствовать археологическим раскопкам, оно с одобрения индейцев распорядилось завалить место находки толстым слоем бревен, камней и земли. Для большей надежности на образовавшемся кургане вплотную посадили несколько тысяч деревьев. Ничего себе «защита захоронений»!

Это подлило масла в огонь. Недруги Клинтона из республиканских рядов обвинили его администрацию в том, что она из соображений политкорректности не только уничтожает археологические памятники, но, хуже того, нарушает права белых ученых (а в Законе о гражданских правах 1866 г. черным по белому написано, что все люди имеют одинаковые права независимо от цвета кожи). И вдобавок (говорили недруги) правительство подыгрывает индейцам, стремящимся доказать всему миру, что они — первооткрыватели американского континента. А что, если еще до индейцев Новый Свет открыли белые люди? Нашел же Д. Чаттерс у кенневикца европейские черты. Выполненная им скульптурная реконструкция не оставляет в этом сомнений — вылитый актер и режиссер Патрик Стюарт (даже голова бритая, как у того). Останки плейстоценовых и раннеголландских людей найдены в разных местах США. Чем не белая империя древности?

Все эти доводы, однако, на демократов не подействовали. В 2000 г. министр внутренних дел США Бэббит издал приказ, в котором говорилось, что Кенневикский человек — предок сахаптинов и должен быть им возвращен. Дальнейшее изучение находки запрещалось. Но и это не остановило ученых — истцов по судебному делу. Окружному судье Джону Джелдерксу предстояло вынести решение, от которого на долгие годы должна была зависеть судьба археологии и доисторической антропологии в США.

И вот в 2002 г. решение было принято. Судья отменил приказ министра и признал факты в пользу родства Кенневикского человека с сахаптинами недостаточными. Ученым было разрешено вновь взяться за изучение скелета. Обиженные индейцы не смирились. Судебные баталии продолжались до 2004 г., когда апелляционный суд Сан-Франциско поддержал вердикт Д. Джелдеркса и отказал индейцам во встречном иске. Останки, было сказано в постановлении, не подпадают под действие NAGPRA. «Потрясающее решение! — воскликнул Р. Бонниксен. — Мы ждали его семь с половиной лет!» Адвокат «проколотых носов» заявил, что опротестует вердикт, но после драки кулаками не машут.

Вся эта трагикомическая история, очень напоминающая единоборство дьякона с учителем-материалистом за кости утопленника, описанное в повести Н. С. Лескова «Соборяне», поучительна во многих отношениях. Какие же выводы можно из нее извлечь? Если рассматривать этическую сторону дела, то свою долю неприятностей получили все три стороны — и аборигены, проигравшие процесс, и ученые, навлекшие на себя их гнев, и власти, оказавшиеся в двусмысленном положении.

Кенневикское дело между тем создало прецедент, позволивший ученым (а также тем индейцам, которые не одурманены фундаментализмом и интересуются прошлым своего народа) смотреть в будущее с большим оптимизмом. А бывало и иначе. В январе 1989 г. рабочие, строившие дорогу близ г. Бул (штат Айдахо), нашли погребение молодой женщины, еще более древнее, чем кенневикское, — 12,7 тыс. лет, т. е. плейстоцен. Первые антропологи, в руки которых попал череп, сочли, что он напоминает черепа современных индейцев. Потом выяснилось, что дело обстоит не совсем так или даже совсем не так, но слово — не воробей, вылетит — не поймашь. Чуткие на ухо индейцы бэннок, жившие поблизости, тут же затребовали останки. Промедление грозило серьезными неприятностями. Как заявили племенные старейшины, «в резервации недавно умерло несколько человек, потому что потревожили дух женщины из Була». Поневоле вспомнишь слова о том, что история повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй — в виде фарса. Наконец-то мы узнали причину, по которой вымирали индейцы в резервациях! Как бы то ни было, требование было удовлетворено, и скелет закопали, не успев извлечь из него ДНК. Авторам опрометчивого заключения остается носить на могилу плейстоценовой девушки цветы.

Иногда удается обойтись без конфликтов. Все зависит от культурного уровня участников, если угодно — от их мудрости. Например, когда в 1996 г. на острове Принца Уэльского вблизи юго-восточного побережья Аляски археологи во главе с Дж. Диксоном нашли в пещере плохо сохранившиеся останки человека древностью 10,3 тыс. лет, они тут же известили об этом местных индейцев-тлинкитов. Те нисколько не воспротивились изучению останков. Напротив — были очень рады. Тлинкитка Розита, получившая антропологическое образование в Гарварде, сказала так: «Наш предок сам отдал себя в наши руки, чтобы даровать нам знание». Правда, в конце концов останки все-таки захоронили, но просвещенные тлинкиты не торопили события. А ученые в результате смогли извлечь из зуба «предка» образец ДНК, относящейся, как выяснилось, к чрезвычайно редкому

типу. Результат этот оказался исключительно важным, так как позволил по-новому оценить время заселения Америки.

Итак, оставим в стороне этику и обратимся к науке. Основанием для судебного решения по кенневикскому делу было заключение комиссии экспертов, согласно которому Кенневикский человек по строению черепа не был похож на современных индейцев. Он напоминал своим нейтральным (как выражаются антропологи, «неспециализированным» или «протоморфным») обликом скорее полинезийцев и айнов (домонголоидных аборигенов Японии, Сахалина и Курил). То же самое — правда, когда уже было поздно — выяснилось и при более тщательном анализе измерений черепа женщины из Була. Такие же особенности прослеживаются у мужчины из Пещеры Духов (Спирит Кэйв) в штате Невада (см. цв. вкл. 32). Эта находка (ее радиоуглеродная дата — 10,6 тыс. лет назад, ранняя пора голоцена) была сделана еще в 1940 г., да только руки у ученых до нее дошли слишком поздно. А жаль, ведь тут благодаря исключительной сухости пещеры сохранились не только кости, но и некоторые естественно мумифицированные ткани — кожа, волосы, внутренние органы, даже рыбы кости в кишечнике! На ногах у умершего были мокасины из кожи сурка, залатанные кожей антилопы. Тело было завернуто в одеяло из кроличьего меха и покрыто плетенкой из камыша. Шутка ли — самая древняя мумия в мире! Как же ее не перезахоронить со всеми почестями? Индейцы из племени пайютов заявили права на находку, а ученые, не догадавшиеся осуществить радиоуглеродный анализ пораньше, не успели сделать даже анализ ДНК мумии. Сейчас доступа к ней нет никому, кроме индейских могильщиков.

И все-таки факт остается фактом: люди, жившие на западе США на рубеже плейстоцена и голоцена, своим обликом больше напоминали полинезийцев и айнов, чем современных индейцев. Это, казалось бы, должно было умерить пыл индейских активистов и укрепить позиции ученых. Но сразу возникает вопрос: откуда бы взялись полинезийцам и айнам в Америке? Никаких свидетельств их проникновения в Новый Свет не имеется.

В этом смысле североамериканские находки не одиноки. Обнаруженный в 1997 г. человек из Тока душ Кокейруш (штат Пиауи, северо-восточная Бразилия, дата — около 11 тыс. лет, рубеж плейстоцена и голоцена) тоже похож на полинезийца. Поначалу казалось, что останки принадлежат женщине, и эмоциональные бразильцы тут же окрестили свою ископаемую соотечественницу Зузу. Потом половая принадлежность останков стала вызывать сомнения: не исключено, что более подходящим именем было бы Луиш или Жуан. А вот у женщины, чей скелет был найден в 1959 г. на берегу высохшего озера близ г. Пеньон недалеко от Мехико, черты лица были, судя по фото, вполне айнскими. Дата скелета — около 13 тыс. лет назад. Внушительно, но и это не рекорд! Совсем недавно в подводной пещере на северо-восточном побережье п-ова Юкатан (Мексика) на глубине 15 м были обнаружены останки четырех человек. Радиоуглеродная дата одного из женских скелетов — не меньше 14 тыс. лет. Уровень моря в конце плейстоцена был на 60 м ниже нынешнего. Если дата подтвердится (а полной уверенности в этом нет, ведь на результате могло сказаться долгое пребывание костей в морской воде), то Эва

из Наарона — так ее прозвали — окажется самой древней американкой из всех до сих пор известных. По первому впечатлению она также принадлежала к неспециализированной полинезийско-айнской разновидности. То же, видимо, относится к черепной коробке из Тлапакоя близ Мехико, древность которой — около 12,5 тыс. лет.

Другие же палеоиндейцы Южной Америки и вовсе напоминали представителей экваториальной (тропической) расы — австралийцев, меланезийцев, отчасти даже африканцев. Таковы получившие широкую известность позднеплейстоценовые и раннеголоценовые обитатели пещер в районе Лагоа-Санта (штат Минас-Жерайс, восточная Бразилия). Наибольшей славой среди них пользуется плейстоценовая женщина, скелет которой был найден в 1975 г. в пещере Лапа-Вермелья IV (рис. 8). Бразильцы ласково зовут ее Лузиа (в честь эфиопской женщины-австралопитека Люси). Радиоуглеродная ее дата — не менее 11 тыс. лет назад.

Вид у Лузии на удивление экваториальный — чистая негритянка или меланезийка. Красивая, молодая, динамично развивающаяся нация, давно уже расставшаяся с расовыми предрассудками и перемешавшая в себе черты едва ли не всех основных человеческих рас, может гордиться древностью своих тропических корней (см. цв. вкл. 33). Похоже, не только кровь западноафриканских рабов сделала кожу бразильцев более темной, чем у жителей Европы! Не были ли жители Монте-Верде похожи на Лузию, и не темнокожие ли люди первыми колонизовали Новый Свет?

Мысль эта высказывалась уже очень давно. Впервые об австралоидах в Америке заговорили французский антрополог А. де Катрфаж и его голландский коллега Х. тен Кате, которые еще в 80-х гг. XIX в. указали на краниологическое сходство людей Лагоа-Санта с папуасами. В 20-е гг. XX в. эти идеи были развиты во Франции этнографом П. Риве и антропологом Р. Верно. П. Риве указал на широкое распро-

странение экваториальных типов в аборигенном населении Америки. Об этом впоследствии много писал и аргентинский антрополог итальянского происхождения Джузеппе (Хосе) Имбеллони, который выделил в древнем и современном населении Южной Америки тропические расы — лагидную (от Лагоа-Санта) и фуэгидную (от Tierra del Fuego — Огненная Земля).

Тропическими чертами характеризовались и древние обитатели противоположного конца Южной Америки — плато Сабана-де-Богота (Колумбия). Судя по датам находок, древние колумбийцы сохраняли южный облик на протяжении очень долгого периода — от начала голоцена до 3–5 тыс. лет назад. Примерно так же выглядели и индейцы перикү, которые были оттеснены на южную оконечность п-ова Калифорния (Мексика) и дожили там в условиях изоляции почти до

Рис. 8. Череп «Лузии»
(женщины из Лапа-Вермелья IV)

наших дней: они вымерли лишь на рубеже XVIII и XIX вв. вследствие контакта с испанцами. К сожалению, у нас нет их портретов, но, судя по черепам, которые недавно вновь с использованием современных статистических методов изучил аргентинский антрополог Р. Гонсалес-Хосе, перикю очень походили на австралийцев, меланезийцев и уже упоминавшихся нами древних жителей Лагоа-Санта.

Не таких ли людей изображают знаменитые ольмекские базальтовые головы (см. цв. вкл. 34)? Без сомнения, тропические черты — наследие древнейших американцев. Лишь люди более поздних эпох по строению черепа стали напоминать современных индейцев. Из всех палеоамериканцев лишь человек из Уизардс Бич (штат Невада, США) — ровесник мумии из Спирит Кэйв — похож на индейца. Про остальных этого не скажешь. Выходит, и предки индейцев пришли в Америку не первыми? Так кто же тут побывал до них?

Вопрос этот для американских ученых отнюдь не только теоретический. В самом деле, если бы антропологам удалось доказать, что палеоамериканцы — люди из Кенневика, Була и Спирит Кэйв — не были предками нынешних аборигенов, то это сильно понизило бы шансы индейцев США на то, чтобы выигрывать судебные процессы о репатриации. Ведь, как сказано в постановлении суда по кенневикскому делу, лишь те останки могут считаться индейскими, которые «имеют отношение к ныне существующему племени, народу или культуре». А вот в Латинской Америке нет законов, подобных NAGPRA, археологические памятники защищаются там хуже, чем в Северной Америке, но зато уже хранящимся в музеях останкам ничего не грозит. Как бы ни решился вопрос об их родстве с современными индейцами, Лузиа, Зузу, Эва из Наарона и безымянная дама из Пеньона могут быть уверены, что их не постигнет печальная судьба их современницы — дважды похороненной, но так толком и не изученной девушки из Була.

На кого же все-таки похожи современные аборигены Америки, и от кого они произошли? То, что индейцы в среднем ближе всего к представителям монголоидной расы, знают все. Но это лишь в среднем. В некоторых индейских группах сходство с монголоидами значительно слабее, а иногда оно и вовсе незаметно (по крайней мере, неспециалистам). На первом месте для многих, кто смотрит на индейцев поверхностным взглядом, — сходство не с монголоидами, а с иными расами. Например, с некоторыми южноевропейскими типами. Недаром ведь роль вождя апачей Виннету в фильмах по романам Карла Мая играли серб Гойко Митич и француз Пьер Брис. Высокий рост, богатырское сложение, знаменитые орлиные носы — все это не вяжется с представлением о монголоидах. Поздняя европейская примесь тут явно ни при чем. Тогда в чем же дело?

Европеоидные черты, проглядывающие в облике многих индейских групп, вводят в заблуждение не только любителей киносериалов, но и ученых. Расскажем об одном из них. Один из основателей американской физической антропологии, чех по национальности Алеш Хрдличка, был уверен, что индейцы, несмотря на их своеобразную внешность, — монголоиды, предки которых проникли в Новый Свет из Сибири. По А. Хрдличке, все индейцы — потомки одной группы переселенцев. Большинство коллег с ним не согласилось: слишком уж велика изменчивость среди индейцев. Но даже если встать на точку зрения А. Хрдлички, то все равно

нужно помнить, что Сибирь, особенно ее степи — проходной коридор, по которому в разные эпохи и в разных направлениях мигрировали самые различные племена и народы, в том числе и европейского происхождения.

А. Хрдличка сделал правильное наблюдение: на одних и тех же территориях длинноголовые (долихоцефальные) люди предшествовали короткоголовым (брахицефальным). Как мы сейчас знаем, это чаще всего вызвано так называемой брахицефализацией — увеличением головного указателя в ряду поколений (такая тенденция, причины которой не вполне понятны, прослеживается у многих народов мира и не имеет отношения к миграциям). Обнаружив, что черепа древних «конягов» (так русские называли эскимосов о-ва Кодьяк) и древних алеутов о-ва Умнак имеют более удлиненную форму по сравнению с черепами современных жителей этих мест, А. Хрдличка решил, что население тут сменилось, и в 1939 г. отправился в СССР искать предков длинноголовых первопроходцев Нового Света. Или, по крайней мере, их родственников.

Поиски, на первый взгляд, увенчались успехом. Родственники обнаружили, да не в одном месте, а сразу в двух, причем как раз там, где нужно — в Сибири, а именно — среди населения Прибайкалья эпох неолита и бронзы и среди носителей афанасьевской культуры, существовавшей в степях Минусинской котловины и долинах Горного Алтая в эпоху ранней бронзы. И те, и другие, по мнению А. Хрдлички, были похожи на североамериканских индейцев: прибайкальцы — на шошонов, афанасьевцы — на ирокезов и алгонкинов. Неважно, что и те, и другие жили гораздо позже времени, в которое первопроходцы Нового Света пересекли Берингию, — ведь речь могла идти не о предках, а о боковых родственниках. Что ж, и это было бы немало, если бы соответствовало истине.

Радость, однако, оказалась преждевременной. Что касается афанасьевцев — ранних мигрантов из Восточной Европы в Южную Сибирь и на Алтай, видимо, относящихся к какой-то из ветвей индоевропейцев, — то с выводом А. Хрдлички не согласился лидер советской этнической антропологии Георгий Францевич Дебец. Разногласия были вызваны чисто методическими причинами. Подобно большинству западных краниологов, А. Хрдличка придавал главное значение форме черепной коробки (она удлиненная и у афанасьевцев, и у многих индейцев), а на строение лица обращал меньше внимания. Г. Ф. Дебец показал, что черепной указатель — признак ненадежный и его изменения у эскимосов и алеутов вызваны, возможно, не сменой населения, а брахицефализацией.

Куда стабильнее и информативнее строение лицевого скелета. Измерив хранящиеся в наших музеях черепа индейцев и сравнив их с афанасьевскими по признакам профилировки лица и носа, которые он ввел в антропологическую практику, Г. Ф. Дебец установил, что афанасьевцы — чистокровные европеоиды, причем скорее всего северные, вроде современных норвежцев, только массивнее. А вот про индейцев этого не скажешь. Зрительное впечатление не подтверждается точными измерениями, и вызвано это тем, что психологи называют «активностью восприятия». Если мы решили, что люди кого-то напоминают, то мы твердо держимся своего выбора и игнорируем отличия. Так, если взглянуть на фото потомков древнейших жителей Дальнего Востока — бородатых айнов, особенно

стариков, то поражаешься их сходству с Львом Толстым. Лишь научный анализ по многим системам признаков способен рассеять такие зрительные иллюзии.

Конечно, опытный краниолог А. Хрдличка не стал бы сближать ирокезов и алгонкинов с афанасьевцами, если бы краниологическое сходство совсем уж отсутствовало. Действительно, по профилировке лица и носа индейцы занимают промежуточное положение между монголоидами и европеоидами, а некоторые так и вовсе близки к европеоидам. Обязывает ли это сходство к выводам исторического характера? Да и можно ли говорить о подлинном сходстве? От ответа на эти вопросы во многом зависит решение проблемы первоначальной колонизации Нового Света. «Поскольку проблема этнических взаимосвязей Азии и Америки является общим делом советских и американских антропологов, — написал Г. Ф. Дебец в 1947 г., — я позволяю себе поставить перед американскими коллегами два вопроса: 1) Имеются ли в Америке такие группы, черепа которых не отличаются от афанасьевских по признакам, выражающим горизонтальную профилировку лица? 2) Если такие группы имеются, то существуют ли какие-либо объективные критерии, позволяющие отличить эти черепа от европейских?»¹ Сегодня мы можем дать положительный ответ на оба эти вопроса, но не будем забегать вперед.

Когда Г. Ф. Дебец задавал свои вопросы, А. Хрдлички уже не было в живых. Брошенную из России перчатку никто из американских антропологов не поднял. Да и кто из них умеет читать по-русски? Не дождавшись ответа, Г. Ф. Дебец в 1956 г., когда «железный занавес» приподнялся, добрался до американских музеев и сам измерил профилировку лица у североамериканских индейцев. Действительно, у многих из них лицо оказалось лишь немного более плоским, чем у европейцев, а в некоторых группах (например, у древних обитателей Техаса) оно по измерительным признакам почти не отличалось от европейских стандартов. Лишь на северо-западе США индейцы заметно более плосколицы и плосконосы, что в еще большей степени относится к эскимосам и алеутам.

Ученик Г. Ф. Дебеца, впоследствии академик Валерий Павлович Алексеев, продолжил изучение индейских черепов и выяснил, что некоторые североамериканские группы, в частности — сиу, гуроны и семинолы, в этом отношении довольно близки к европейцам. Впрочем, в среднем профилировка лица и носа у индейцев примерно такая же, как у представителей так называемого «субуральского» типа, а именно у некоторых поволжских народов, например у марийцев или чувашей. В. П. Алексеев, в отличие от Г. Ф. Дебеца, счел, что у индейцев действительно имеется древний европеоидный компонент.

Однако никакими другими антропологическими фактами европеоидное уклонение индейцев в строении черепа не подтверждается. Взять хотя бы волосы. Европеоидная примесь, если бы она действительно имелась (да еще и в такой доле, как позволяют предположить черты лица), проявилась бы и в цвете, и в форме волос, а у индейцев с орлиными носами волосы не менее черные и тугие, чем

¹ Дебец Г. Ф. О древней границе европеоидов и американоидов в Южной Сибири // Советская этнография. 1947. № 1. С. 73.

у монголоидов Азии. Да и в генетике индейцев ничего европейского нет. Между тем во всех районах Южной Сибири, где побывали древние выходцы из Европы, европеоидная примесь обнаруживается и в современном населении, причем по разным признакам — по цвету и форме волос, по цвету глаз, по группам крови. Остается предположить, что краниометрическое сходство индейцев с европеоидами носит случайный характер. Либо вызвано какой-то общей причиной, но об этом позже.

Итак, вопрос об афанасьевцах, похоже, отпал. Вопрос о древних прибайкальцах как возможных «американоидах» — боковых родственниках индейцев — сложнее. Тут Г. Ф. Дебец полностью согласился с А. Хрдличкой, а заодно и отказался от своего прежнего взгляда о европеоидной примеси у прибайкальцев. Действительно, «американоидность» в строении лица у неолитических прибайкальцев как будто прослеживается. Но чем она вызвана и когда возникла? Долгое время считалось, что именно древние прибайкальцы — недифференцированные предки современных народов Сибири, а заодно и индейцев. Говоря о недифференцированности, антропологи имеют в виду раннюю стадию расообразования, когда характерные особенности современных рас еще не сформировались или, во всяком случае, сформировались не полностью. Именно эту раннюю стадию, по справедливому мнению многих, и отражают антропологические особенности индейцев. Это и имел в виду Г. Ф. Дебец, когда согласился с А. Хрдличкой.

Но согласился он, как недавно выяснилось, напрасно. Прибайкальский след, похоже, также никуда не ведет. Разделить оптимизм А. Хрдлички и Г. Ф. Дебца не позволяет историческая динамика населения Прибайкалья, проследить которую помогли недавно появившиеся радиоуглеродные датировки. В самом деле, ранние прибайкальцы — люди мезолитической и раннеолитической китойской культуры VII—VI тыс. до н. э. (а по хронологическим соображениям именно они в наибольшей степени подходят на роль «двоюродных братьев» индейцев) — были вовсе не «американоидны», а, наоборот, чрезвычайно монголоидны. Зато сменившие их после долгого перерыва носители серовской и глазковской культур позднего неолита и бронзы (IV—II тыс. до н. э.) могли бы сойти за «американоидов», но по хронологическим соображениям родство их с предками индейцев менее вероятно. Последовательность этих типов наводит на мысль, что речь идет о довольно поздно начавшемся смешении пришельцев из Европы (возможно, потомков афанасьевцев) с мигрантами из Забайкалья (вероятно, потомками китойцев). Характерные особенности обеих рас — европеоидной и монголоидной — и у тех, и у других были выражены в максимальной степени. Иными словами, Г. Ф. Дебец зря отказался от своих прежних взглядов и согласился с А. Хрдличкой. Никакой «недифференцированности» (читай: истинной «американоидности») мы в Прибайкалье не находим ни на раннем, ни на позднем этапе.

То же самое можно сказать о взглядах современных американских последователей А. Хрдлички, которые пишут о центральноазиатских корнях американских аборигенов на основании краниологического сходства между индейцами Великих равнин и населением Западной Монголии и Тувы эпохи бронзы. И это население было явно метисным, подобно серовцам и глазковцам Прибайкалья. Разница

лишь в доле европеоидного компонента — в Западной Монголии и Туве она была выше, чем в Прибайкалье, соответственно доля монголоидного компонента — ниже.

Есть и другая, уже упомянутая нами, причина, не позволяющая нам рассматривать «американоидных» (а на самом деле метисных) серовцев и глазковцев в качестве предков индейцев. Ни по каким системам, кроме краниометрии, у современных чистокровных индейцев не обнаруживается следов древней европеоидности. Это не вяжется с гипотезами некоторых археологов о том, что предками индейцев были европейские верхнепалеолитические охотники, якобы мигрировавшие вслед за дичью на огромные расстояния — либо на восток, по сибирской, а затем и берингийской тундре в Новый Свет, либо в противоположном направлении, по кромке атлантических ледников, через Гренландию. Приверженцем первой гипотезы был Ханс-Юрген Мюллер-Бек, который даже видел в кроманьонском человеке из Сунгирия под Владимиром предка индейцев; сторонниками второй — Брюс Брэдли и Дэннис Стэнфорд. Хоть на восток, хоть на запад — все равно антропология эти гипотезы не подтверждает.

Впрочем... М. М. Герасимов обнаружил на верхнепалеолитической стоянке Мальта (севернее Иркутска) древностью более 20 тыс. лет останки двух детей. Зубы старшего из них имели, согласно К. Тернеру и А. А. Зубову, европеоидный облик. О том, что эти люди пришли с запада, свидетельствует и археологический инвентарь. Вместе с тем фрагмент черепа ребенка с верхнепалеолитической стоянки Афонтова Гора II в Красноярске (дата находки неясна), судя по уплощенной верхней части переносья, свидетельствует о монголоидности. Вопрос лишь в том, какое отношение эти верхнепалеолитические люди имели к предкам индейцев.

Не один А. Хрдличка искал сибирские корни индейцев. Поисками был занят и его современник, другой отец-основатель американской антропологии, уже не только физической, но и культурной — Франц Боас. И коль скоро зашел о нем разговор, то приходится поговорить и о других корнях. Речь пойдет о корнях нынешней американской политкорректности, ведь именно к ним Ф. Боас имел самое прямое отношение.

Тоже переселенец из Европы (немецкий еврей), но, в отличие от А. Хрдлички, которого мальчиком привезли в США родители, Ф. Боас перебрался туда уже самостоятельно. Он был старше А. Хрдлички на 11 лет, а умерли они почти одновременно, прожив в Америке более полувека. Работали в одно время, думали над одними и теми же проблемами, а людьми были совсем разными. А. Хрдличка был эмпириком, теории создавал (верные или неверные — другой вопрос) только на базе добытых им антропологических фактов. Ф. Боас же мыслил гораздо шире и интересовался культурными вопросами даже больше, чем биологическими. Без сомнения, он был фигурой гораздо более крупного масштаба. Специалист по этнологии, археологии, антропологии, лингвистике, Ф. Боас, подобно А. Хрдличке, был уверен в родстве индейцев с народами Сибири и тоже искал их родственников именно там. И его тоже постигла неудача, но причины ее были совсем иными, чем у А. Хрдлички. Тому не повезло только с фактами, а вот Ф. Боас потерпел более жестокое крушение — теоретическое.

Начало было многообещающим. В конце XIX в. миллионер, владелец железных дорог, а заодно и Американского музея естественной истории Моррис Джесуп согласился финансировать самую масштабную в истории науки комплексную экспедицию по изучению народов — Северо-Тихоокеанскую. Ее главным организатором был Ф. Боас. Им лично или под его руководством было изучено по комплексной программе множество аборигенных групп Северной Америки. В частности, 50 антропометристов измерили около 16 тысяч аборигенов — 3 % всего уцелевшего местного населения! Предстояло провести такое же исследование аборигенных народов и культур по западную сторону Берингова пролива — в азиатской части России. В результате должен был возникнуть некий незримый мост, соединяющий аборигенов тихоокеанского побережья США и Канады с сибирскими народами от Чукотки до Амура. С российской стороны главную работу выполняли бывшие народовольцы, недавно освободившиеся из десятилетней колымской ссылки — Вольдемар Йохельсон и Владимир Богораз. В нечеловеческих условиях, под неусыпным надзором полиции, они вместе с женами обследовали ряд народов Крайнего Севера — эскимосов, чукчей, коряков, юкагиров и др.

Экспедиция работала с 1897 по 1902 г. Материал, собранный ее участниками, огромен — опубликовано 27 томов (формально 12, но многие в нескольких частях). Последним, в 1930 г., вышел в свет единственный антропологический том — фундаментальный труд Бруно Эттекинга «Краниология северной части Тихоокеанского побережья». Скрупулезное анатомическое описание индейских черепов без малейшей попытки связать собранные факты с главной задачей экспедиции.

А что же Ф. Боас? Ведь он так интересовался антропологией! Где же антропометрические материалы, призванные подтвердить или опровергнуть гипотезы о родстве аборигенов Америки и Сибири? Лишь в 1982 г. их обнаружили пылящимися в архиве Американского музея естественной истории. Материал ценнейший. Достаточно сказать, что Дина Йохельсон-Бродская изучила женщин — представительниц народов Крайнего Севера, чего не делал почти никто из антропологов ни до нее, ни после. А Ф. Боас... Его, похоже, стали занимать совсем другие проблемы. Главной для него стала задача борьбы с расизмом. А заодно и с понятием расы. Логика очень простая: если доказать, что рас не существует, то и для расизма никакой почвы не останется.

Понять Ф. Боаса можно. Навсегда покинув Германию, где поднимал голову расизм, он и на новой своей родине вынужден был дышать столь же отравленным воздухом. Один только пример: в фильме великого Дэвида Гриффита с выразительным названием «Рождение нации» (1915) — это классика американского кино — кадры, изображающие негров буквально в виде обезьян, сопровождаются цитатой из речи президента Вудро Вильсона: «Белые люди были движимы простым инстинктом самосохранения, и вот появился великий Ку-клукс-клан — истинная империя Юга, призванная защитить южные земли»². Нечего и говорить, что в американских университетах расизм цвел пышным цветом. Вот в такую-то

² Hollywood's White House: The American Presidency in Film and History / P. C. Rollins, J. E. O'Connor. (Eds.). Lexington: The University Press of Kentucky, 2003. P. 116.

атмосферу и попал Ф. Боас, который борьбу с псевдонаучным обоснованием «простого инстинкта самосохранения» поставил своей главной целью. На этом фоне поиски корней индейцев отошли на второй план. Более того, сама мысль о постоянстве расовых признаков (а без этого искать какие-либо корни заведомо бесполезно) Ф. Боасу мешала, не укладывалась в его сознание, вступала в конфликт с его убеждениями и целями. Ф. Боас сам поставил себя перед ложным выбором. И он сделал этот выбор, после чего решительно направился по пути, ведущему в тупик.

Теперь главный его проект был нацелен на доказательство того, что рас попросту не существует. С этой целью Ф. Боас в 1909–1910 гг. измерил рост, размеры головы и ширину лица у более чем 13 тыс. представителей семи групп европейских иммигрантов в США и их детей. Поражает масштаб: всё, что Ф. Боас делал, он делал с размахом. Поражает и... вызывает недоумение: сейчас подобные задачи антропологи успешно решают с помощью статистики на выборках гораздо меньшего размера. Результаты были опубликованы в 1912 г.: это и был главный антропологический труд Ф. Боаса. Из него следовало, что форма головы пластична, т. е. подвержена прямому влиянию среды. У детей, родившихся в США, головной указатель оказался иным, чем у родителей.

Работе суждено было произвести огромный эффект, но не сразу. Семена, посеянные Ф. Боасом, дали всходы много лет спустя, уже после его смерти, когда американцы стали с большим опозданием терзаться угрызениями совести по поводу того, что жертвами их «инстинкта самосохранения» стали народы, отличающиеся от них цветом кожи и чертами лица. Но просто признать равенство человеческих рас (а заодно и свою историческую вину) показалось им недостаточно. Сработал знаменитый закон маятника. Сегодня любимое занятие политкорректных американцев, особенно антропологов — клеймить каждого, кто осмелится заговорить о расах. Совсем как в детской игре, где слова «черное» и «белое» табуированы. Попробуйте в каком-нибудь американском университете употребить слово «раса» — и вы тут же попадете в расисты (в лучшем случае вас объявят безнадежно старомодным). В последние годы самые горячие ревнители политкорректности перешли в наступление и принялись искать расистов среди антропологов других стран. В первую очередь, ясное дело, среди российских: ведь в нашей антропологии слово «раса» не находится под запретом. Настоящая проекция по Фрейду — с больной головы на здоровую...

Подобные игры, которыми тешит себя нация, мучимая больной исторической совестью, кажутся нам в России, где расизм никогда не пускали на порог науки, смешными и безобидными. Правда, лишь до тех пор, пока они не становятся тормозом для развития науки. Таким тормозом и стала работа Ф. Боаса. Ошибка его очевидна. Движимый благородными побуждениями, он хотел выбить почву из-под ног расизма, а лишил почвы антропологическую науку о народах. Столь высок и непререкаем был его авторитет в США, что лишь совсем недавно, через 90 лет, американские антропологи впервые решились проверить его выводы.

Результаты проверки оказались неутешительными. Ф. Боас не пользовался математическими методами. Современная статистика не подтвердила его выводов:

различия между детьми иммигрантов и их родителями малы и недостоверны, несмотря на огромный размер выборки. Главный вывод — о непосредственном влиянии среды на расу — оказался неверен. Основная роль в изменчивости формы головы принадлежит генам, а не среде. Вдобавок, и признак, привлекший особое внимание Ф. Боаса, был далеко не самым удачным. Сейчас трудно даже понять, почему в начале XX в. головной указатель вызывал столь пристальный интерес. Уже давным-давно никто не придает ему большого значения в антропологических исследованиях, ведь он действительно способен довольно быстро изменяться в однородном населении. Правда, все-таки не так быстро, как казалось Ф. Боасу, и под воздействием генетических факторов, а не факторов среды. Но все равно использовать этот признак можно лишь для классификации близкородственных групп. Сейчас в распоряжении антропологов есть десятки информативных признаков, которые не подвержены столь быстрым изменениям, а потому позволяют устанавливать отдаленное родство и проследивать пути древних миграций.

Но американские антропологи, видимо, опасаясь обвинений в старомодности или, еще того хуже, в расизме, сделали решительный шаг от истории к биологии. Величественный, но так и не осуществленный боасовский проект реконструкции северо-тихоокеанского «моста народов» был похоронен, зато злополучная работа про иммигрантов стала Библией, настольной книгой. В моду вошли современные направления, изучающие в боасовском духе воздействие среды на человеческий организм. Примеры такого воздействия неисчислимы, особенно в физиологии. Эти исследования очень актуальны, они тесно связаны с медициной и в огромной степени расширяют наши познания в области биологии человека. Обнаруживается все больше признаков, подверженных влиянию среды (не только ее непосредственному воздействию на фенотип, но также и опосредованному, через естественный отбор и гены).

Беда лишь в том, что именно эти признаки для этнической антропологии бесполезны. Причина очень проста: чем сильнее среда влияет на тот или иной признак, тем более вероятно, что он будет независимо возникать в сходной среде у неродственных групп, и, следовательно, тем менее он ценен для выяснения родства народов. Иными словами, исторические реконструкции должны строиться в первую очередь на признаках, в минимальной степени подверженных влиянию среды.

Однако американские антропологи под влиянием Ф. Боаса, похоже, утратили интерес к историческим реконструкциям. Увлечшись поисками зависимости антропологических признаков от среды, некоторые из них, по сути, уверовали в беспредельную способность человеческого тела меняться под влиянием внешних условий. Есть в США серьезные ученые, которые до сих пор верят, например, в то, что различие в строении черепа современных людей и неандертальцев вызвано ослаблением нагрузки на жевательный аппарат. Отпала необходимость использовать зубы в качестве орудий — вот и превратились неандертальцы в людей современного типа. В российской (да и вообще в европейской) науке столь наивные взгляды высказывались последний раз примерно полвека назад, да и то не антропологами, а гуманитариями — археологами и философами. А впрочем, это как

посмотреть. Мы, с нашей европейской колокольни, считаем подобное наивностью и анахронизмом; американцы же уверены, что именно они стоят на современной, заложенной Ф. Боасом, научной платформе, а те, кто продолжают верить в постоянство расовых признаков (и вообще в расы) — люди безнадежно отстающие.

Короче говоря, молодая наука — биология человека — в США развивалась очень бурно, но при этом все больше и больше теснила свою старшую сестру — этническую антропологию, которая у нас всегда считалась наукой не только биологической, но и исторической. Как на беду, последняя крупная попытка создать общую классификацию человеческих рас была сделана Карлтоном Куном, книги которого — «Происхождение рас» (1963) и «Современные человеческие расы» (1965) — справедливо пользуются не очень хорошей репутацией из-за привкуса расизма, столь характерного для старой американской науки. Ничего нового про индейцев мы из этих книг не узнали.

Другой из последних патриархов американской этнической антропологии, Уильям Хауэлс, хоть и был лишь четырьмя годами младше К. Куна, но по стилю научного мышления принадлежал уже к новой эпохе. В 70–80-е гг. XX в. он попытался классифицировать человеческие группы более строго — на основании измерений черепа, с помощью компьютера и современных статистических методов. Но, увы, математика мало что дала, возможно потому, что групп было привлечено недостаточно, а возможно и потому, что подход был слишком формальным. Индейцы оказались ближе всего к европейцам и полинезийцам, эскимосы — в одном случае к бурятам, в другом к полинезийцам.

Исследователи из группы крупнейшего генетика Луиджи Кавалли-Сфорца заново обработали данные У. Хауэлса с целью исключить влияние климата на краниометрические признаки. Оказалось, что, если это сделать, индейцы группируются уже не с европейцами, а с монголоидами, австралоидами и айнами. Все они вместе образуют восточный ствол человечества. У нас еще раньше о восточном расовом (вернее, надрасовом) стволе писали А. А. Зубов (на основании одонтологических признаков) и В. П. Алексеев.

О принадлежности индейцев к восточному надрасовому стволу свидетельствуют и данные генетики, которые мы обсудим позже. Видимо, «европеоидность», свойственная индейским лицам, — мнимая, она не свидетельствует о родстве с европейцами, так как могла независимо возникнуть под воздействием отбора в условиях холодного климата. Биология человека говорит именно об этом. Как экспериментально установил американский специалист по физиологической антропологии А. Стигмэн, сильно профилированные лица европейцев меньше охлаждаются на морозе, чем плоские лица монголоидов, а значит, отбор в условиях холода работает на усиление профилировки. У неандертальцев, которые в течение десятков тыс. лет жили в приледниковом климате, лицо было еще более резко профилировано, чем у нас (потому некоторые антропологи ошибочно считали их прямыми предками европейцев). Нет, все-таки биология человека — не противник, а союзник исторической антропологии! Союзник, но не замена.

В самом деле, сразу возникает вопрос: а как же якуты, тунгусы, чукчи, эскимосы и прочие монголоиды Крайнего Севера? Как согласуется их плосколицесть

с максимально суровым климатом, в котором они обитают? Поскольку физиолог на такой вопрос едва ли сумеет ответить, антропологу приходится обращаться за объяснениями уже не к биологии, а к истории. Быть может, центр плосколицести в древности находился не в Сибири, а в более южных районах Азии, например в Китае? Быть может, люди с плоскими лицами пришли на север сравнительно поздно и времени на адаптацию у них было недостаточно? Такую идею по отношению к тунгусам (вероятно, самым плосколицым людям в мире) защищал в свое время С. М. Широкогоров — русский антрополог и этнограф, который после революции жил и работал в Китае.

Правда, эскимосы заселили западную часть своего нынешнего ареала (район Берингова пролива) очень давно: культурная преемственность прослеживается здесь на протяжении многих тысячелетий. Но как раз эскимосы несколько менее плосколицы, чем народы континентальной Сибири, и при исключении влияния климата определенно объединяются по строению черепа не с бурятами, а с полинезийцами. Новозеландский антрополог Ф. Хаутон назвал это странное объединение «тихоокеанским парадоксом» (чем бы такой парадокс ни был вызван, он, конечно, не означает, что эскимосы мигрировали в Арктику из Полинезии). Какие только южные связи не обнаруживали у эскимосов! Г. Ф. Дебец полагал, что они напоминают тибетцев, а В. П. Алексеев и А. А. Зубов даже нашли у них черты сходства с жителями Огненной Земли. Что же касается индейцев с их «ложной европеоидностью» в строении лица, то они могли попасть в Берингию раньше предков эскимосов, а значит, и времени на адаптацию к холоду у них было больше. Возможно также, что адаптировались эскимосы и индейцы по-разному (см. ниже). Но самая очевидная причина различий в том, что эскимосы живут ближе к восточносибирскому (и одновременно мировому) «полюсу» плосколицести, чем индейцы. Соответственно, сибирские гены просачивались к ним, но иссякали по пути из Берингии на юг. Генетические данные, которые мы рассмотрим ниже, свидетельствуют именно об этом.

Зачем же в таком случае нужно иметь плоское лицо? В каком климате оно выгодно, если не в холодном? Уж точно не в жарком (если судить по строению лица у представителей тропических рас). Где же впервые возникли плосколицые люди? Об этом мы ничего не знаем. Знаем лишь то, что климатический отбор у человека стал гораздо слабее благодаря развитию культуры. меховая одежда защищает от мороза гораздо лучше, чем европейская (или, если угодно, «индейская») форма скула. Не будем забывать и о половом отборе, о котором столько писал Ч. Дарвин. Разве у женщин, соответствующих эталону красоты того или иного народа, не больше шансов вступить в брак и родить детей? Вспомним знаменитую глиняную «Нефертити» с нижнего Амура — неолитическую девушку с предельно плоским и удивительно милым лицом (совсем как у современных нанайских девушек), ту самую, чьи губы, по словам академика А. П. Окладникова, словно ждут поцелуя. Кто знает, может, она-то и была тем самым эталоном? А ведь нижний Амур — не Якутия, климат тут гораздо мягче. Многие черты тунгусской культуры указывают именно на Амур как область ее возникновения, а многие черты амурской неолитической культуры ведут еще дальше на юг.

К тому же нельзя забывать, что многое в биологическом разнообразии человечества определяется не отбором, а чистой случайностью. Так, распространение физического типа той или иной группы может зависеть не от самого этого типа, а от хозяйства и демографии. Например, более плосколицыми могли случайно оказаться люди, занимавшиеся интенсивным земледелием (скажем, возделыванием риса). Такие группы быстро увеличиваются в численности, и их гены распространяются на большие расстояния либо путем миграций, либо путем диффузии — брачных связей, захватывающих все более широкие территории.

Одновременно с У. Хауэлсом (в 1974 г.) и тоже по краниологическим данным автор этой главы предпринял статистическое сопоставление айнов — реликтового народа, жившего на Дальнем Востоке еще до того, как там впервые появились плосколицые люди, и ведущего происхождения от неолитических аборигенов Японии — с максимально большим числом популяций Азии, Океании и Америки. Айны оказались «нейтральны», т. е. занимают промежуточное положение между основными человеческими расами. В этом отношении к ним близки еще три группы народов. Во-первых, это жители Западной и Южной Сибири, относящиеся к так называемой уральской расе и говорящие на угорских и самодийских языках, а также их потомки, перешедшие на тюркскую речь (о краниологической близости индейцев к «субуральцам», живущим к западу от Урала, писал впоследствии В. П. Алексеев). Во-вторых, полинезийцы, которые подобно айнам, оказались нейтральными. И, в-третьих, индейцы. Эти народы населяют совершенно разные регионы мира, не состоят между собой в родстве и не общаются (да и не могут общаться, поскольку разделены громадными расстояниями). И внешность у них разная. А впрочем, иногда заметно внешнее сходство: например, индейцы штата Калифорния похожи на айнов. Как бы то ни было, краниология позволяет установить между всеми ними некую загадочную связь.

Но об этом поговорим позже, а сейчас вернемся к американской науке, где интерес к истории народов сменился интересом к их биологии. Шли годы, десятилетия, и вот пробил час — американские аборигены потребовали вернуть им музейные экспонаты и архивные документы. Спешно разыскали пылившиеся в архивах антропометрические материалы Северо-Тихоокеанской экспедиции и обработали их с помощью компьютеров и современных статистических методов. Результаты оказались на редкость интересными.

Действительно, как и думал Ф. Боас, между эскимосами (как азиатскими, так и американскими), чукчами и коряками прослеживается тесная антропологическая связь. Г. Ф. Дебец в своей классификации народов Северной Азии (1951) объединил эти народы в так называемую арктическую расу, которая занимает промежуточное положение между народами Сибири и Северной Америки.

Сложнее вопрос об алеутах. Г. Ф. Дебец считал, что и они относятся к арктической расе; того же мнения придерживался и американский антрополог У. Лафлин. О большей близости современных алеутов к чукчам и сибирским эскимосам, чем к индейцам и американским эскимосам, свидетельствуют и данные о митохондриальной ДНК (мтДНК), изученные Р. Рубич, М. Злоютро, В. А. Спицыным, М. Кроуфордом и др. По уплощенности лица алеуты, так же как эскимосы и чукчи,

довольно близки к сибирским монголоидам. Но по другим признакам они уклоняются от своих языковых родственников — эскимосов, а также от неродственных им по языку чукчей и коряков. Куда же? В сторону народов Сибири, как думали А. Хрдличка и Н. Н. Чебоксаров? В сторону айнов, как казалось В. П. Алексееву и мне (мы независимо пришли к такому выводу на основании анализа разных признаков)? Или, быть может, в сторону индейцев северо-западного побережья, как считали американский антрополог Г. К. Нойманн и канадская исследовательница Н. Оссенберг? Кстати, сейчас и генетики (С. Макгрэт, В. Мерриуэзер, С. Смит, Э. Стоун и др.), изучив мтДНК древних алеутов, пришли к выводу, что Алеутские острова первоначально заселялись с Аляски.

Антропометрические материалы боасовской экспедиции подтвердили «американскую» теорию. Алеуты и по пропорциям тела оказались очень близки к северо-западным индейцам — вакашам (квакиутль) и сэлишам (беллакула). Вопрос об айнском элементе у алеутов, впрочем, этим не снимается, а, скорее, переносится в более широкую плоскость и в более древнюю эпоху. Да, алеуты — хорошие мореходы, а область расселения айнов на севере захватывала южную оконечность Камчатки, так что контакты между этими народами вполне возможны. Но, может быть, речь идет не о поздней айнской примеси, а о неких племенах южного (айноидного) облика, проникших в древности далеко на север Тихоокеанского бассейна, а оттуда в Америку?

Другой наш антрополог, М. Г. Левин, отметил, что «южные» признаки свойственны и другим народам арктической расы — эскимосам и чукчам, несмотря на их явную монголоидность. А быть может, не южные, а индейские? Ведь по всем данным народы арктической расы — потомки древних берингийцев — занимают промежуточное положение между сибирскими монголоидами и индейцами. Или «южные» и «индейские» антропологические особенности — это одно и то же?

Но не только арктическая раса образует антропологический мост между Старым и Новым Светом. Еще один результат антропометрических исследований боасовской экспедиции относится к дальневосточному народу, который упорно не желал вмещаться ни в какие антропологические схемы. Это нивхи. Г. Ф. Дебец не смог найти для них места в своей чрезвычайно удачной антропологической классификации северомонголоидных народов, которой мы пользуемся до сих пор. После него нивхами занялся М. Г. Левин. Живут нивхи на Нижнем Амуре и Сахалине, в обоих местах они долгое время общались с айнами. У них есть айнская примесь, но дело к ней не сводится. Нивхи, будучи, в отличие от айнов, монголоидами, также обнаруживают «южные» признаки. М. Г. Левин пришел к выводу, что связи нивхов ведут не в Сибирь, а к антропологическим типам Восточной и даже Юго-Восточной Азии.

Анализ антропометрических материалов Северо-Тихоокеанской экспедиции выявил поразительный факт: нивхи попали в одну группу не с североазиатскими монголоидами, а с индейцами Северной Америки! Особенно они оказались близки к сэлишам. Верится с трудом, но сходство между нивхами и сэлишами лишь немного меньше, чем между двумя группами сэлишей. Возможно, дело в малом объеме выборки или в ошибках измерений? К тому же речь идет только об измерениях,

а насчет описательных особенностей, особенно ценных для расовой классификации, мы ничего не знаем. И все-таки как не сопоставить этот результат с выводами Г. Ф. Дебеца и М. Г. Левина об изолированности нивхов на сибирском фоне?

Мы снова и снова сталкиваемся с проблемой так называемых южных антропологических элементов на севере Тихоокеанского бассейна. «Современные “американоидные формы”, выступающие среди разных изолированных групп, — написал М. Г. Левин, — представляют собой разорванные звенья древнего “американоидного ожерелья” по побережью Тихого океана»³. Эти разорванные звенья обнаруживаются, как он отмечал, на огромных территориях от Чукотки до Тибета, Восточного Китая, Филиппин, Тайваня и Индокитая. Другой наш ведущий антрополог, Н. Н. Чебоксаров, на основании краниометрических признаков разделил монголоидную расу на две ветви — континентальную (распространена в Сибири и Центральной Азии) и тихоокеанскую (распространена в Восточной и Юго-Восточной Азии). Н. Н. Чебоксаров осторожно писал об «основной роли» тихоокеанских монголоидов в заселении Америки.

Но звенья разорванного ожерелья мы находим не только на побережье Тихого океана. Сам М. Г. Левин упомянул о тибетцах как об одном из таких звеньев. Если же обратиться к внутренним районам Сибири, то и там мы найдем людей, которых уже давно называли «американоидами». Это енисейские кеты. Они, как и нивхи, говорят на совершенно изолированном языке. Лингвисты усматривают параллели между ним и языками индейцев на-дене. Кеты, видимо, пришли на средний Енисей с юга. Но с какого юга? С Алтае-Саянского нагорья? Из Тибета? Этнограф В. И. Анучин, обследовавший кетов в 1906 г., отметил среди них людей, напоминающих, по его мнению, «индейцев Северной Америки, особенно представителей племени апачов». В правдоподобности такого наблюдения можно было бы усомниться, тем более что сделано оно было задолго до той поры, когда антропологи научились подкреплять свои впечатления точными данными, поддающимися проверке. Дело, однако, в том, что апачи говорят как раз на одном из языков семьи на-дене. Лингвистические связи кетов с на-дене обнаружили совсем недавно, и В. И. Анучин о них знать не мог. Г. Ф. Дебец, обследовавший кетов через 35 лет после него и пользовавшийся гораздо более совершенными методами, подтвердил американоидные черты этого народа. Однако много лет спустя он высказал идею о родстве кетов с тибетцами. Одно другому не помеха, ведь у монголоидов «южные» черты — это в то же время «американоидные» черты. И одновременно «нейтральные» черты. И одновременно «протоморфные».

Кстати, Г. Ф. Дебец и у эскимосов усматривал сходство с тибетцами. Это не случайно: тибетцев, в силу их нейтральности («недифференцированности»), называли «протоморфными монголоидами». В. П. Алексеев, наверное, единственный антрополог в мире, кому довелось исследовать и эскимосов (на Чукотке), и монголоидов континентальной Сибири, и тибетцев (в Индии), и индейцев (на Кубе). Он установил, что монголоидные особенности усиливаются в такой последовательности:

³ Левин М. Г. Антропологические типы Охотского побережья // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 2. М.; Л., 1947. С. 102.

индейцы (самые протоморфные) — тибетцы — эскимосы — сибирские монголоиды (самые специализированные). В последнем случае нужно, по-видимому, сделать исключение для кетов: они явно обнаруживают тенденцию к «американоидности» (читай: «протоморфности»).

И. И. Гохман, который, как и его друг В. П. Алексеев, был учеником Г. Ф. Дебеца, организовал в 60-е гг. XX в. комплексную экспедицию по изучению кетов. Он пришел к выводу, что их американоидный облик свидетельствует о родстве не с индейцами, а с южными монголоидами. Другие антропологи с ним не согласились, но, как бы то ни было, мы снова сталкиваемся с той же закономерностью: «американоидные» антропологические признаки можно трактовать и как южно-монголоидные. Действительно, Я. Я. Рогинский давно уже обратил внимание на то, что антропологические типы, сходные с индейскими, существуют у ряда народов Юго-Восточной Азии, в частности у седангов, бахнар, май и хуа Вьетнама, а также у ифугао острова Лусон (Филиппины). «Мост народов», видевшийся Ф. Боасу, похоже, не только становится реальностью, но и приобретает характерные южные очертания.

Каким же образом носители южных антропологических черт проникли в Новый Свет? Ответ, казалось бы, очевиден: конечно, с юга, по восточному побережью Азии, как же еще? Не прямо же из Австралии в Америку через Тихий океан или даже через Антарктиду, как 80 лет назад виделось Полю Риве. Его гипотеза «зеркальна» по отношению к хейердаловской и потому не более правдоподобна (впрочем, и в наши дни идею прямого морского пути допускает А. А. Зубов). Морской путь, конечно, не исключен, но был он скорее всего более долгим, зато и менее рискованным. К чему пускаться неведомо зачем в открытый океан — не Индию же открывать? Можно постепенно — медленно, но верно — плыть короткими отрезками, осваивая все более северные участки богатого ресурсами тихоокеанского побережья Азии, а потом на восток вдоль Алеутской гряды. Об этом вроде бы и свидетельствуют индейские связи алеутов и нивхов. Ну а дальше таким же манером на юг, вдоль западного берега Америки. Что и говорить, путь неблизкий — зато безопасный.

Кстати, прибрежный тихоокеанский маршрут мог использоваться в любую эпоху — и до того, как ледники отступили, и после того, как Берингийская платформа оказалась под водой. Правда, до конца ледникового максимума ситуация для плавания была неблагоприятной — берег завален льдом, удобных мест для стоянки фактически нет. Но если мы находимся не в Берингии, а в более южных областях Северо-Восточной Азии, то ситуация не безнадежна, морской путь вдоль кромки материков в конце концов непременно приведет к южной оконечности американского континента. Или, по крайней мере, к югу центральной части Чили, где находится Монте-Верде. Условие одно: двигаться вдоль берега океана только в одном из двух возможных направлений, а именно налево (если смотреть в сторону моря). Маршрут простейший, сбиться с пути невозможно. Главное — не удаляться от побережья и идти (или плыть) налево и только налево, ведь именно в этом направлении продвигались предки — ранние сапиенсы — вдоль берега Индийского океана от своей африканской прародины в сторону Восточной Азии.

Секрет в том, что на азиатском берегу Тихого океана (если только это не западный берег Кореи или Камчатки) «налево» обычно значит «на север», на южной кромке Берингии — «на восток», а на американском берегу — «на юг».

Для каботажа от мыса к мысу или между близлежащими островами не нужен «Кон-Тики»: достаточно простейших лодок (возможно, кожаных), а ими умели пользоваться уже люди, заселившие Австралию 50 тыс. лет назад. Неужели же такими средствами не обладали те, кто заселял Новый Свет как минимум на 20—30 тыс. лет позже? Идею прибрежного плавания по тихоокеанскому пути как основного способа заселения Америки особенно энергично отстаивает Дж. Диксон (тот, который вел раскопки на острове Принца Уэльского и сумел договориться с тлинкитами по поводу останков их плейстоценового «предка»).

Пусть так, но чем притягивал австралоидов далекий и суровый север? Неужели в Южной Пацифике ресурсов не хватало? На это можно было бы задать встречный вопрос: а зачем люди заселили Австралию? Разве не хватало ресурсов в Юго-Восточной Азии? Ведь плотность населения на ранних этапах человеческой истории была ничтожно мала, соответственно невелика была и конкуренция за ресурсы. А зачем ранние сапиенсы мигрировали из Африки в Восточную и Юго-Восточную Азию? И зачем до них этот путь проделали архантропы (представители вида *Homo erectus*)? На эти вопросы едва ли кто-нибудь сможет дать сколько-нибудь убедительные ответы. Нельзя же всерьез считать таким ответом теорию пассионарности Л. Н. Гумилева (раз уж зашла о нем речь, надо упомянуть о том, что Л. Н. Гумилев считал индейцев дакота родственниками гуннов). Что же касается причин ранних миграций, то ведь и А. С. Пушкин, помнится, писал о чем-то подобном: «Им овладело беспокойство, / Охота к перемене мест»... И, наконец, нельзя забывать о фундаментальном научном принципе: было бы следствие, а причина найдется. Поэтому не будем ломать голову над свойствами темперамента ранних сапиенсов, а обратимся к фактам.

Бросим взгляд на восточную половину боасовского моста — на тихоокеанское побережье Северной и Центральной Америки. Оказывается, и тут живут (или до недавнего времени жили) племена с южными признаками. О перикю п-ова Калифорния, доживших почти до наших дней, мы уже упоминали. Да и у современных индейцев более северных областей (штат Калифорния), в частности у шошонов племени кауилья, у помо, юки, хупа, южные особенности — темная кожа, сильный рост бороды, широкий нос — выражены настолько явно, что Джозеф Бердселл сравнивал их с айнами и с некоторыми группами австралийских аборигенов. По его мнению, эти люди очень напоминают австралийско-монголоидных метисов. Дж. Бердселл знал, о чем писал — он много лет работал в Австралии. «Южные» типы Северной Америки концентрируются, судя по всему, в Калифорнии, но присутствуют и в других местах. Например, в некоторых индейских группах юга США и севера Мексики, в частности у яки (тех самых, у которых жил Кастанеда).

Иосиф Егорович (или, на французский лад, Жозеф) Деникер — русский антрополог, работавший во Франции, автор одной из первых научных классификаций человеческих рас, разработанной на рубеже XIX и XX вв., — выделил палеоамериканскую расу. В Северной Америке он отметил ее черты у калифорнийских

индейцев, а в Южной Америке они обнаруживаются в разных местах континента, среди племен, говорящих на разных языках: у индейцев группы макро-же (ботокудов и гуато), у тупи-гуарани (сирионо), у карибов (бакаири). Им свойственны «австралоидные» особенности (правда, чаще всего не в комплексе, а по отдельности): темная кожа, волнистые волосы, более сильный, чем у монголоидов, рост бороды, толстые губы, прогнатизм (выступление челюстей вперед). Древними признаками считаются также долихоцефалия и массивное надбровье — это особенно свойственно южным патагонцам, в том числе огнеземельцам. Есть основания думать, что протоморфные черты унаследованы от палеоамериканцев, живших тут с конца плейстоцена — людей типа Тока-душ-Кокейруш, Лагоа-Санта и Сабана-де-Богота. Об американских австралоидах особенно много писал впоследствии Х. Имбеллони, который находил австралоидность и в древнем населении (у лагидов), и у фуэгидов, особенно у ямана (рис. 9).

К сожалению, с антропологическим изучением аборигенов в Центральной и Южной Америке дело обстоит едва ли лучше, чем в Северной, а потому имеющиеся сведения крайне скудны. Предполагаемые потомки палеоамериканцев — это в основном группы, оттесненные в труднодоступные места: в джунгли Амазонки и Ориноко либо буквально на край света (если речь идет об Огненной Земле).

В наши дни южноамериканскими австралоидами активно занимается бразильский краниолог Вальтер Невеш, который полностью подтвердил идеи Х. Имбеллони на современном уровне развития краниометрической и статистической методики (см. цв. вкл. 35). В. Невеш полагает, что первыми мигрантами в Новый Свет были ранние сапиенсы, расселявшиеся из Африки, и соответственно имевшие тропические (негро-австралоидные) черты, но достигшие Берингии по тихоокеанскому побережью Азии лишь около 14 тыс. лет назад.

Действительно, опубликованная Т. Диллехэем в 2008 г. калиброванная дата морских водорослей из очагов верхнего горизонта Монте-Верде (их принесли издалека — с побережья или с устьев рек) именно такова. Такова же и калиброванная дата человеческих копролитов (окаменевших экскрементов) из пещеры Пэйсли Файв Майл Пойнт в штате Орегон (США). Все более ранние даты (в частности, для «Эвы из Наарона») весьма проблематичны. Т. Диллехэй, правда, полагает, что первая миграция в Новый Свет могла произойти гораздо раньше — 20–30 тыс. лет назад. По отношению к Берингии это вполне вероятно, но что касается территорий, лежавших к югу от ледника, то в пользу этого предположения пока свидетельствует лишь высокий уровень языковой дифференциации в Америке: по мнению лингвистов, чтобы его достичь, потребовалось 25–30 тыс. лет. С другой стороны, разве не могли быть разноязычными уже древнейшие американцы? О весьма раннем заселении всей территории Нового Света говорили прежде и генетики, но теперь они допускают столь большую древность лишь по отношению к Берингии (см. ниже).

Антропологическое свидетельство продвижения австралоидов по тихоокеанскому побережью Азии на север, в сторону Берингии, В. Невеш видит в одном из двух женских черепов эпохи верхнего палеолита из Верхнего Грота пещеры Чжоукоудянь под Пекином (его древность — 24–29 тыс. лет). Всего там нашли три черепа — мужской (о нем — ниже) и два женских. Впервые описавший их Франц

Рис. 9. Группа молодых огнеземельцев-ямана. Остров Осте (Чили), 80-е гг. XIX в. Ямана — самая южная аборигенная группа Америки и мира. Заметно физиономическое сходство с протоморфными монголоидами Юго-Восточной Азии (по Р. Гонсалесу-Хосе)

Вейденрейх считал, что мужчина был похож на европейского кроманьонца, а из женщин одна напоминала меланезийку, другая — эскимоску. По данным В. Невеша, на «африканку» Лузию (женщину из Лапа-Вермелья IV) более похожей почему-то оказалась «эскимоска», чем «меланезийка», но все эти обозначения, конечно, чисто условны и никакого реального смысла не имеют. Не было в Чжоукоудяне ни китайцев, ни европейцев, ни эскимосов, ни меланезийцев! Население этой пещеры с его диковинным обликом, недифференцированностью и разнообразием псевдорасовых типов являло собой такую аборигенную Америку в миниатюре. Настоящий Ноев ковчег, из которого потом могли выйти все позднейшие типы Нового Света. Ясно, что были и другие такие ковчеги на пути продвижения ранних сапиенсов в сторону Берингии. О проникновении австралоидных элементов в Америку через Берингов пролив уже писали Дж. Бердселл и Г. Ф. Дебец, причем последний допускал, что речь идет не об отдельных волнах миграции (австралоидной и монголоидной), а уже о «смешанных потомках какого-то восточно-азиатского народа, имевшего и монголоидные, и австралоидные черты»⁴.

⁴ Дебец Г. Ф. Происхождение коренного населения Америки // Народы Америки. Т. 1. М.; Л., 1959. С. 23.

Источником второй миграции в Новый Свет, согласно В. Невешу и Р. Гонсалесу-Хосе, была Сибирь или Центральная Азия. Вследствие этой миграции некоторые индейские группы стали монголоидными, тогда как другие сохранили недифференцированный или даже австралоидный облик первых колонистов.

В российской антропологии идея палеоамериканской расы была поддержана нашим ведущим одонтологом (специалистом по строению зубной системы) Александром Александровичем Зубовым. Впрочем, одонтологические данные играют в теории А. А. Зубова не главную роль. Вслед за Ж. Деникером и одновременно с В. Невешем он пишет о реликтах древнего населения Америки, оттесненных на окраины континента более поздними мигрантами. А. А. Зубов разделяет теории П. Риве и Х. Имбеллони о множественности миграционных волн и миграционных путей на территорию Нового Света. Древнейшим путем он считает тихоокеанский, причем не вдоль побережья, как полагает большинство современных исследователей, а прямо через океан из Австралии в Южную Америку. Все, конечно, возможно, да только на островах Южной Пацифики следов столь ранней миграции не обнаружено. Полинезия была заселена лишь около 4 тыс. лет назад, а изолированных участков суши, лежащих восточнее, на предполагаемом пути в Южную Америку, — островов Пасхи и Хуан-Фернандес (между ними около 3 тыс. км) — люди достигли еще позже. Если бы Робинзон Крузо попал не на воображаемый остров близ устья Ориноко, а на реальный тихоокеанский остров из архипелага Хуан-Фернандес, где жил его прототип А. Селкирк, он не нашел бы там Пятницу: остров был заселен совсем недавно, а раньше только флибустьеры причаливали к нему, чтобы зарыть свои сокровища.

Подобно Х. Имбеллони, А. А. Зубов не считает индейцев монголоидами и видит в них потомков еще не дифференцированного восточного надрасового ствола, включавшего в себя предков и австралоидов, и полинезийцев, и монголоидов. Он признает возможность берингийского пути заселения Америки, но в таком случае (полагает А. А. Зубов) это должно было бы произойти не менее 30, а то и 40 тыс. лет назад, до того, как австралоиды и монголоиды выделились из восточного ствола. Нет, если нам приходится выбирать между Кон-Тики (пусть и плывущим в обратном направлении) и едва ли приемлемыми датами заселения Америки, то что-то в наших рассуждениях не так... А впрочем, кто знает? Лингвисты и генетики до недавнего времени тоже допускали очень раннее заселение всего континента.

«Палеоамериканские» черты А. А. Зубов усматривает и у эскимосов. По некоторым краниологическим признакам эскимосы сходны с жителями Огненной Земли, особенно с ямана, живущими на противоположном конце Нового Света (о краниологическом сходстве эскимосов с полинезийцами мы уже упоминали). С огнеземельцами же эскимосов объединяет очень высокое и узкое носовое отверстие на черепе; есть сходство и в дерматоглифических показателях (кожных узорах). В. П. Алексеев, однако, указал на то, что специфическое строение носа в данном случае — явная адаптация к холодному климату (согласно так называемому правилу Томсона-Бакстона, ширина носа в среднем убывает по мере удаления от тропиков к высоким широтам вне зависимости от родственных связей

между группами). Если считать профилированное лицо индейцев (а также европейцев и неандертальцев) адаптацией к холоду, то тогда здесь перед нами еще одно проявление такой адаптации. Если так, то и селективный фактор мог быть иным: в одном случае уменьшение риска обморожения, во втором — более эффективное согревание вдыхаемого воздуха.

Эскимосов и огнеземельцев В. П. Алексеев назвал «биполярными расами». Специфичность дерматоглифического сходства между ними — под вопросом, поскольку генетическое сходство отсутствует. Спор решился недавно: проведенное Р. Гонсалесом-Хосе исследование не выявило между этими группами и краниологической близости. Естественный отбор, по-видимому, затрагивает лишь отдельные области черепа, но не общее его строение, а оно сближает огнеземельцев с другими патагонскими группами и противопоставляет их всех эскимосам. Эскимосы же, подобно другим представителям арктической расы (чукчам и алеутам), занимают по совокупности антропологических признаков совершенно определенное положение — промежуточное между сибирскими народами и индейцами.

А. А. Зубов изучил зубную систему у множества групп населения мира, в том числе у перуанских индейцев. Последние оказались монголоидными, что противоречило его представлению об индейцах как о недифференцированных представителях восточного ствола. Впрочем, индейцы Перу не относятся к палеоамериканской расе. Согласно А. А. Зубову, вполне монголоидны в одонтологическом отношении лишь индейцы Северной Америки, тогда как некоторые аборигенные группы Центральной и Южной Америки уклоняются в сторону южных монголоидов, полинезийцев, микронезийцев и айнов.

С А. А. Зубовым не согласен его американский коллега Кристи Тернер — решительный сторонник одонтологического единообразия всех индейцев. В этом смысле К. Тернера можно считать последним крупным приверженцем теории Алеша Хрдлички. По К. Тернеру, совокупность признаков зубной системы позволяет выделить среди монголоидных народов два типа: исходный (протоморфный) и более поздний — специализированный, усложненный. Первый тип (К. Тернер назвал его сундадонтным) распространен у народов Юго-Восточной Азии, где некогда существовал материк Сунда, а также у микронезийцев, полинезийцев и айнов. Второй тип К. Тернер назвал синодонтным (от позднелатинского обозначения китайцев — Sinae). Синодонтия присуща народам Сибири, монголам, северным китайцам (южные — сундадонты), японцам, эскимосам, алеутам и, по мнению К. Тернера, всем без исключения индейцам. Синодонтия возникла на базе сундадонтии.

Таким образом, выделенная Н. Н. Чебоксаровым по краниометрическим данным тихоокеанская ветвь монголоидной расы у К. Тернера как бы разорвана на две части. Северная часть в лице северных китайцев, японцев и эскимосов (всех их, а также индейцев Н. Н. Чебоксаров сближал с тихоокеанскими монголоидами) объединена с континентальной ветвью, а южная — с немонголоидными расовыми типами. Индейцы у К. Тернера, как видим, попадают в «северную» группу. Это не вяжется с другими антропологическими данными, свидетельствующими об их «южных» (читай: «протоморфных») особенностях.

Причина несоответствия, вероятно, в том, что две схемы — краниометрическая Н. Н. Чебоксарова и одонтологическая К. Тернера — отражают разные этапы расогенеза, причем одонтологическая дифференциация скорее всего древнее краниометрической. В частности, специализированный зубной комплекс (синодонтный), видимо, возник раньше, чем специализированная монголоидная морфология черепа (континентальная). Об этом, кажется, и свидетельствуют одонтологические данные об индейцах, отличающихся протоморфностью в строении черепа, но специализированным зубным типом.

К. Тернер полагает, что общие предки эскимосов, алеутов и индейцев жили на территории северного Китая 20 тыс. лет назад. Действительно, мужской череп эпохи верхнего палеолита из Верхнего Грота Чжоукоудяня (о женщинах оттуда мы уже говорили) согласно К. Тернеру был синодонтным. К сожалению, материал из этой пещеры был утрачен еще во время Второй мировой войны при попытке вывезти его морем в США. Вывод К. Тернера был сделан на основании слепка, и некоторые с ним не согласны. Между тем по строению черепа чжоукоудянец отнюдь не был монголоидом. По наблюдению Ф. Вейденрейха, этот человек напоминал верхнепалеолитических европейцев. И действительно, как заметил Г. Ф. Дебец, он был похож на своего современника, жившего на территории Центральной России — уже упоминавшегося нами кроманьонца из Сунгиря, которого Г. Ф. Дебец назвал «обобщенным представителем вида *homo sapiens*». Нет, не зря Х. Мюллер-Бек видел в сунгирце предка индейцев! Вернее, предком-то он, пожалуй, не был, а вот на человека из Чжоукоудяня был точно похож. А тот вполне мог быть и предком американских аборигенов: на это указывали многие.

Предвидим, что иные читатели от всего этого могут почувствовать легкое головокружение. Не запутались ли антропологи в своих собственных теориях, не дошли ли до полного абсурда? Сунгирь находится под Владимиром, Чжоукоудянь — под Пекином, откуда тут взяться сходству? А дело все в том, что, как уже давно указывал патриарх российской антропологии Виктор Валерианович Бунак, человеческие расы в верхнем палеолите просто-напросто еще не сложились. Кроманьонцы — обобщенные сапиенсы, не более того. Через полвека после В. В. Бунака этот взгляд — разумеется, без ссылки на В. В. Бунака, которого они вряд ли читали, — начали отстаивать английская исследовательница бразильского происхождения Марта Миразон-Лар, ее соотечественник В. Невеш, американский антрополог Дж. Пауэлл и их голландский коллега Г. ван Варк. Именно по причине позднего (постпалеолитического) формирования рас сунгирец — по виду не европеоид (хотя, по А. А. Зубову, одонтологический его тип — западный), а человек из Верхнего Грота Чжоукоудяня — по виду не монголоид (хотя, по К. Тернеру, он характеризуется не просто восточным, а специализированным монголоидным типом). Внешность у обоих верхнепалеолитических людей — обобщенно-сапиентная (отсюда, возможно, и сходство), а вот зубная система уже вполне дифференцированная, но в разных направлениях. Выходит, если разобраться, никакого противоречия нет. Все правы — и Ф. Вейденрейх, и В. В. Бунак, и Г. Ф. Дебец, и А. А. Зубов, и К. Тернер. И даже Х. Мюллер-Беку в наблюдательности не откажешь, да только ни к чему нас его наблю-

дение не обязывает. Не заселяли европейские кроманьонцы Америку ни через Берингию, ни через Гренландию!

Предки индейцев, по расчетам К. Тернера, основанным на «дентохронологии» (темпах изменения зубной системы), ушли из Сибири от 11–12 до 16–17 тыс. лет назад. Соответственно, К. Тернер твердо стоит на точке зрения «кловисцы — первые». Впрочем, все это — умозрительно, на основании дат. Как выглядели носители культуры кловис, мы не знаем. Единственные человеческие останки, связанные с данной культурой (они обнаружены в Энчик, штат Монтана), принадлежат двум детям и имеют плохую сохранность. Что касается других палеоамериканцев — людей из Уизардс Бич и Спирит Кэйв, то К. Тернер считает их синодонтами, хотя, как мы помним, строение черепа у большинства палеоамериканцев не индейское, а нейтральное, каким оно и должно быть у недифференцированных потомков жителей Восточной Азии конца верхнего палеолита. Айны (в которых тоже видят таких недифференцированных потомков) в этом смысле архаичнее индейцев: у них не только черепная морфология протоморфная, но и зубная система сундадонтная, т. е. тоже архаичная. И то же самое справедливо по отношению к полинезийцам.

Правда, одонтологи пока не пришли к единству. Хотя авторитет К. Тернера в западной науке огромен, его вывод о повсеместности сундадонтии в Америке оспаривается не только А. А. Зубовым. Знаменитого человека из Кенневика некоторые его коллеги считают сундадонтом и то же самое говорят про палеоиндейцев Бразилии и даже современных патагонцев (в том числе огнеземельцев). Об этом пишут, в частности, Дж. Пауэлл, В. Невеш, М. Лар и ее ученица Р. Хайденблит. Последняя изучила зубы жителей Мексики доиспанского периода и обнаружила, что сундадонтия у них преобладала над синодонтией. Синодонтна лишь самая поздняя группа (VI–VIII вв. н. э.), а в более ранних группах преобладает сундадонтия. Р. Саттер зафиксировал ту же тенденцию (от сундадонтии к синодонтии) в Центральных Андах, причем выяснилось, что синодонтный комплекс распространялся с севера, постепенно тесня сундадонтию на юг. Р. Саттер не без оснований видит тут отражение более поздней (и более монголоидной) миграционной волны, приведшей, как и писал в свое время Ж. Деникер и как пишет сейчас В. Невеш, к оттеснению потомков палеоамериканцев в труднодоступные уголки континента.

К. Тернер, однако, твердо стоит на своем. Он утверждает, что при недостаточном навыке (а у кого же навык больше, чем у него?) ничего не стоит принять легкую стертость жевательной поверхности коронки за упрощенный ее узор, характерный для сундадонтии. Чем больше синодонты жуют, тем более сундадонтными становятся. А к тому же (пишет К. Тернер) его оппоненты не всегда учитывают позднюю европеоидную примесь, которая может привести к такому же эффекту. Последний аргумент, понятно, ни к данным Р. Саттера, ни к данным Р. Хайденблит не относится.

Все эти разногласия, при всей их принципиальности, не меняют главного. В том, что специализированный одонтологический тип (синодонтный) широко распространен в Новом Свете, не сомневается никто. Спор идет лишь о том,

существует и существовала ли там сундадонтия. Главный вывод незыблем: зубная система индейцев (по крайней мере, в среднем) отражает более позднюю стадию эволюции, чем зубная система полинезийцев, у которых синодонтии попросту нет. А если так, то исчезает главный аргумент сторонников идеи раннего заселения Америки: ведь Полинезия была заселена сравнительно недавно, а значит, протоморфная морфология черепа и зубов сохранялась в Юго-Восточной Азии, откуда приплыли предки полинезийцев, до очень позднего времени! О том, как долго сохранялась она в более северных областях Азии, в частности в Сибири, мы ничего не знаем. Так стоит ли на основании некоторых черт протоморфности у индейцев удревнять заселение Америки до 30–40 тыс. лет?

Впрочем, Х. Мацумура и М. Хадсон полагают, что сундадонтия, свойственная жителям Юго-Восточной Азии, могла быть результатом смешения австраломеланезийского типа зубной системы с синодонтным, проникшим с севера (из Китая) в неолите в результате демографического давления из областей интенсивного рисоводства, заселенных специализированными монголоидами-синодонтами вроде северных китайцев. К. Тернер, понятное дело, не согласен и с этим (он считает сундадонтный тип самостоятельным, а не метисным). Но, независимо от того, как решится спор, наш главный аргумент остается в силе. Если австралоидность сохранялась в Юго-Восточной Азии, по крайней мере, до эпохи неолита (а на самом деле до наших дней, судя по уцелевшим там до сих пор реликтовым австралоидным группам), то почему же она не могла сохраниться столь же долго в Америке? Взгляните на семангов, сеноев, андаманцев, аэта, на горные народы Вьетнама, на полинезийцев, микронезийцев, наконец, на индонезийцев во всем их разнообразии — и вы увидите все стадии превращения Лузии или человека из Кенневика в современных индейцев. И не забудьте про айнов, они ведь живут совсем не в Юго-Восточной Азии, а в Японии. Еще сравнительно недавно область их расселения на севере доходила до Камчатки. Куда ведет отходящая от Камчатки цепочка Командорских и Алеутских островов — напоминать излишне. А вот об австралоидном облике калифорнийских индейцев, которых недаром сравнивали с айнами, пожалуй, можно и напомнить.

Итак, стадии... Теория стадильности (ее связывают с именем Н. Я. Марра, хотя связь тут лишь косвенная; важнее диалектика, переход количества в качество) была в моде среди наших археологов и антропологов в 30-е гг. XX в. В частности, Г. Ф. Дебец был убежденным марристом. О стадильности особенно много говорил его учитель — необычайно талантливый, рано умерший антрополог Аркадий Исаакович Ярхо. Под влиянием теории А. И. Ярхо Т. А. Трофимова в 1932 г. предположила, что монголоиды произошли от австралоидов, причем реликт ранней стадии этой эволюции — айны. Потом марризм был разгромлен Сталиным. Вместе с Н. Я. Марром, казалось, канула в Лету и стадильная теория. Среди антропологов особенно решительно против нее выступал М. Г. Левин, полагавший, что всякая промежуточность между австралоидами и монголоидами вызвана метисацией. Точь-в-точь спор Х. Мацумуры и М. Хадсона с К. Тернером о сундадонтии!

Похоже, настало время вернуться к идее стадильности. Никуда от нее не деться, ведь неравномерность темпов эволюции рас так никем и не была опровергнута.

Антропологи снова и снова обсуждали это явление и после того, как о стадиальности перестали говорить. По словам Н. Н. Чебоксарова, у каждой расы были свои австралоидные предки. Сейчас мы знаем, что впечатление обманчиво: австралийцев можно считать «живыми предками» только рас восточного ствола, так что Т. А. Трофимова была совершенно права. Но и по отношению к восточному стволу возникает вопрос: может ли одна и та же раса (монголоидная) параллельно и независимо возникнуть в разных местах (например, в Азии и в Америке) на основе своих австралоидных предков?

Если бы дело обстояло так, все было бы очень просто: попав в Америку, оказавшись там отрезанными от своей азиатской прародины и изолированными друг от друга, недифференцированные представители восточного ствола, имевшие австралоидный, полинезийский или айноидный облик, стали развиваться в монголоидном направлении, да так и не достигли цели. Кто-то задержался на более ранней стадии, кто-то на более поздней. Тогда единственной причиной различий была бы изоляция (межконтинентальная и внутриамериканская). Если бы это было так, не нужно было бы ни искать причину отличий палеоамериканцев от современных аборигенов, ни ломать голову над проблемой множественных миграционных волн. Достаточно было бы допустить, что каждая система антропологических признаков (строение лица, форма черепа, кожные узоры, зубы) независимо от других систем эволюционирует в заранее заданном (кем?) направлении. Хотя такую запрограммированность нельзя полностью исключить (мы мало об этом знаем), она все-таки кажется маловероятной.

Реликты очень затрудняют систематику. Те же айны — огромная загадка. Некоторые крупные авторитеты (у нас — Л. Я. Штернберг, М. Г. Левин и В. Р. Кабо, на Западе — тот же К. Тернер) считали, что айны пришли с далекого юга. Возможно, с того древнего и ныне полузатопленного, подобно Берингии, материка Сунда, который и дал название тернеровской сундадонтии (айны, напомню, сундадонтны и очень протоморфны по типу, как и их неолитические предки — создатели культуры Японских островов — дзёмон). Именно об этой протоморфности и свидетельствуют черты их сходства с индейцами, как древними, так и некоторыми современными, в частности с калифорнийцами. Кстати, согласно данным Н. Сегути и С. Л. Брэйса, дзёмонцы и по строению зубов, и по строению черепа были похожи на палеоиндейцев, особенно на «австралоидных» обитателей Лагоа-Санта.

Но если допустить вслед за Т. А. Трофимовой, что айны — антропологический реликт, то нет необходимости считать их родиной далекий юг. Айны — самый северный из таких реликтов, их тип сохранился в условиях изоляции со времени раннего неолита. Может быть, и с верхнего палеолита, ведь именно к верхнепалеолитической эпохе (17–18 тыс. лет назад без калибровки) относятся люди из Минатогавы на острове Окинава (архипелаг Рюкю). Они имеют вполне айнский (протоморфный) вид и вдобавок сундадонтны. Д. Стил и Дж. Пауэлл обнаружили, что по строению черепа обитатели Минатогавы, как и дзёмонцы, напоминали палеоиндейцев.

Кстати, и современные островитяне Рюкю явно протоморфнее японцев. Хотя они и монголоиднее айнов, но во многом похожи на них (это, видимо, самая

«айноидная» группа на свете, если не считать калифорнийцев). По-видимому, волна монголоидной колонизации с материка затронула крайний север и крайний юг Японии сравнительно мало. Иными словами, антропологическая ситуация в Японии примерно та же, что и в Юго-Восточной Азии, и, видимо, та же, что и в Новом Свете, где протоморфные (или, если угодно, айноидные) элементы существовали начиная с рубежа плейстоцена и голоцена (напомню об айнском облике мужчины из Кенневика и женщины из Пеньона) до современности (калифорнийцы). Это не значит, что между айнами и какими-либо индейцами или их предками существует особо тесное родство. Их сближают в сущности лишь протоморфные (предковые) признаки. Сходство по таким признакам зоологи и антропологи не считают доказательством родства, так как оно свидетельствует лишь о замедленных темпах эволюции.

Теперь упомянем о дерматоглифике — науке о пальцевых и ладонных кожных узорах. Наш крупнейший специалист в этой области Генриетта Леонидовна Хить изучила (по отпечаткам) огромный материал, относящийся к индейцам. Ее выводы таковы. Индейцы в целом занимают промежуточное положение между монголоидами и жителями Меланезии и Микронезии. Индейцы Северной Америки несколько ближе к северным монголоидам, чем к южным, тогда как индейцы Центральной и Южной Америки явно тяготеют в сторону южных монголоидов. «Австралоидная» тенденция более всего характерна для аборигенов Центральной Америки.

Настало время поговорить о новой области этнической антропологии. Она именуется этнической краниоскопией и особенно дорога автору этой главы, причастному к ее появлению. Речь идет об изучении мелких анатомических особенностей черепа — вариаций швов и отверстий. Выяснилось, что некоторые из этих особенностей ничуть не менее ценны для классификации групп, чем традиционные измерения. Вдобавок, они не связаны с измерениями на внутригрупповом уровне, а следовательно, являются независимым источником информации.

Когда по краниоскопическим признакам были изучены индейские черепа (к сожалению, всего две сборные группы — из Северной и Южной Америки), выяснилось, что индейцы очень далеки и от европеоидов, и от сибирских монголоидов. Слова Г. Ф. Дебеца о том, что «существующие краниологические приемы не позволяют отличить черепа “американоидов” от монголоидов с некоторой примесью европеоидного компонента», перестали отвечать действительности. Итак, и на второй его вопрос, обращенный к американским коллегам (чем же отличаются индейские черепа от европейских, если не профилировкой?), удалось дать ответ. Странные люди эти русские — сами задают вопросы, сами на них и отвечают.

Итак, краниоскопически индейцы вполне монголоидны. При этом, в отличие от европеоидов и от сибирских монголоидов, они очень протоморфны. Если считать северомонголоидный краниологический комплекс (континентально-монголоидный, по Н. Н. Чебоксарову) специализированным, а южномонголоидный (тихоокеанский, по Н. Н. Чебоксарову) — нейтральным и, видимо, предковым по отношению к континентальному, то можно сказать, что у индейцев в макси-

мальной степени выражена предковая (тихоокеанская) комбинация признаков. В краниоскопическом отношении индейцы оказались даже более протоморфны, чем южные монголоиды (индонезийцы). Особенно это относится к индейцам Южной Америки. Полное совпадение с данными А. А. Зубова и Г. Л. Хить и полное несовпадение с данными К. Тернера! Противоречие, впрочем, отчасти разрешимо, стоит лишь вспомнить, что не только группы, но и признаки различаются по темпам эволюции.

Австралоидности же у индейцев не обнаружилось: частота краниоскопического признака, дифференцирующего австралоидов и монголоидов, в индейских сериях оказалась вполне монголоидной. Что же касается арктической расы, представленной эскимосами, алеутами и чукчами, то она, как ей и положено, заняла строго промежуточное положение между Сибирью и Америкой. Таким образом, впервые по краниологическим материалам удалось реконструировать взаимоотношение монголоидных рас Старого и Нового Света. Краниометрия этого сделать не позволяла.

А как же сибирские «американоиды» — кеты? И. И. Гохман не только измерил живых кетов и исследовал их группы крови, но и добыл — с великими трудностями, из вечной мерзлоты — черепа их предков. Это позволило объективно сравнить кетов и с их сибирскими соседями, и с южными монголоидами, и с индейцами. По сочетанию краниоскопических и краниометрических признаков кеты оказались действительно очень протоморфны на сибирском фоне, но ни подлинной американоидности, ни южномонголоидного уклонения не проявили. Почти столь же протоморфны представители уральской расы — ханты, манси, селькупы и другие народы, которых никто к американоидам не причислял, хотя их загадочное краниометрическое сходство с индейцами мы уже обсуждали. Однако не будем спешить! Вспомним, в частности, о связях между языком, на котором говорят кеты (единственным оставшимся из целой вымершей языковой семьи), и языками индейцев на-дене. «Реликтовые» группы могут еще преподнести нам немало сюрпризов. А кроме того, нам еще предстоит рассмотреть генетические данные.

Мы упомянули об айнах, нивхах, индонезийцах, кетах, уральских народах как о формах, вероятно, отражающих разные стадии формирования монголоидной расы. Кто же может претендовать на роль истинных американоидов, боковых родственников индейцев? Прежде всего, конечно, потомки древних берингийцев — эскимосы, алеуты и чукчи. Их географическая и, главное, антропологическая промежуточность между Старым и Новым Светом не оставляет в этом сомнений. А во внутренних районах Сибири? Ведь если до континентальных монголоидов там жили протоморфные, т. е. шанс обнаружить среди древних групп такую, которая сохранила специфическое родство с индейцами, вернее, с их предками. Носители культур прибайкальского неолита, как мы выяснили, подлинными американоидами считаться не могут.

В свое время археолог и этнограф А. Н. Липский, человек романтической и трагической судьбы, получивший хорошее дореволюционное образование в Петербурге и Москве, а работавший в Сибири, обратил внимание на некоторые

параллели между погребальными памятниками окуневской культуры — одной из самых таинственных сибирских культур бронзового века — и ритуальным искусством североамериканских индейцев. Особенно тех же на-дене. В частности, тлинкиты раскрашивали себе лица широкими поперечными полосами — такими же, какие мы видим на лицах окуневских каменных стел. Краткая публикация А. Н. Липского, изданная в Томске в 1969 г., называлась «Американоиды на Енисее».

Четверть века спустя в сборнике тезисов конференции по окуневской культуре появилась публикация автора этой главы и двоих его учеников и коллег — Андрея Громова и Вячеслава Моисеева — под названием «Американоиды на Енисее? Антропологические параллели одной гипотезе» (имелась в виду гипотеза А. Н. Липского). Мысли, высказанные в этих тезисах, шли настолько вразрез с традиционными взглядами на окуневцев как на обычных европеоидно-монголоидных метисов вроде казахов, что даже вопросительный знак (отсутствовавший у А. Н. Липского) не помог. Редактор вышедшего по материалам конференции «Окуневского сборника» не решился напечатать нашу развернутую публикацию (с тех пор мы неоднократно публиковали наши результаты и в России, и на Западе).

Да, читатель, вероятно, уже догадался, к чему мы клоним: окуневцы — единственная из всех известных нам древних групп, обнаруживающая «индейское» сочетание краниоскопических признаков. Спору нет, окуневцы — метисы, у них есть значительный европеоидный компонент (видимо, связанный с носителями катакомбной культуры южнорусских степей). Но уклоняются окуневцы от европеоидов не в направлении сибирских монголоидов, а в направлении индейцев. По краниометрии ситуация менее определенная, но при объединении краниоскопических и краниометрических данных «индейская» тенденция сохраняется. Разумеется, никакого отношения к колонизации Америки окуневцы не имели и иметь не могли. Просто «американоидные» черты сохранялись в некоторых группах Сибири очень долго — на протяжении минимум 7 тыс. лет после того, как предки индейцев ушли оттуда в Новый Свет. Эти черты вполне отчетливы, несмотря на метисность. Они, несомненно, были унаследованы от населения Сибири более ранних эпох, но о нем мы знаем лишь по единичным находкам.

При объединении данных по двум независимым системам краниологических признаков — краниоскопии и краниометрии — выясняется, что американоидность нарастает в такой последовательности: большинство современных и древних сибирских групп (как европеоидных, так и монголоидных) — окуневцы и народы арктической расы (чукчи, эскимосы, алеуты) — индейцы Северной Америки — индейцы Южной Америки. Не отражает ли эта последовательность этапы миграций из Старого в Новый Свет? Главная разница между окуневцами и представителями арктической расы состоит в том, что первые занимают промежуточное положение между индейцами и европеоидами, тогда как вторые — между индейцами и сибирскими монголоидами.

Ситуация с современными народами континентальной Сибири менее ясная. Ни одной определенно «американоидной» группы по краниологическим при-

знаком обнаружить не удастся. При одном способе анализа индейская тенденция проявляется у кетов, при другом — у сагайцев (одной из племенных групп хакасов). Сагайцы, между прочим, обитают на Алтае-Саянском нагорье — там же, где до них жили окуневцы.

Вот теперь самое время обратиться к популяционной генетике. Представители этой современной и стремительно развивающейся науки нередко смотрят на традиционалистов-антропологов сверху вниз. Морфологические признаки, говорят они, во многом зависят от среды: словно антропологи не потратили многие десятилетия на то, чтобы отобрать признаки, наиболее стабильные и информативные. А генетические признаки (говорят генетики) от среды не зависят: словно подверженность естественному отбору нельзя считать зависимостью от среды. Но настал черед и популяционных генетиков разделить на традиционалистов (тех, кто по старинке изучает полиморфизм групп крови и белков сыворотки, например иммуноглобулинов и трансферринов) и новаторов (тех, кто стоит на переднем крае генетики и занимается самым захватывающим делом — изучением не признаков, которые кодируются ДНК, а самой ДНК как таковой). Что же могут нам сказать представители разных направлений популяционной генетики о заселении Америки?

Рассмотрим сперва данные генетиков-традиционалистов. Среди тех из них, кто занимается генетикой американских аборигенов, лидируют Луиджи Кавалли-Сфорца и Эмёке Сатмари. Согласно Л. Кавалли-Сфорца, исследование которого основано на частотах максимального числа генов (72), эскимосы, чукчи и северные на-дене (хайда, тлинкиты и северные атапаски) противостоят индейцам Центральной и Южной Америки, тогда как южные атапаски (апахи и навахо) вместе со всеми прочими индейцами Северной Америки занимают промежуточное положение. Таким образом, наблюдается постепенная изменчивость генных частот в направлении с севера на юг американского континента. Хотя сибирские народы изучены по неполному набору генов, они явно занимают в этом ряду крайнее место, вслед за эскимосами и чукчами.

Что же это за последовательность? Речь идет о постепенном убывании частоты монголоидных признаков (маркёров, как их называют генетики) от Сибири через Берингию и Северную Америку к Центральной и Южной Америке. Итак, мы снова наблюдаем то же, что уже наблюдали по другим системам — одонтологии, краниоскопии, дерматоглифике и др.: самые монголоидные люди в Америке живут на севере континента, ближе к Сибири (противопоставление эскимосов индейцам в данном случае не играет роли), тогда как Южная Америка оказывается заповедником некоей домонголоидной протоморфности. Просачивались ли монголоидные гены через Берингию на юг, постепенно иссякая, или же речь идет о нескольких волнах миграций — вопрос, горячо дебатиремый, но не кардинальный.

Так кто же такие с генетической точки зрения индейцы Южной Америки? Исчерпывается ли их характеристика общей домонголоидной протоморфностью, свидетельствующей о замедлении темпа эволюции? Как насчет реликтов, остатков палеоамериканской австралоидности, о которых столько говорили

соматологи и краниологи? На генетической карте Южной Америки, которую Л. Кавалли-Сфорца с помощью компьютера составил по всей совокупности генных частот, видно какое-то загадочное белое пятно в районе Анд. Л. Кавалли-Сфорца затруднился дать ему какое-либо объяснение, но предположил, что речь может идти о поздней полинезийской миграции. Никакими иными фактами такая миграция не подтверждается. А может, это и есть искомый реликтовый островок? Странно, впрочем, что в Андах, а не где-нибудь в Амазонии. Но, кстати, и встречаемость «восточноазиатской» гаплогруппы В мтДНК противопоставляет андийцев прочим индейцам Южной Америки (см. ниже). Не будем забывать и об общем краниологическом сходстве между индейцами и полинезийцами, ведь причиной этого сходства может быть та же самая протоморфность, возможно, унаследованная от одних и тех же домонголоидных предков, живших в Юго-Восточной Азии, а возможно, имеющая чисто стадиальную (реликтовую) природу.

Л. Кавалли-Сфорца присоединился к К. Тернеру, который пишет о трех миграциях, хотя, честно говоря, ни данные К. Тернера, ни его собственные убедительных подтверждений этому не дают. Дело в том, что подлинным автором идеи трех миграций был чрезвычайно влиятельный лингвист Джозеф Гринберг, который считал, что первыми Америку заселили предки тех, кого он называет «америндами» (всех индейцев, кроме на-дене), а две более поздние миграционные волны были представлены предками на-дене и эскоалеутов (эскимосы и алеуты говорят на родственных языках). Д. Гринбергу, которого постоянно критиковали его коллеги, были крайне нужны союзники среди антропологов, и он нашел их в лице К. Тернера, Л. Кавалли-Сфорца и еще одного генетика — С. Зегьюры. Последний, однако, впоследствии от этой идеи отказался, переметнулся к еще более престижной компании генетиков переднего края и теперь, на основании данных об Y-хромосоме, говорит всего об одной миграции (см. ниже).

Как видим, привычное для нас противопоставление эскимосов и алеутов индейцам не вполне соответствует генетическим данным. Генетическая граница проходит не там, где мы привыкли ее проводить. В самом деле, отличия «америндов» Южной и Центральной Америки, а также южных атапасков от потомков древних жителей Берингии — северных на-дене и эскоалеутов, к которым, вопреки лингвистическому принципу, примыкают чукчи, — не подлежат сомнению. А вот генетические различия между потомками древних берингийцев (северными на-дене, эскоалеутами и чукчами) гораздо менее отчетливы; южные атапаски — навахо и апачи — смешаны с америндами. Иными словами, главная генетическая граница совпадает не с языковым рубежом, а с природным. Этот рубеж — древний ледник.

Э. Сатмари отвергает теорию трех миграций. По ее мнению, главным фактором генетической дифференциации в Америке было то, что древние берингийцы — предки чукчей, эскимосов и атапасков — в течение примерно 6 тыс. лет были изолированы ледником от предков алгонкинов и всех прочих индейцев, живших к югу от ледника. Генетические данные ясно показывают, что арктическая раса, о которой писали наши антропологи, включает в себя не только эски-

мосов, чукчей и алеутов, но и индейцев на-дене, по крайней мере, их северных представителей.

А теперь обратимся к генетикам переднего края — тем, кто изучает ДНК как таковую, а также Y-хромосому. Прежде всего надо сказать о микросателлитных маркерах ДНК. Микросателлиты, или короткие tandemные повторы, — это разбросанные по геному последовательности, состоящие из многократно повторяющегося «мотива» (комбинации нуклеотидов). Ведущий эксперт по микросателлитам — один из крупнейших популяционных генетиков современности Лев Анатольевич Животовский (он работает и в Москве, и в Стэнфорде).

Л. А. Животовский и его американские коллеги Ной Розенберг и Маркус Фелдман обнаружили уникальный случай: целый континент — Америка — маркируется одним аллелем (вы легко можете найти эту мутацию в аутосомном микросателлитном локусе D9S1120). Исследование, проведенное американо-российской группой генетиков во главе с Кэри Шредер, показало, что данный маркер присутствует во всех без исключения 18 изученных аборигенных группах Америки, в том числе, с достаточно высокой частотой, у на-дене и эскоалеутов. У амазонских суруи — это одна из самых изолированных групп мира, язык которой относится к семье тупи — его частота достигает почти 100 %. В Старом же Свете он есть только у чукчей и коряков — потомков древних берингийцев. Если допустить, что к на-дене, эскоалеутам, чукчам и корякам этот ген попал от америндов в качестве примеси, то величина последней должна быть неправдоподобно высока. Остается лишь одно возможное объяснение: все аборигены Нового Света и их родственники на Чукотке и Камчатке произошли от одной-единственной группы основателей. Именно это еще раньше предположил Дж. Шилдс на основании анализа митохондриальной ДНК. Л. А. Животовский с коллегами по генетическим данным установил и примерную численность предковой группы — от 2 до 6 тыс. человек. Это компромиссная оценка. Некоторые генетики говорят о гораздо более маленькой группе, около 200 человек (Дж. Хей), другие называют цифры на два порядка больше — 10–12 тыс. человек (Х. Харпендинг, С. Бонатто, Ф. Сальзано, Э. Китчен, К. Маллигэн).

В 2008 г. опубликовано поистине грандиозное исследование аутосомных микросателлитных маркеров у американских аборигенов (см. цв. вкл. 36). Оно выполнено коллективом из 27 генетиков, работающих в 10 странах. Первой в списке значится фамилия Ван Сицзя (Великобритания), среди авторов — звезды мировой популяционной генетики Н. Розенберг (США), Ф. Сальзано (Бразилия), Ф. Ротхаммер (Чили), Л. Эскофье (Швейцария) и др. Каковы же результаты? Прежде всего интересно постепенное снижение генетической изменчивости и уменьшение сходства с сибирскими монголоидами по мере удаления от центра предполагаемого расселения — Берингии (тот же градиент обнаружил и Л. Кавалли-Сфорца). Аналогичным образом, кстати, убывает и генетическая изменчивость в мире по мере удаления от колыбели современного человечества — Африки.

Ближе всего к народам Сибири оказались не только на-дене, а именно северные атапаски (чипевьян), но и алгонкины (кри и оджибва). В Мезоамерике и в Андах еще чувствуется сибирское влияние, но на востоке Южной Америки оно почти

исчезает. Там, судя по всему, действительно живут самые изолированные группы в мире — помимо уже упомянутых суруи, это аче (тупи восточного Парагвая), видимо, также айорео. Суруи, аче и каритиана (все они говорят на языках тупи) в генетическом отношении не похожи вообще ни на кого в мире.

Авторы сделали убедительную попытку смоделировать пути заселения Америки. Наилучшей моделью считается та, в которой четче прослеживается убывание генетической изменчивости по мере удаления от исходного пункта миграции — Берингии. Путь вдоль тихоокеанского побережья лучше соответствует теоретическим ожиданиям, чем путь по безледному коридору Маккензи (три годами раньше тот же результат получил А. Фикс по данным о митохондриальной ДНК). Гипотеза тихоокеанского пути подтверждается и сходством андских популяций с мезоамериканскими (впрочем, не исключено, что это сходство возникло сравнительно недавно).

В тихоокеанскую модель не вписываются алгонкины: их предки пришли, видимо, все-таки по коридору. Выпадают также аче, гуарани и каинганг: их предки, должно быть, двигались вдоль атлантического побережья Южной Америки. Авторы считают, что наилучшим объяснением генетической изменчивости в Америке служит предположение об одной-единственной миграции через Берингию. Впрочем, они не исключают и последующих контактов с северо-восточной Сибирью, в том числе и позднего просачивания сибирских генов через Берингов пролив в последние века.

Справедливости ради нужно сказать, что, хотя идея тихоокеанского пути разделяется сейчас большинством антропологов, «теория коридора» все еще имеет много приверженцев, полагающих, что носители культуры кловис были первыми. В пользу этой теории говорит и предпринятое М. Хэмилтоном и Б. Бьюкенаном в 2007 г. компьютерное моделирование путей заселения Северной Америки на основании картографирования радиоуглеродных дат. Результаты свидетельствуют о быстром распространении носителей культуры кловис через безледный коридор на юг и восток начиная со времени 13,4 тыс. лет назад. Да, но как быть с полученными в 2008 г. и вроде бы вполне надежными докловисовскими датами — 14,0–14,2 тыс. лет назад (водоросли из Монте-Верде) и 14,3 тыс. лет назад (копролиты из Орегона)?

Есть и другие факты, не укладывающиеся в «теорию коридора». Палеоклиматологи во главе с А. Монтенегро предприняли компьютерное моделирование распространения одного из кишечных паразитов человека — анкилостомы (из группы нематод). Судя по копролитам из северной Бразилии древностью 7,2 тыс. лет, а также по чилийским и перуанским мумиям, этот паразит существовал в Южной Америке задолго до европейцев. Заражение происходило из почвы через кожу; личинки погибают при температуре почвы ниже +14°C, а взрослый паразит живет обычно не более 5–6 лет. Если первыми в Новом Свете были носители культуры кловис, а путь на юг лежал по коридору между ледниками, то, для того чтобы паразит уцелел, нужно было пройти этот самый холодный отрезок пути со скоростью минимум 180 км в год. И это при самых благоприятных условиях — по прямой, по наименее холодным местам! Между тем, по оценке

археологов, реальное продвижение от Аляски до Патагонии происходило со средней скоростью не более 26 км в год (эскимосы — носители культуры Туле — мигрировали от Аляски до Гренландии со скоростью 15–30 км в год). Если же носители культуры кловис задержались в коридоре более чем на 10 лет, как это следует из радиоуглеродных дат, то паразита в Новый Свет занесли не они. Остается либо предположить, что первопроходцы двигались по менее холодному тихоокеанскому побережью, либо вернуться к гипотезе транстихоокеанских контактов.

Другие представители привилегированного сословия генетиков — это те, кто изучает митохондриальную ДНК (мтДНК) и Y-хромосому. Начнем с первых. ДНК содержится, как известно, не только в клеточном ядре, но и в митохондриях. МтДНК передается только по женской линии, у нее быстрый темп мутаций (значительно выше, чем у ядерной ДНК), и картина ее изменений не осложняется рекомбинацией.

МтДНК стала необычайно популярным объектом изучения, ведь она позволяет проследить пути расселения по свету женщин. У мужчин мтДНК тоже имеется, но они не участвуют в ее передаче следующим поколениям. Передача осуществляется только от матери к дочери, от нее к внучке и т. д. Не будет дочерей — матрилиния прервется. Заветная мечта феминисток тут находит полное воплощение — мужчин как бы и вовсе нет, они не нужны. Именно на основании мтДНК Р. Канн, А. Уилсон и М. Стоункинг создали теорию африканской Евы, гласящую, что все человеческие матрилинии ведут происхождение от небольшой группы прародительниц, живших в Африке около 200 тыс. лет назад. Колонизация сапиенсами Евразии, по этим данным, произошла в интервале от 100 до 50 тыс. лет назад.

МтДНК гораздо легче извлечь из древних костей, чем ядерную ДНК. Это сделал впервые Сванте Паабо, извлекая мтДНК из костей неандертальца и обнаруживший, что никаких следов неандертальских матрилиний в генофонде современного человечества нет, следовательно, нет и свидетельств того, что сапиенсы смешивались с неандертальцами. Точнее, нет свидетельств того, что мужчины-сапиенсы вступали в союз с неандертальскими женщинами. Происходило ли обратное? Как будто тоже нет, хотя тут уверенности меньше, ведь извлекать из древних костей информацию об Y-хромосоме (это делается на основании точечных нуклеотидных полиморфизмов) генетики научились лишь в самое последнее время.

В аборигенном населении Америки до недавнего времени отмечалось пять линий (гаплогрупп) мтДНК, прочие — результат поздней европейской и африканской примеси (см. цв. вкл. 37). Гаплогруппы А, В, С, D — главные, причем А сильно преобладает над прочими. Группу D прежде не считали предковой, но относящийся к ней гаплотип недавно обнаружили в человеческом зубе древностью 10,3 тыс. лет из пещеры на о-ве Принца Уэльского (зуб принадлежал тому самому «предку тлинкитов», который сам отдал себя в руки ученых, чтобы даровать им знание). В Азии такой вариант исключительно редок, в Америке же он встречается у 1,4 % индивидуумов. Выходит, он «местный»! Это, по мнению Б. Кемпа,

свидетельствует о значительном накоплении генетической изменчивости в Америке за 10 тыс. лет. Вероятно (полагает он), прежние оценки темпа эволюции мтДНК были занижены вдвое, а то и вчетверо. Соответственно и древность заселения Америки завышалась. Б. Кемп считает, что самая реалистичная оценка — около 13,5 тыс. лет.

Значит, все-таки кловис? Правда, надежных докловисовских дат (почти на 1000 лет раньше) тогда еще не было. До Б. Кемпа столь же быстрый темп эволюции мтДНК допускал лишь Дж. Шилдс — тот, который писал об одной-единственной миграции в Америку 12–13 тыс. лет назад. Прочие генетики с ним не соглашались и, исходя из предположения о медленной эволюции мтДНК, говорили об очень раннем заселении — 20–25 тыс. лет назад (по П. Форстеру) и даже 26–34 тыс. лет назад (по А. Торрони). С. Бонатто и Ф. Сальзано также полагали, что люди прошли по коридору Маккензи не после, а до того, как он оказался прегражден ледниками, т. е. до 20 тыс., а скорее всего 26–34 тыс. лет назад. Миграция же в Берингию произошла, согласно этой гипотезе, еще раньше — 30–43 тыс. лет назад. Те, кто там остался (предки эскимосов, чукчей и на-дене), оказались изолированы ледником от предков америндов. Ту же точку зрения отстаивает и Э. Саттари. Возможно, находка с о-ва Принца Уэльского заставит пересмотреть такие взгляды. И не только она!

Действительно, совсем недавно, уже в XXI в., методика исследования мтДНК была усовершенствована. Теперь стали изучать не отдельную ее часть — так называемый контрольный участок, а всю структуру целиком (это называется «полным секвенированием»). Итог новым работам попытались подвести Н. Фагундес с соавторами в 2008 г. По их оценке, время расхождения (генетики называют его временем коалесценции) основных американских гаплотипов внутри главных гаплогрупп — 13–19 тыс. лет, скорее всего — 18 тыс. лет (конец последнего ледникового максимума). Значит, компромисс! До кловиса, но не так давно, как думали генетики еще в конце XX в. О том, что миграция произошла сразу же после пика последнего оледенения, пишут теперь и другие генетики — Ф. Сальзано, А. Акилли, К. Аткинсон и др. Сходная точка зрения (одна миграция около 16 тыс. лет назад) давно уже высказывалась американским антропологом классического направления Уильямом Лафлином.

Уточним: речь идет о миграции из Берингии на юг. Сама же Берингия, по новым оценкам генетиков, была заселена значительно раньше — более чем за 5 тыс. лет до последнего ледникового максимума, хотя вряд ли раньше 25 тыс. лет назад. В Берингии, в условиях ледяного плена, предковая группа резко уменьшилась в численности и растеряла значительную часть своей генетической изменчивости. Для обозначения такой демографической ситуации генетики применяют термин «bottleneck» — бутылочное горлышко. Потом, в финале плейстоцена, климат стал мягче, льды отступили и началось что-то вроде демографического взрыва. Люди двинулись на юг, но не по коридору Маккензи (он еще не образовался), а вдоль освободившегося ото льда берега Тихого океана. Следов этой миграции нет, да и быть не может, ведь с тех пор уровень океана сильно повысился, и стоянки оказались затоплены.

Чтобы проследить динамику роста предковой популяции, Н. Фагундес применил метод «байесова горизонта» (Томас Байес — предшественник создателей теории вероятностей и математической статистики — жил в XVIII в.). Получилась четкая картина однократного и резкого увеличения размеров группы основателей сразу после последнего ледникового максимума. Этот интервал (18–15 тыс. лет назад), по Н. Фагундесу, и есть время миграции из Берингии на юг. Заселение Евразии сапиенсами — мигрантами из Африки — согласно этому методу, оценивается временем 40–80 тыс. лет назад, а последний общий предок европейцев, азиатов, австралийцев и индейцев жил всего лишь 60 тыс. лет назад.

Согласно К. Маллигэн и ее коллегам, которые одновременно с Н. Фагундесом применили тот же метод байесова горизонта, резкий рост предковой группы (в 80 раз) произошел несколько позже — в интервале 16–12 тыс. лет назад и соответственно мог быть связан с открытием коридора Маккензи (см. цв. вкл. 38). В течение этого интервала и происходило заселение всей территории Нового Света, лежащей к югу от ледников. До этого предковая группа была заперта в ледяном берингийском плену, который длился от 7 до 15 тыс. лет (С. Бонатто и Ф. Сальзано назвали эту ситуацию «берингийским инкубатором»). По К. Маллигэн, отсутствие археологических свидетельств столь давнего и длительного пребывания людей в Берингии объясняется тем, что значительная часть этого региона затоплена. Кстати, по данным о мтДНК древних берингийских бизонов их численность стала резко убывать именно 30 тыс. лет назад. Действие антропогенного фактора вполне вероятно.

Так был ли «берингийский инкубатор», или же люди колонизовали Новый Свет сразу? Ответить на этот вопрос недавно попыталась большая группа генетиков, включающая ученых из Эстонии, России, США, Италии, Бразилии и Аргентины (список включает 21 фамилию). Особое место здесь занимает блестящая плеяда специалистов из Тарту во главе с одним из ведущих популяционных генетиков мира, президентом Эстонской академии наук Рихардом Виллемсом. Каков же ответ? Время коалесценции (т. е. древность) всех основных гаплогрупп мтДНК Нового Света в пределах каждой гаплогруппы — около 14 тыс. лет. Это на 4 тыс. лет меньше оценки Н. Фагундеса, но все равно до кловиса! Главный же результат таков: да, «инкубатор» существовал. Группа первопроходцев Нового Света оставалась в Берингии достаточно долго для того, чтобы там могли накопиться специфические мутации, которых нет в Азии. Сколько именно времени, сказать трудно ввиду отсутствия прямых археологических свидетельств этого. Косвенное свидетельство, впрочем, имеется — это недавно открытая верхнепалеолитическая стоянка на р. Яне в Якутии. Ее древность — 27–29 тыс. лет, а отсюда следует, что и до Берингии люди могли добраться достаточно рано. Иными словами, продолжительность берингийской стадии могла достигать 15 тыс. лет. Срок, между прочим, вполне достаточный, чтобы у индейцев в результате адаптации к холоду выработалась «псевдоевропейское» строение лицевого скелета, ставившее в тупик антропологов.

Но вернемся к генетике и к теории «инкубатора». Специфические для Нового Света «берингийские» мутации равномерно распределены по Северной и Южной

Америке. А отсюда следует, что после берингийской стадии произошло не медленное и постепенное «просачивание» на юг, а быстрое распространение по всему континенту (П. Мартин назвал это «блицкригом», а нашим читателям наверно ближе термин «триумфальное шествие»). Кстати, обмен гаплогруппами между Сибирью и Америкой мог происходить и после заселения Нового Света.

Помимо четырех главных гаплогрупп-основательниц, в Америке представлена еще одна гаплогруппа — Х. В Старом Свете она характерна не для восточной, а для западной Евразии, в частности для Европы и Ближнего Востока. В Новом же Свете гаплогруппа Х есть только у североамериканских индейцев, в частности у якама (из тех самых сахаптинов, что не сумели доказать своего родства с Кенневикским человеком), у атапасков (навахо), вакашей (ну-ча-нулт, они же нутка), сиу и алгонкинов (оджибва). Нашли ее и в костных останках древностью около 1300 лет из штата Вашингтон. По мнению некоторых генетиков, гаплогруппа Х была занесена на континент предками аборигенов, но не с той миграцией, которая принесла гаплогруппы А–D, а позже: недаром до Южной Америки эта гаплогруппа добраться не успела. Согласно Т. Шуру и С. Шерри, первая миграция предшествовала кловису и произошла 15–20 тыс. лет назад, вторая же имела место после образования коридора Маккензи 14–13 тыс. лет назад и была связана с носителями культуры кловис — предполагаемыми носителями гаплогруппы Х. Кстати, встречаемость самой частой гаплогруппы А у индейцев северо-запада Северной Америки закономерно убывает по мере удаления от тихоокеанского побережья. Тем не менее Д. Мерриуэзер считает, что миграция была всего одна, а дифференциация произошла уже в Новом Свете (этой же точки зрения придерживаются и другие генетики обеих Америк — П. Форстер, С. Бонатто, Ф. Сальзано, В. Сильва, Р. Малхи и К. Маллигэн).

Откуда же пришли носители всех этих матрилиний? Ответ на это пытаются дать российские генетики, изучающие народы Сибири, вместе с их американскими коллегами. Результаты, полученные разными научными коллективами, не совпадают. Согласно Р. И. Сукернику и его коллегам (Е. Б. Стариковской, О. А. Дербеновой, Н. В. Володько и др.), сотрудничающим с американскими генетиками (Т. Шуром, Д. Уоллэсом и др.), родственные американским гаплогруппы группы А есть у манси и кетов, группы В — у тубаларов и тувинцев, групп С и D — у ульчей. Таким образом, локализовать очаг миграции на территории Сибири не удастся (еще раньше некоторые генетики — С. Хораи, А. Торрони, Д. Уоллэс и др. — предполагали, что разные матрилинии попадали в Новый Свет в результате отдельных миграций). Аналогичное предположение делалось и по отношению к Южной Америке, где высокая встречаемость гаплогруппы В противопоставляет андские популяции прочим (Л. Родригес-Дельфин).

И. А. Захаров и его сотрудники (М. В. Деренко, Б. А. Малярчук, Г. А. Денисова и др.) с группой Р. И. Сукерника не соглашаются. Они утверждают, что очаг миграции в Новый Свет с полной определенностью локализуется в Южной Сибири. По их данным, распределение гаплогрупп А–D позволяет утверждать, что особенно близки к американским аборигенам тувинцы и сойоты (тюркизированные потомки саянских самодийцев), а также буряты. У алтайцев же впервые

обнаружена и таинственная гаплогруппа X, позволившая некоторым говорить о древних связях между американскими индейцами и европейцами, поскольку на промежуточных территориях Евразии ее найти не удалось. По И. А. Захарову, гаплотип X, обнаруженный на Алтае, — не европейского происхождения и ближе к американским вариантам. Т. Шур поначалу в этом усомнился, но потом в совместной с С. Шерри статье даже постулировал отдельную миграцию носителей культуры кловис через безледный коридор, якобы принесшую гаплогруппу X в Новый Свет.

Прародина американских индейцев, по мнению И. А. Захарова, — Саяны, откуда и произошла миграция в Берингию. Около 70 % тувинцев и почти все индейцы, по его мнению, — потомки четырех женщин (он даже дал им имена по первым буквам гаплогрупп — Анай, Борбак, Чачый и Дарый). Имена красивые, а нам остается напомнить об окуневско-индейских краниологических (возможно, и культурных) параллелях, ведь окуневцы жили совсем рядом, а хронологически были на 3,5 тыс. лет ближе к предполагаемой предковой группе, чем современные народы. Кстати, проведенный Т. Шуром анализ мтДНК из неолитических и энеолитических погребений в Прибайкалье особой близости какой-либо из этих групп к индейцам не выявил (то же самое, как мы помним, относится и к результатам краниологических исследований).

Т. Шур и С. Шерри полагают, что обе постулируемые ими миграционные волны (докловисская, вдоль тихоокеанского побережья Америки, и кловисская, по безледному коридору) имели один и тот же источник — Южную Сибирь. У большинства народов, упоминаемых И. А. Захаровым, краниологического сходства с индейцами не обнаруживается. Зато по нашим данным оно, возможно, прослеживается в одной из групп хакасов (у сагайцев), а ведь и они живут тут же!

Итак, Южная Сибирь? Однако другие генетики, в частности Д. Мерриуэзер и К. Кольман, считают прародиной индейцев Монголию и Тибет, где также найдены все четыре гаплогруппы мтДНК, свойственные индейцам. Правда, Монголия и Тибет — части того же восточно-центральноазиатского региона, однако Дж. Нил на основании данных о распространении одного из лимфотрофных вирусов локализовал прародину американских аборигенов на очень обширной территории, включающей Монголию, Маньчжурию, Приамурье и Приморье.

Об очень широком ареале предковых типов мтДНК говорят и генетики из группы Р. И. Сукерника, а также Д. Уоллэс. Так, Н. В. Володько с коллегами в недавней работе предполагают, что очаг миграции в Новый Свет включал территории от Алтае-Саян до нижнего Амура и Охотского побережья. В частности, новый вариант гаплогруппы D, а именно D10, возник, видимо, 17 тыс. лет назад на Дальнем Востоке (возможно, в Приамурье), а потом распространился на север по тихоокеанскому побережью Азии и далее на юг по тихоокеанскому побережью Америки. Впервые его обнаружили у каяпа Эквадора; кроме того, он присутствует у ульчей и японцев, а недавно его нашли в человеческом зубе древностью 10,3 тыс. календарных лет с о-ва Принца Уэльского (об этой находке мы уже говорили). Родом с Амура, вероятно, и гаплогруппа C1. Ее древность оценивается в 24 тыс. лет, она есть у ульчей, нанайцев, японцев и бурят. Н. В. Володько и ее

соавторы считают, что во время последнего ледникового максимума существовали два миграционных очага — один в Алтае-Саянах, другой — на среднем или нижнем Амуре. Значит, и миграций в Новый Свет было две, а не одна, как казалось на основании анализа неполных последовательностей мтДНК. Первая произошла из одного из этих очагов (из какого именно — неясно) 25–30 тыс. лет назад, вторая — из Приамурья и прилегающих районов Монголии и Маньчжурии в финале плейстоцена, около 12 тыс. лет назад.

Добавим к этому, что, по предположению Т. Шура, гаплогруппа В — одна из американских гаплогрупп-основательниц — возникла не в Сибири, а в Восточной или даже Юго-Восточной Азии, причем четыре гаплогруппы-основательницы (А–D) в комплексе встречаются на территории от Алтая до Японии и Кореи. Нет, сторонникам идеи заселения Америки вдоль тихоокеанского побережья Азии сдаться рано!

Совсем недавно у аборигенов Нового Света обнаружилась шестая гаплогруппа — М. Ее нашли в человеческих костях древностью около 5 тыс. лет из Британской Колумбии (Канада). Данная группа часто встречается в Восточной Азии, есть она и в Сибири. Итак, правы те, кто считают, что генетическая изменчивость у предков аборигенов Америки снизилась по сравнению с исходной изменчивостью, принесенной из Азии.

Было бы несправедливо, если бы нельзя было по генетическим данным реконструировать историю и мужской половины человечества. Именно для этого используются гены нерекombинирующего участка Y-хромосомы. Ввиду отсутствия рекомбинации, нуклеотиды наследуются целым блоком, образующим гаплогруппу, мутации же не перетасовываются, а накапливаются в линейном (хронологическом) порядке. В этом смысле ситуация та же, что с мтДНК, только Y-хромосома наследуется по мужской линии, подобно фамилии. Тут у мужчин даже есть преимущество над женщинами. Те хоть и передают мтДНК только по своей линии, но не запрещают мужчинам ее иметь. Y-хромосома, между тем, атрибут мужского пола. Люди, реконструирующие историю передвижения мужчин по земному шару, также относятся к привилегированной касте генетиков.

Все патрилинии современного человечества происходят от одной африканской группы прародителей, причем древность этой группы по данным об африканском Адаме еще меньше, чем по данным об африканской Еве — менее 90 тыс. лет (даже сами генетики признают, что эта оценка скорее всего занижена). Популяционная история, реконструируемая по Y-хромосоме, может сильно отличаться от реконструкции по мтДНК (см. цв. вкл. 39, 40). Так, оценка европейской примеси у аборигенов оказывается в первом случае гораздо выше, чем во втором, ведь источником европейских генов были в основном мужчины, вступавшие в связь с местными женщинами.

Основная информация о генеалогии Y-хромосом американских аборигенов получена Татьяной Карафет и Стивеном Зегьюрой (оба работают в университете Аризоны), Дж. Леллом, а также Р. И. Сукерником и другими генетиками из его группы. Дж. Лелл и Р. И. Сукерник с соавторами считают, что имели место две миграции. Первая, древностью 20–30 тыс. лет — из Южной Сибири; она принесла

вариант M45a, на основе которого в Северной Америке возник вариант M3, распространившийся по всему Новому Свету. Вторая, более поздняя (всего лишь 7–9,5 тыс. лет назад) — с нижнего Амура или Охотского побережья; она привела к распространению вариантов M130 и M45b среди индейцев Северной и Центральной Америки.

Выводы Дж. Лелла, Р. И. Сукерника и их коллег подверглись критике со стороны Э. Тарасона-Сантоса и Ф. Сантоса. По их мнению, незачем постулировать вторую миграцию, поскольку источником всех аборигенных Y-хромосом вполне могла быть Южная Сибирь. В самом деле, вариант M130 есть не только на нижнем Амуре и Охотском побережье, но и у кетов, селькупов, тофаларов, енисейских эвенков, а вариант M45b част в Европе, а потому может свидетельствовать о поздней европеоидной примеси. Если так, то жители Восточной Сибири не участвовали в заселении Америки.

Блиzkих взглядов придерживаются Т. Карафет с С. Зегьюрой. Последний был в прошлом сторонником теории трех миграций Гринберга–Тернера, но под влиянием данных об Y-хромосоме отказался от нее. Поначалу он допускал возможность двух миграций с Алтае-Саянского нагорья, но затем решил, что достаточно было всего лишь одной миграции из этого района. Давность расхождения алтайских и американских вариантов, по оценке Т. Карафет и С. Зегьюры, находится в интервале 10–17 тыс. лет. Отсюда следует, что миграция произошла после последнего максимума оледенения. Теории одной миграции придерживается большинство генетиков, занимающихся Y-хромосомой, — П. Андерхилл, Н. Бьянки, К. Маллигэн и др.

Однако М.-К. Бортолини и Ф. Сальзано с коллегами, а также Т. Шур и С. Шерри, подобно Дж. Леллу, придерживаются теории двух миграций. Правда, источником обеих миграционных волн, по их мнению, была Южная Сибирь. Первая волна принесла в Новый Свет варианты M45a, M242 и M3, которые распространены по обеим Америкам. Вторая же волна, совпавшая с освобождением ото льда коридора Маккензи, привела к распространению вариантов M45b, M130 и M17 (они есть только в Северной и Центральной Америке). Проникновение человека в Новый Свет, по Бортолини и ее коллегам, произошло около 14 тыс. лет назад (такова древность новооткрытого варианта M242 в Америке). Между тем Дж. Лелл годом раньше писал о времени 20–30 тыс. лет! Приходится заключить, что в отношении Y-хромосомы ясности еще меньше, чем в отношении мтДНК.

Карты, рисуемые генетиками, замечательны — одна красивее другой. На широкую публику они производят неотразимое впечатление. На этих картах через всю планету тянутся разноцветные стрелки, обозначающие пути распространения миграционных волн; с точностью до столетия подсчитано время, когда эти волны прокатывались по Земле. Беда лишь в том, что между собой генетики договориться не могут. Расхождения, как мы видим, огромны, консенсуса не видно. Любой новый факт может радикально изменить реконструкцию, которая совсем недавно казалась такой надежной. Вспомним хотя бы историю с редким вариантом D10 гаплогруппы D мтДНК из зуба «предка тлинкитов» или с вариантом M242

СИБИРЬ И ПЕРВЫЕ АМЕРИКАНЦЫ

Y-хромосомы: и тот, и другой заставили радикально сократить время заселения Америки.

Что поделаешь, наука есть наука. Нам остается запастись терпением и ждать того момента, когда специалисты достигнут согласия. Тогда перед нами наконец-то окажется не много карт, а всего одна — единственно надежная. Та, которой мы сможем доверять. А пока этот момент не настал, было бы разумнее не обольщаться яркой видимостью и — главное — не забывать о фактах, которые на протяжении многих десятилетий накапливали специалисты в разных областях этнической антропологии. Эти факты устарели ничуть не больше, чем иные из гипотез, которые еще вчера предлагали нам генетики. Только синтез всей накопленной информации поможет понять, откуда пришли предки индейцев, по какому пути (или по каким путям) они двигались, сколько было миграционных волн и как давно все это произошло.

Глава 6

ОТ ОХОТНИКОВ-СОБИРАТЕЛЕЙ – К СТРОИТЕЛЯМ ПИРАМИД

Читателям уже ясно, насколько сложно предложить исторически непротиворечивую интерпретацию тех археологических находок, которые связаны с эпохой заселения Америки человеком. Но не меньше вопросов возникает и по поводу происхождения здесь производящего хозяйства и цивилизации. Во введении к книге рассказывалось, как по-разному осмыслили этот процесс представители разных научных школ. Их взгляды зависели как от идей, усвоенных в начале научной карьеры, так и от открытий, сделанных ими самими или их коллегами.

Благодаря исследованиям американских генетиков, в последние годы в изучении раннего американского земледелия открылись совершенно неожиданные перспективы. Оказалось, что индейцы могли обладать элементарными навыками выращивания растений еще до своего переселения в Новый Свет либо овладеть такими навыками уже после миграции в Америку, 13–14 тыс. лет назад. Хотя данная гипотеза выглядит несколько фантастично, она опирается на весомые свидетельства.

На протяжении многих десятилетий при раскопках древних памятников Северной, Центральной и Южной Америки археологи обнаруживали остатки тыквы-горлянки (*Lagenaria siceraria*). Если кожуру и семена горлянки, относящиеся к IV или V тыс. до н. э., можно было истолковать как свидетельства раннего земледелия, то более древние образцы практически единодушно считались происходящими от дикорастущих растений. Правда, было известно, что родиной горлянки является Африка, а отнюдь не Новый Свет. Поэтому предполагали, что ветры и морские течения перенесли плоды африканской горлянки в Америку еще до того, как она была заселена человеком.

Обследование горлянки генетиками позволило, однако, установить любопытные факты. Африканские и азиатские разновидности этого растения представляют собой отдельные подвиды, между которыми уже долгое время не было обмена генетическим материалом. Все американские образцы, начиная с найденного в пещере Гила-Накиц в Оахаке и датированного IX тыс. до н. э. (10–11 тыс. лет назад по радиоуглероду) и кончая образцами, относящимися к эпохе Колумба,

родственны азиатскому подвиду, а горлянка африканского происхождения попала в Америку лишь после Колумба. Удалось понять логику морфологических изменений плодов горлянки в процессе ее окультуривания. Дикорастущие экземпляры имеют тонкую хрупкую кожуру, которая трескается после созревания семян. Культурные экземпляры имеют толстую кожуру, которая необходима, если мы собираемся использовать плод в качестве сосуда или поплавок для сети. Трескается такая кожура с трудом, и распространение семян без помощи человека становится проблематичным. Оказалось, что все найденные в Америке экземпляры горлянки относятся к растениям, которые разводили, а не собирали. Если дикую азиатскую горлянку морские течения и приносили к берегам Америки, сомнительно, что ее семена сохраняли всхожесть после подобного путешествия. Кроме того, учитывая хрупкую кожуру, найденная на берегу дикая горлянка вряд ли представляла для человека практический интерес. Отсюда вывод: американская горлянка происходит от предка, который ранее IX тыс. до н. э. уже был окультурен в Восточной Азии. В Китае и Японии самые ранние образцы культурной горлянки на одно-два тысячелетие моложе, чем в Гила-Накиц, но ожидаемы и более ранние находки.

Могли ли индейцы принести с собой семена горлянки, двигаясь вдоль южного края Берингии? Или же плоды культурной азиатской горлянки приплыли в Америку и были подобраны там только что проникшими туда индейцами? Оба варианта в принципе допустимы, но рассуждать на эту тему сейчас вряд ли стоит — слишком мало фактов. Одно несомненно: если не самые первые обитатели Нового Света, то хотя бы те, кто жил в Америке в начале голоцена, умели сажать растения и собирать урожай, хотя, разумеется, они не являлись еще земледельцами в полном смысле этого слова. Подобные навыки и в недавнее время были распространены шире, чем земледелие. Например, мужчины как в Южной, так и в Северной Америке нередко выращивали табак и другие наркотические растения, хотя земледельцами не были и занимались охотой.

Новые данные по культуре дзедмон на Японских островах указывают на такой же тип хозяйства — охотничье-собираческое, но с навыками земледелия. Такие предположения уже давно выдвигались археологами, обратившими внимание на сходство японского неолита с культурами юго-востока США. На Миссисипи в V—III тыс. до н. э. некоторые растения (например, топинамбур), несомненно, выращивали, но с дзедмоном ситуация долгое время оставалась спорной. Сейчас археологи и ботаники больше не сомневаются, что древние жители Японских островов растения выращивали, хотя в пищевом балансе доля проса, периллы (ее богатые витаминами листья используются как приправа), гречихи и других культурных или частично окультуренных видов оставалась ничтожной. Поразительно, что зачатки земледелия фиксируются уже с начального дзедмона, т. е. с X тыс. до н. э. (по радиоуглероду с поправкой). Не исключено даже, что первые опыты окультуривания относятся к XIV тыс. до н. э., т. е. ко времени распространения древнейшей керамики и формирования дзедмона как своеобразной культурной традиции. Это значит, что зарождение земледелия в Азии как минимум синхронно времени заселения Америки.

В Америке, кроме мексиканской Оахаки, ранние (VII–VIII тыс. до н. э.) находки тыквы-горлянки сделаны в столь далеких друг от друга местах, как юг побережья Перу и Флорида. Похоже, что и в Новом Свете в начале голоцена элементарные навыки выращивания растений были уже достаточно широко распространены.

Но все это — предыстория земледелия, настоящий переход к производящему хозяйству произошел в Америке гораздо позже.

Тема становления производящего хозяйства в Новом Свете привлекала значительное внимание российских исследователей в конце 1960–1980-х гг. Однако рассматривалась она тогда в основном в рамках традиционного подхода, близкого не столько Д. Стьюарду, сколько Г. Чайлду — от охотников-собирателей к ранним земледельцам и к создателям цивилизаций. В общем и целом «магистральный» путь развития человечества именно таким, конечно, и был. Но это все же идеальная модель, построенная в основном на материалах Передней Азии. В других регионах реальный ход развития от подобной модели значительно отличался.

Несколько лет назад знаменитый австралийский археолог Питер Беллвуд опубликовал монографию, призванную обобщить современные представления о происхождении земледелия. Новому Свету П. Беллвуд уделил немного внимания и проигнорировал факты в пользу древности выращивания растений в Америке. П. Беллвуда можно понять, ибо построить непротиворечивую и опирающуюся на надежные основания теорию зарождения и распространения земледелия в Новом Свете в период ранее II тыс. до н. э. пока не удастся. Информация, которой мы располагаем сейчас, касается главным образом последних трех тысячелетий до прихода европейцев. Надо сказать, что и для Восточной Азии процесс становления производящего хозяйства на его ранних стадиях (в Китае это ранее V тыс. до н. э.) тоже изучен плохо. Понятно лишь, что как в Америке, так и в Китае он протекал иначе, чем на Ближнем Востоке. Здесь были иная флора, иной климат и иные культурные традиции.

Как известно, в Америке было два главных центра становления цивилизации — Мезоамерика (т. е. южная и центральная Мексика и Гватемала) и Центральные Анды (Боливия и Перу без Амазонии). Начнем с первого из этих центров.

Существуют разные определения того, что такое Мезоамерика. Например, что это область древних цивилизаций и государств, хотя к приходу испанцев здесь было немало простых обществ — независимые крестьянские общины и даже подвижные группы примитивных земледельцев. Наиболее точное определение гласит, что Мезоамерика — это область, где для счета времени служили 13-дневная неделя и 20-дневный месяц. Иначе говоря, Мезоамерика — это прежде всего совокупность сходных культур.

Однако есть все основания полагать, что культурное единство Мезоамерики сложилось лишь во II тыс. до н. э. Ранее юго-восточные территории в пределах этого региона являлись продолжением Центральной Америки, а северо-западные были во многом близки по культуре северной Мексике и юго-западу США. Если что-то и выделяло Мезоамерику на фоне соседних с ней регионов, то это наличие

земледелия. Но когда именно эта отрасль хозяйства здесь зародилась и насколько важной она была в разные периоды времени, остается дискуссионным.

В 1950–1960-х гг. Р. Макниш, чье имя уже упоминалось в связи с раскопками в Перу, исследовал пещерные стоянки сперва на северо-восточной периферии Мезоамерики в штате Тамаулипас, а затем на юге Мексики, в штате Оахака, где позже находились важнейшие центры мезоамериканской цивилизации. Целью Р. Макниша было обнаружить свидетельства такой же «неолитической революции», как и на Ближнем Востоке. В пещерах Оахаки ему удалось добыть ценнейшие материалы — сохранившиеся в сухой почве кукурузные початки. Было хорошо видно, как от тысячелетия к тысячелетию их размер увеличивается. Самые ранние початки из пещеры Кошкатлан относились к V тыс. до н. э.

К 1980-м гг. энтузиазм, связанный с находками в Оахаке, несколько поостыл, и стали яснее просматриваться нерешенные проблемы. В частности, обратили внимание на крохотные размеры древнейших мексиканских початков: масса зерен в них ненамного превышает их массу в крупном пшеничном колосе. Но если колосьев даже на небольшом поле многие тысячи, то у примитивных индейских земледельцев на счету был каждый кукурузный стебель, початки собирали поштучно.

Генетики определили, что предком кукурузы является растение теосинте, во всех отношениях подобное кукурузе, но початков вовсе лишенное (см. цв. вкл. 41). Случайная мутация, приведшая к превращению теосинте в кукурузу, имела место в низменностях западной Мексики, в долине реки Бальсас. Когда в точности подобное превращение осуществилось, сказать трудно, но, безусловно, ранее V тыс. до н. э. В 1970-х гг. Дебора Персолл и Долорес Пиперно разработали и применили методику определения видов растений по фитолитам — микроскопическим кремнистым телам в стеблях и листьях. Анализы почв показали, что не только в Мексике, но и во многих районах Центральной Америки и на западе Южной Америки фитолиты кукурузы впервые появляются в слоях V–VI, а возможно, и VII тыс. до н. э. Макроостатков кукурузы столь раннего времени не найдено, поэтому ряд исследователей методике определения фитолитов не доверяет: как и пыльца, эти частички могли проникнуть в древние слои из вышележащих. Однако, учитывая, что в V тыс. до н. э. кукуруза в Мексике уже была известна, датировка ее распространения VII–VI тыс. до н. э. не кажется в принципе невозможной. Вопрос в другом: зачем вообще, в VII ли тысячелетии или в V, надо было выращивать растение, пищевая ценность которого не превосходила ценность дикорастущих видов? Остроумный ответ был предложен несколько лет назад. Кукурузу культивировали вначале не ради початков, а ради сладкого сока, пригодного, в частности, для приготовления алкоголя. Такой сок содержится и в теосинте. Размеры початков долгое время не были существенны, и лишь к III тыс. до н. э. они увеличились настолько, что люди всерьез заинтересовались кукурузой как зерновым растением. Основой хозяйства мезоамериканских индейцев кукуруза сделалась только в начале I тыс. до н. э.

Вместе с кукурузой в Мексике начинают выращивать и другие виды, позже характерные для этого региона: тыкву, фасоль, перец и пр. Определить это удает-

ся путем анализа почвы и в редких случаях благодаря находкам макроостатков растений. Однако образ жизни индейцев остается прежним: оседлых деревень нет, небольшие группы людей регулярно передвигаются с места на место, изредка собираясь в главном лагере для совершения ритуалов и заключения браков. В пустынной Неваде подобным образом организованное общество индейцев-шошонов в 1930-х гг. изучал Д. Стьюард. И лишь в самом конце III — начале II тыс. до н. э. в центральной и южной Мексике становятся заметны перемены: земледелие, бывшее ранее необязательной, подсобной отраслью, начинает вносить все больший вклад в хозяйственный баланс. Одновременно распространяется и гончарство. Около 1200 г. до н. э. в Мексике складывается культура ольмеков. Хотя государственная организация в это время еще скорее всего отсутствует, гигантские каменные статуи и великолепные украшения из нефрита позволяют называть эту культуру цивилизацией. Еще через 700–800 лет, в середине I тыс. до н. э., в Оахаке возникает первое в Новом Свете настоящее государство — держава сапотексов со столицей в Монте-Альбана, а затем города-государства майя и объединивший центральную Мексику Теотиуакан. Предполагается, что институт священного царя зарождается у майя примерно в VII в. до н. э., хотя еще долгое время число подданных подобных «царей» измерялось сотнями и немногими тысячами.

Что же происходило в это время в Центральных Андах? Даже если кукуруза рано проникла сюда из Мексики, влияние ее на хозяйство и культуру оставалось слабо заметным ранее I тыс. до н. э., когда из Мексики в Центральные Анды сюда проникают новые высокоурожайные сорта. В горных районах Боливии и юга Перу главное значение должны были иметь картофель и другие местные клубнеплоды, но проследить процесс их окультуривания пока не удастся. Ясно, что во II тыс. до н. э., когда на юге Перу и в Боливии появляются деревни, гончарство и даже зарождается металлургия, клубнеплоды здесь выращивали, но каким временем датируются первые опыты — не известно. Причины окультуривания картофеля еще менее понятны, чем причины окультуривания теосинте: в той был хоть сладкий сок, тогда как дикий картофель дает крохотные горькие клубеньки, которые, казалось бы, не могли вызвать особого интереса. Со второй половины II тыс. до н. э. в бассейне озера Титикака выращивают киноа — богатое белками местное зерновое растение, дальний родственник лебеды. Точнее сказать, с этого времени совершенствуется технология его выращивания, ибо ранее посевы были сильно загрязнены сорняками. Время первоначального окультуривания киноа не известно.

Не считая перечисленных видов, а также фасоли и, вероятно, местного клубнеплода ачиры (она же съедобная канна), большинство древнейших культурных растений, обнаруженных в Центральных Андах (в основном на побережье, где сохранность органики несравненно лучше, чем в горных районах), происходит из тропических низменностей к востоку от Анд — таковы арахис, батат, маниок, ямс и др. Их окультуривание должно было произойти прежде, чем арахис и маниок появились на побережье Перу. Здесь и в прилегающих горных районах к западу от континентального водораздела самые ранние находки культурных растений обычно относятся к V–III тыс. до н. э. В отношении растений, выявленных на еще

более ранних памятниках (вплоть до X тыс. до н. э.), существуют проблемы либо с видовыми определениями, либо с датировкой образцов, но вероятность появления ряда культурных видов уже в раннем голоцене все же велика. Об обстоятельствах, приведших к первым опытам культивирования тропических видов к востоку от Анд, мы ничего не знаем, но никаких свидетельств существования сложных обществ в низменностях Боливии для времени ранее I тыс. н. э. нет. Первая кукуруза проникла в Восточную Бразилию еще в III тыс. до н. э., по-видимому, из Мексики через Венесуэлу, но ее значение в экономике долгое время оставалось ничтожным. Даже и после Колумба кукурузу в Бразилии нередко выращивали подвижные группы охотников-собирателей, которые вполне могли выжить, не занимаясь земледелием.

Ясно, что не только в Мексике, но и в Южной Америке выращивание растений долгое время не приводило к значительным изменениям в культуре и не влияло существенно на экономику. К востоку от Анд вызванные распространением земледелия перемены в образе жизни людей начинают ощущаться в лучшем случае с I тыс. до н. э., а широкое распространение относительно развитых земледельческих обществ в Амазонии и на Бразильском нагорье происходит лишь в I тыс. н. э. и позже. На западе континента, в Центральных Андах, присваивающие отрасли хозяйства могли сохранять ведущее значение как минимум вплоть до III, если не II тыс. до н. э. Достоин внимания, что как керамика вообще, так и некоторые ее формы, ставшие затем типичными для перуанских сосудов ритуального назначения, впервые появились либо у жителей влажного тропического побережья Эквадора, либо на востоке Перу, в Амазонии, тогда как индейцы Центральных Анд эти формы от них заимствовали. Видимо, в III, II и даже I тыс. до н. э. обитатели тропических лесов и жители Анд еще общались на равных. Напротив, инки смотрели на своих восточных соседей как на презренных дикарей — «чунчо».

Но если освоение земледелия происходило в Центральных Андах примерно теми же темпами и в то же время, что и в Мексике, то развитие культуры в целом шло здесь по другому пути. Волнующая история малознакомой российским читателям, но популярнейшей в тропиках тыквы-горлянки, о которой шла речь в начале главы, имеет в Перу не менее захватывающее продолжение.

В начале XVI в., когда европейцы приплыли в Новый Свет, цивилизации Мексики и Перу, при всем своеобразии каждой из них, находились на примерно одинаковом уровне развития. Мы имеем в виду главным образом совершенство технологии и сложность социальной организации — другие аспекты культуры сравнивать трудно. То же характерно и для более ранних эпох, вплоть до конца II тыс. до н. э. Правда, сейчас развалины городов майя или Теотиуакан выглядят намного более внушительно, чем древние памятники Перу, но причина этого в разной сохранности монументальных построек. В Мексике строили в основном из камня, покрывая поверхности штукатуркой, приготовленной на основе извести, а в Перу в эпоху до инков здания возводили либо из кирпича-сырца, либо из дикого камня и щебня, поверхности же обмазывали глиной, которая легко разрушалась под действием непогоды. Дожди и ветра давно превратили многие древние сооружения Центральных Анд в бесформенные холмы, а кладоискатели довер-

шили их разрушение. Однако в эпоху своего функционирования пирамиды побережья Перу или монументальные постройки горной культуры уари (VI—IX вв. н. э.) были не менее великолепны и зрелищны, нежели мексиканские, отражая мощь и богатство древних вождеств и государств.

В Центральных Андах, в отличие от Мезоамерики, еще во II тыс. до н. э. зародилась металлургия золота и меди, а в первых веках нашей эры появилась настоящая бронза. В конце I тыс. н. э. на севере побережья Перу открыли выплавку меди из сернистых руд, что позволило резко увеличить производство металла. В Мезоамерику золото, медь, а вскоре затем и бронза проникли лишь в конце I тыс. н. э., и даже в эпоху конкисты металлы использовали здесь не столь широко, как в Перу. Однако различия эти не слишком существенны. Повсюду в древней Америке металлы мало использовали в хозяйстве, поэтому на развитии экономики и на повседневной жизни людей их наличие мало сказывалось. То же касается и отсутствовавшей в Андах, но известной в Мезоамерике письменности: в Перу в делах управления государством ее с успехом заменяло «узелковое письмо» кипу.

Пожалуй, наиболее интригующий пример параллельного развития центральноандской и мезоамериканской цивилизаций — синхронная смена высоких культур первого поколения культурами второго поколения. Это произошло в VII—X вв. н. э., когда большинство первичных государственных образований древней Америки рухнуло и после периода смут и потрясений на смену им пришли новые общества. В обоих случаях важную роль явно сыграли экологические проблемы (засухи, истощение почв и пр.), но свое влияние эти проблемы оказали не прямо, а через смену идеологий. Как в Мексике — Гватемале, так и в Боливии — Перу, по-видимому, потерпели крах традиционные формы сакрализации власти, связанные с культом предков. Новые же культы оказались более пригодны для распространения в разноязычной и разнокультурной среде. Никаких конкретных оснований предполагать взаимосвязь событий в Мексике и Перу нет, но совпадение их во времени все же заставляет задуматься, тем более что связи по морю между Перу и Эквадором, с одной стороны, и Эквадором и Западной Мексикой, с другой, во второй половине I тыс. н. э. несомненно имели место.

Если даже контакты между Мексикой и Перу и не определили сходство в темпах и направлении развития местных цивилизаций, заметное с конца II тыс. до н. э., то они, безусловно, способствовали обмену информацией между ними. Проникновение в Мексику андской металлургии — наиболее яркий пример. Но, если обратиться к более ранним периодам, ситуация оказывается совершенно иной и ни о каком параллелизме в развитии больше речи нет. Как уже было сказано, первая мексиканская цивилизация, культура ольмеков, возникла около 1200 г. до н. э. Это приблизительно то же время, к которому относится установление контактов по морю между Мексикой и Эквадором. Вплоть до 1970-х гг. самые ранние монументальные храмы Перу, свидетельствовавшие о возникновении сложных обществ, также датировали концом II тыс. до н. э., если не началом I тыс. до н. э. Однако, по мере того как археологи обследовали расположенные на побережье к северу от Лимы наиболее крупные памятники, датировки начали удвояться. В 1980-х гг. стало ясно, что уже в первой половине II тыс. до н. э.

на побережье Перу не просто существовала монументальная архитектура, но возводились платформы гигантских размеров, украшенные рельефными и расписными фризами. По объему кладки эти сооружения во много раз превосходят не только перуанские храмы I тыс. до н. э., но и крупнейшие искусственные сооружения Месопотамии III тыс. до н. э., включая зиккурат в Уре. Можно понять некоторых археологов, которые стали доказывать, что древнейшие в Америке государства возникли не во второй половине I тыс. до н. э. в Мексике, а в первой половине II тыс. до н. э. на севере перуанского побережья.

Открытия продолжались. В конце 1990-х гг. появились сообщения о сооруженных из камня храмах и расположенных вокруг них поселениях, относящихся к середине III тыс. до н. э. Особенную известность получило исследованное перуанскими археологами поселение Караль, расположенное в 30 км от моря в долине Супе и существовавшее во второй половине III тыс. до н. э. О нем даже пишут как о «первом городе Нового Света». «Город» — это дань сенсации, но каменные постройки Каралья, судя по размещенным в Интернете фотографиям, безусловно могут претендовать на звание монументальной архитектуры без всякой натяжки. В этом же районе побережья открыты и другие не менее крупные и столь же древние поселения.

Но и это не все. Начало традиции, ознаменованной появлением оседлых поселений и сперва небольших, а затем все более значительных общественных сооружений, восходит на севере побережья Перу к середине IV тыс. до н. э. В частности, на поселении Сечин Бахо в низовьях Касмы, где расположены многие выдающиеся монументальные комплексы II тыс. до н. э., недавно была прослежена эволюция местной архитектуры на протяжении двух тыс. лет, с середины IV до середины II тыс. до н. э. Самое раннее исследованное сооружение представляет собой прямоугольную платформу, рядом с которой находилась круглая площадь. Поверхность площади была углублена ниже окружающей местности. Сочетание подобных архитектурных элементов — прямоугольной платформы и углубленной круглой в плане площади — является одной из характернейших черт североперуанской архитектуры вплоть до середины I тыс. до н. э.

Чтобы оценить всю сенсационность подобных находок, следует помнить, что еще в 1970-х гг. культуру побережья Перу III — начала II тыс. до н. э. характеризовали как «раннеземледельческую», сопоставимую не столько даже с докерамическим неолитом Леванта, сколько с поселениями Турции, Ирана и Туркменистана VII—VI тыс. до н. э. О IV тыс. до н. э. нечего и говорить — «мезолит»! Подобное мнение было вполне оправданно, если иметь в виду те ранние памятники Перу, которые были известны в 1960—1970-х гг. Никому в то время и в голову не могло прийти, что одновременно с деревушками земледельцев и рыбаков существовали украшенные изображениями божеств монументальные храмовые платформы.

Были выдвинуты две гипотезы, объясняющие причины поразительно раннего возникновения в древнем Перу основ цивилизации. Сторонники традиционной точки зрения полагали, что начало строительства монументальных платформ однозначно свидетельствует о распространении земледелия. Да и чем еще могли

заниматься тысячи людей, живших в засушливой, но пригодной для искусственного орошения местности в двух-трех десятках километров от моря? Другие археологи доказывали, что во II и тем более в III или IV тыс. до н. э. земледелие в Перу еще оставалось примитивным и что основу питания жителей побережья составляли рыба и морепродукты. Многие монументальные центры того времени располагались вовсе не в речных долинах, а близ океана на большом удалении от сколько-нибудь значительных источников пресной воды. Заниматься земледелием их обитатели были не в состоянии.

Исследование Карала и других крупных поселений III тыс. до н. э. показало, что древняя история Центральных Анд не вписывается в рамки традиционной схемы: охотники-собиратели — ранние земледельцы — создатели цивилизации. В конце IV тыс. до н. э. на побережье Перу возникла система, которой трудно найти определенное место на лестнице социально-хозяйственной эволюции и для которой нет аналогий в Передней Азии. Есть ли параллели в Китае, наверняка судить сложно, поскольку многие древние культуры здесь все еще слабо изучены, но сообщений о неолитических монументальных постройках из Восточной Азии не поступало.

Что касается Центральных Анд, то появление именно здесь подобной системы вполне логично, никакой мистики в этом нет. В мире существуют только три морские акватории, по-настоящему богатые рыбой, — побережье Перу, побережье Намибии в Африке и Ньюфаундлендская банка. Уникальность Перу состоит в том, что здесь, в отличие от Африки и Канады, рыбные запасы оказались рядом с такими районами, в которых природные условия способствовали к тому же развитию производящего хозяйства — орошаемого земледелия и скотоводства.

Рыбы, особенно анчоусов, у берегов Перу так много, что одно лишь рыболовство могло легко обеспечить белками и калориями десятки тысяч людей. Чтобы реализовать эту возможность, нужны были только лодки и сети. Лодки делали из связок тростника, сети плели из хлопка, поплавками служили плоды тыквы-горлянки. Горлянка, как говорилось, стала доступна как минимум в раннем голоцене, тростник тоже был всегда в изобилии. Хлопок имелся в дикорастущем состоянии в Эквадоре и в сопредельных районах Перу и мог использоваться еще до его окультуривания. Почему же тогда быстрый рост культурной сложности начался лишь во второй половине IV тыс. до н. э., а не раньше? Причина, видимо, в том, что как раз в это время в благоприятном направлении изменился климат региона. Рыбные богатства у перуанского побережья наиболее велики в районах между Лимой и Трухильо. Однако ранее конца IV тыс. до н. э. местный климат был столь же теплым и влажным, как сейчас на побережье Эквадора. При существовавшем в то время температурном режиме рыбы в прибрежных водах Перу было намного меньше, чем в III тыс. до н. э. и позже. Кроме того, в условиях повышенной увлажненности охота и собирательство оставались вполне продуктивны, тормозя распространение как морского рыболовства, так и земледелия.

В III тыс. до н. э. на побережье Перу сложилась удивительная хозяйственная система. Жители удаленных от моря поселений разводили главным образом технические культуры — горлянку и хлопок. Они снабжали сетями живших близ

берега рыбаков, а те посылали им рыбу. Пищевые культурные растения были известны, помогая сбалансировать диету в отношении углеводов, но вплоть до I тыс. до н. э., т. е. до распространения высокоурожайных сортов кукурузы и широкого распространения домашней ламы из горного очага ее domestikации, хозяйство индейцев побережья Перу не являлось производящим в точном значении этого слова.

* * *

Не менее интересные новые материалы были накоплены за последние десятилетия в отношении древних культур Северной Америки. Территория, расположенная к востоку от Великих равнин и к югу от бассейна Огайо, всегда справедливо считалась не первичным, а вторичным очагом становления ранних цивилизаций. Кукуруза, фасоль и тыква, имевшие в эпоху европейских контактов первоочередное значение для местных индейцев, проникли сюда со стороны (в основном или исключительно — из Мезоамерики), и произошло это лишь в середине I тыс. н. э. Есть, правда, и более ранние находки, но о массовом распространении неместных культурных видов ранее I тыс. н. э. говорить не приходится. На атлантическом побережье севернее Джорджии земледелие потеснило охоту и собирательство лишь в XII—XIII вв. н. э. С IV или с V тыс. до н. э. на востоке США возделывали несколько местных низкоурожайных видов растений, однако существенной роли в хозяйстве они, как было сказано, не играли. Поскольку в XVI—XVIII вв. в результате губительных эпидемий и других последствий колонизации индейские общества юго-востока пережили катастрофический упадок, высокий уровень их развития в эпоху до европейских контактов был осознан исследователями не сразу, а лишь в середине XX в. В последние годы начинают просматриваться конкретные эпизоды местной истории до Колумба, связанные с возвышением одних центров и упадком других. Наиболее знаменита Кахокия, расположенная в долине Миссисипи напротив Сент-Луиса, которая и по размерам (порядка 10 тыс. жителей по минимальным и вчетверо-впятеро больше по максимальным оценкам), и по облику (монументальные платформы под храмами вокруг главной площади) напоминает города майя. Расцвет Кахокии приходится на IX—X вв. н. э. (см. цв. вкл. 42).

Становление Миссисипской цивилизации в самом конце I тыс. н. э. явилось следствием роста демографической плотности в результате распространения развитого земледелия. Казалось бы, все понятно: есть интенсивное земледелие — есть пирамиды, нет его — так и пирамиды не строятся. Однако оказалось, что практика возведения искусственных земляных насыпей и создания профессионально выполненных ритуальных предметов из камня, раковин, керамики и самородной меди существовала на востоке Северной Америки и раньше, со II и даже III тыс. до н. э. Многие из подобных предметов украшены великолепными изображениями людей и животных, свидетельствуя о существовании мастеров-профессионалов. Наиболее же неожиданными оказались результаты новых обследований Поверти Пойнт — гигантского (поперечником полтора километра)

комплекса земляных насыпей на берегу речной протоки в низовьях Миссисипи (см. цв. вкл. 43). Этот ритуальный центр, который по своей структуре (земляные платформы под общественные здания, центральная площадь) похож на Кахокию и на города Мезоамерики, существовал во второй половине II тыс. до н. э., причем свидетельств, указывающих на занятия его жителей земледелием, не обнаружено. Основан Поверти Пойнт мог быть еще в III тыс. до н. э. В отличие от засушливого побережья Перу, во влажном климате Луизианы органика практически не сохраняется, что делает реконструкцию хозяйства сложной задачей. Не ясно, например, как здесь обстояли дела с выращиванием той же тыквы-горлянки. Но в том, что крупные монументальные центры появились на востоке США до распространения развитой земледельческой экономики, сомнений нет.

Этот пример доказывает, что зависимость социальной организации и тем более ритуальной и художественной культуры от производственной сферы носит лишь самый общий характер. Пирамиды свидетельствуют о появлении элиты, а раз была элита, то был и народ: без достаточной демографической плотности усложнение общества невозможно. Но это еще не значит, что общество усложнялось вследствие распространения земледелия. Столь же вероятна и другая причинно-следственная зависимость: распространение производящего хозяйства происходило потому, что элита стремилась к богатству и власти, а следовательно, к интенсификации производства. Когда возможностей для земледелия не было, тот же результат достигался иными способами.

Если российский читатель мало знает о Кахокии, то уж о древних культурах региона Плато, расположенного на северо-западе в пределах нынешних штатов Орегон, Вашингтон и сопредельных районов Канады, ему скорее всего совсем ничего не известно. А между тем результаты археологических исследований в этом районе достаточно поучительны. Хотя местные индейцы никогда не занимались земледелием, ход развития их культуры, основанной на рыбной ловле и специализированном собирательстве, был совершенно тот же, что и в земледельческих обществах.

С начала II тыс. до н. э. по всему Плато начинается освоение технологии заготовки и долговременного хранения припасов. Речь идет прежде всего о лососевых рыбах, но затем стали заготавливать и растительные продукты. Соответственно увеличиваются размеры как поселений, так и отдельных жилищ, развивается долговременная оседлость. Часто встречаются грузила и детали составных гарпунов. Середина I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. — время прогрессирующей интенсификация экономики и усложнения социальной структуры. Характерны находки больших печей для термической обработки съедобных корней. Улучшается качество орудий из камня. В долинах Колумбии и Фрейзер, где больше всего ловили лосося, обнаружены самые крупные поселения. Среди 115 землянок, раскопанных на поселении Китли-Крик, есть достигающие 25 м в диаметре. Численность обитателей Китли-Крик могла превышать 1000 человек. На поселениях такого рода найдено больше всего импортных и престижных изделий, в том числе раковин денталиум (главной первобытной «валюты» на западе Северной Америки), курительных трубок из стеатита, наварший палиц и различных предметов

искусства из камня, рога, китовой кости. Богатства стекались прежде всего туда, где находились центры обмена. Материалы поселений и могильников указывают на значительное имущественное неравенство. Распространение наскальных изображений и появление больших могильников могло быть связано со стремлением групп людей продемонстрировать права на определенные территории. Укрепления на возвышенностях, поселения на речных островах, склады продуктов в пещерах, равно как и следы насильственной смерти на костяках, свидетельствуют об усилении вооруженных конфликтов.

Конечно, древние общества Плато были проще организованы, чем миссисипское и тем более перуанское и мексиканское. Но есть между всеми ими и сходство — обилие на поселениях и в погребениях предметов искусства. Такие предметы — материальные свидетельства «престижной экономики», стремления превзойти соседнего аристократа, вождя, царя. Стремление это свойственно всем людям, но в отдельных культурах оно находит разное выражение. Вспомним Хараппу — цивилизацию долины Инда III тыс. до н. э. Число дошедших от нее предметов искусства можно пересчитать по пальцам, да и те частью могут быть не хараппскими, а бактрийскими. В самом богатом погребении древнеиндийской цивилизации найдено несколько десятков глиняных горшков: индейских вождей в Панаме хоронили неизмеримо богаче. Мы не можем ответить пока на вопрос, чем объясняются такие различия — только ли особенностями социального устройства или также какими-то другими причинами.

То, что индейские культуры в первичных и вторичных центрах образования сложных обществ в Новом Свете обнаруживают конкретные сходные черты, известно давно. Это определенные виды орнамента (например, «шагающий штамп») и преобладающий тип керамических сосудов, который в конечном итоге восходит к форме плода тыквы-горлянки (на Ближнем Востоке среди ранней керамики преобладают открытые формы, поскольку прототипом сосудов служила ямка в глине). Сосуды другого характерного для Америки типа имеют стремевидное горло (см. цв. вкл. 44), они были известны от побережья Перу до Миссисипи (подобная форма знакома еще только неграм Конго, где она явно была изобретена независимо). Расписные и скульптурные изображения в культурах Америки разрабатывают образы «череповидной личины» и хищных птиц и животных, но не растений (на Ближнем Востоке рано распространяются как раз растительные мотивы, сохранившиеся в европейской культуре до сего дня). Ритуальные центры и городские акрополи в Новом Свете имеют сходную планировку — искусственные платформы с небольшими зданиями наверху, которые, как правило, группируются вокруг площадей.

Американисты издавна спорят, как объяснить подобные параллели. Одни считают их результатом влияния передовых обществ на периферию (в частности, Мезоамерики на Миссисипи), другие — общим наследием, восходящим к начальному периоду освоения человеком Нового Света. Вторая точка зрения выглядит предпочтительнее. Главные особенности изображений людей и животных в индейском искусстве одинаковы не только от Миссисипи до северо-западной Аргентины, но и шире — от Аляски до Бразилии. Следовательно, их никак нельзя

приписать влиянию ольмеков или древних перуанцев. Более того, некоторые иконографические схемы, характерные для древнего искусства Мексики и Перу (см. цв. вкл. 45–47), обнаруживают очень близкие аналогии в искусстве Китая, начиная с неолита (маска тао-те — см. цв. вкл. 48–50) и в более поздних изображениях из Южной и Юго-Восточной Азии (так называемая киртимукха, увенчивающая дверные проемы и ниши в индуистских храмах, — см. цв. вкл. 51). Параллели данной иконографической схеме (круглоглазая личина без нижней челюсти с отходящими от нее в обе стороны змеевидными отростками) прослеживаются в традиционных орнаментах народов Нижнего Амура, Сахалина и Хоккайдо, а также на северо-западном побережье Северной Америки. Таков сисиутль — опасное мифическое существо у индейцев квакиутль, которое часто изображалось на притолоках. Сисиутль имеет вид круглоглазой личины с двумя отходящими от нее змеевидными отростками. Самые древние известные нам перуанские изображения на каменных плитах середины II тыс. до н. э. воспроизводят существо такого же облика. Однако мы напрасно станем искать что-либо подобное в искусстве древних культур Африки, Европы, Центральной и Северной Азии.

Поскольку основой для древних изображений, как правило, являлась органика, то большинство из них не дошли до нас. Соответственно, мы не можем выявить иконографическую цепочку, надежно связывающую Перу и Китай: от нее сохранились лишь отдельные звенья. Однако то, что дошло, хорошо вписывается в общую картину, складывающуюся по материалам разных дисциплин — археологии, физической антропологии, популяционной генетики, фольклористики. Два положения представляются особенно новыми и важными по сравнению с теми, которые существовали полвека назад. Во-первых, азиатские корни индейских культур Америки уходят не только в континентальные районы Сибири, но и в притихоокеанские области Восточной Азии. Во-вторых, ранние переселенцы в Новый Свет принесли с собой достаточно сложные представления и навыки, которыми они располагали уже в Азии и которые в Америке лишь развили.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попробуем подвести итог и определить состояние наших знаний о заселении человеком Америки: что установлено с полной определенностью, что — вероятно, а что — сугубо дискуссионно.

Не вызывает сомнений, что человек заселил Америку через Аляску, точнее через ныне затопленную Берингию (см. цв. вкл. 52). Экзотическая гипотеза о миграции древних европейских охотников по кромке атлантических льдов может быть смело отвергнута. Данные физической антропологии и генетики не дают ей никаких шансов, да и сама идея расселения палеолитических охотников по кромке льдов уж слишком невероятна: человек, конечно, похож на белого медведя, но не до такой же степени. Нет фактических оснований и у гипотезы транстихо-океанских плаваний: до полинезийцев никто через Тихий океан не плывал, для этого не было ни технических средств, ни, очевидно, психологического стимула. Показательно, что, хотя люди современного типа заселили западную Меланезию еще 35 тыс. лет назад, они отваживались пересекать лишь те акватории, где хотя бы в одной стороне заметны вершины гор. В открытый океан, где земли не видно совсем, эти люди плавать не решались. То же и с заселением Тайваня австронезийцами 5 тыс. лет назад. По всей видимости, оно стало возможно потому, что в одном месте с материка в хорошую погоду просматривается высочайшая вершина острова. Жившие в то время на острове и вытесненные австронезийцами охотники-собиратели заселили Тайвань значительно раньше, в плейстоцене, но тогда он являлся частью материка.

Что касается времени освоения человеком Америки, то мы можем уверенно говорить о периоде около 13,5–14 тыс. лет назад. С высокой (хотя все-таки не с полной) вероятностью можно предполагать, что как в Северной, так и в Южной Америке человек появился не позже конца XIII тыс. до н. э.

Расселение групп охотников и собирателей ни в коей мере не напоминало масштабные целенаправленные миграции народов в историческое время. Это было постепенное продвижение, освоение новых кормовых угодий по мере роста численности сообществ. Поскольку до появления первых людей биологические ресурсы Нового Света оставались неистощенными и нетронутыми, у ранних мигрантов было достаточно стимулов быстро продвигаться вперед. Весьма вероятно, что первоначально люди двигались исключительно вдоль берега моря. С тех пор, когда 60 тыс. лет назад далекие африканские предки будущих американских индейцев переселились в Азию и двинулись вдоль Индийского океана, берег слева от них (если стоять лицом к морю) оставался ничьим, а берег справа был уже кем-то занят. Достигнув Тихого океана, люди также продолжали идти влево вдоль берега — спер-

ва на север, а затем, миновав Берингию, на юг. Не исключено, что эта привычка всегда двигаться по берегу влево в надежде обнаруживать все новые еще незаселенные и неистощенные территории сыграла важную роль в заселении Америки.

Данных о проникновении человека в Америку ранее последнего ледникового максимума или на пике оледенения нет. Лет 30–40 назад многие археологи надеялись обнаружить в Новом Свете следы людей, относящиеся к очень древней эпохе, и нередко объявляли об успехе поисков. Однако каждый раз эти заявления опровергались. Сторонники сверххранних датировок имеются и сейчас, но в научном сообществе они занимают положение маргиналов. Не говоря об отсутствии убедительных доказательств в отношении древнего возраста конкретных памятников, есть один главный вопрос, на который эти исследователи не в состоянии ответить. Мало шансов обнаружить следы самых первых мигрантов, но расчеты показывают, что за два-три тысячелетия оказавшаяся на ранее необитаемой богатой ресурсами территории небольшая группа людей должна многократно вырасти и освоить все свободные природные ниши. Именно это, по-видимому, и произошло в период между XIII и XI тыс. до н. э. Начиная с XI тыс. до н. э. следы человека найдены археологами практически по всей территории Нового Света, кроме районов, которые в то время были заняты ледниками. Если первые люди проникли в Америку 20–30 тыс. лет назад, то непонятно, где же они скрывались все это время. Конечно, всегда можно сослаться на возможность заселения ныне затопленной части Берингии, ее прибрежной, богатой ресурсами зоны, но эти рассуждения остаются чисто умозрительными.

Гипотеза сверххраннего заселения Нового Света поддерживалась генетиками, по расчетам которых генетические линии американских индейцев разошлись более 25 тыс. лет назад, еще до максимума оледенения. Однако после того как скорость мутаций пересчитали, оценка времени расхождений совпала с короткой хронологией, предлагаемой археологами, — не более 15 тыс. лет назад (по крайней мере, для основной части Америки, не считая Берингии, которая могла быть заселена несколько раньше)... Еще менее надежны данные в пользу сверххраннего заселения Нового Света, предполагаемые лингвистами. Совершенно очевидно, что с самого начала в заселении Америки могли участвовать представители разных языковых семей. Кроме того, сравнительное языкознание, нацеленное на поиск отдаленных связей между языковыми семьями, находится сейчас в состоянии глубокого кризиса. Ведущие позиции в этой области занимает школа покойного Сергея Анатольевича Старостина. Многие лингвисты не принимают ее выводов, но их критика далеко не всегда справедлива. Кто бы ни был здесь прав, но степень родства между языками американских аборигенов в большинстве случаев просто не изучена, «не просчитана»: не хватает специалистов, которые имели бы необходимую квалификацию и были готовы взяться за эту кропотливую, нудную и долгую работу. Хотя исследования в области лингвистики стоят много меньше, чем археологические раскопки, обе эти дисциплины требуют для достижения серьезных результатов многолетнего целенаправленного труда. Современная система финансирования исследований краткосрочными грантами ставит и археологов, и лингвистов в крайне невыгодные условия.

Итак, индейцы пришли в Новый Свет сравнительно поздно, после пика последнего оледенения, и пришли из Сибири, хотя непосредственные предковые для индейцев культуры археологами в Азии пока все же не выявлены, не опознаны. Ранние культуры Северной Америки заметно отличаются от палеолита Евразии. Палеоиндейские обитатели Великих равнин выработали специфическую форму адаптации, основанную на высокой подвижности небольших по численности групп охотников. Среди стоянок преобладают места кратковременного сезонного обитания человека. Памятники различаются по функции: имеются специализированные мастерские вблизи выходов камня, поселения, места забоя и разделки охотничьей добычи, клады.

Несмотря на указанную специфику, палеоиндейцы Северной Америки несколько не отставали в культурном развитии от своих современников в Старом Свете. Они обладали сложной специализированной технологией обработки камня, кости и бивня мамонта, имели навыки домостроительства. Как и у верхнепалеолитических людей в Европе и Сибири, жизнь древнейших обитателей Америки не сводилась к добыванию пищи и устройству поселений. Об этом говорят практика использования в ритуальных целях охры, наличие украшений, обряд погребения.

Хотя, как только что было сказано, нельзя пока в точности проследить путь предков американских аборигенов в эпоху, когда они еще жили в Азии, мы с высокой степенью вероятности утверждаем, что этот путь начинался где-то в Южной Сибири, скорее всего в регионе Саяно-Алтая. Только ли здесь находилась индейская прародина, или она была обширнее, простираясь до дальневосточных морей, или же были две прародины, саяно-алтайская и тихоокеанская — это уже предмет для дискуссии. Что не вызывает сомнений, так это участие в заселении Нового Света людей с разной культурой и с разными расовыми признаками. Одни из них (скорее всего проникшие в Америку раньше) внешне напоминали японских айнов, полинезийцев, а то и аборигенов Австралии. Другие (вероятно, начавшие расселяться немного позже) походили на тех индейцев, которых хорошо представляют себе зрители вестернов.

Одно из важных обстоятельств, прояснившихся для нас самих в ходе работы над книгой, — это поразительное совпадение данных физической антропологии, генетики и сравнительной мифологии. Протоморфность древнейших американцев, чьи черепа обнаружены в Северной и особенно в Южной Америке, отсутствие у них выраженных монголоидных признаков, принадлежность к еще слабо дифференцированному восточному надрасовому стволу (к нему относятся и папуасы, и китайцы, и ирокезы) — все это соответствует обилию в мифологиях индейцев Америки, особенно Центральной и Южной, таких мотивов, которые находят близкие параллели в Юго-Восточной Азии, Океании и Австралии. Однако и роль Саяно-Алтая как индейской прародины также подтверждается несомненными уникальными параллелями в мифологии и фольклоре народов Сибири и Северной Америки.

Самым узким — в буквальном и в переносном смысле — местом реконструкции заселения Нового Света является отрезок пути из Берингии в более южные районы Северной Америки. Материалы как генетики, так и сравнительной мифологии заставляют предполагать, что путь ранних мигрантов пролегал по морю вдоль

берегов южной Аляски. Однако прямыми археологическими свидетельствами эта гипотеза не подтверждена. На Кадыяке первые следы людей датируются VI тыс. до н. э. Это были создатели культуры оушен-бей, гены и в значительной мере культурные традиции которых (хотя и не язык) унаследовали современные эскимосы-кадыякцы. По-видимому, следы ранних мигрантов следует искать глубоко под водой залива Аляска, т. е. там, где 14–15 тыс. лет назад проходила береговая линия.

По пути из Берингии на основную территорию Нового Света людям пришлось преодолеть огромные трудности. Это означает, что первые американцы обладали достаточно высокой культурой, были организованы и изобретательны. В пользу того же говорят и параллели в области мифологии и особенно изобразительного искусства, которые связывают индейцев и жителей Восточной Азии и Океании. Эти параллели бурно обсуждались в 1920–1950-х годах, но дискуссия тогда вылилась в спор о возможности трансокеанских плаваний. Гипотезу таких плаваний справедливо отвергли, так как сами параллели оказались недостаточно детальными, чтобы служить доказательствами в ее пользу. На полвека проблема оказалась забыта, но основополагающее сходство культовых изображений в Андах, Мезоамерике, на северо-западе Северной Америки, в Восточной Азии и Океании от этого не исчезло, оно очевидно. Не исключено, что сюда можно добавить и окуневское искусство Минусинской котловины. Сейчас мы можем посмотреть на проблему иначе — перед нами культурное наследие древних обитателей Азии, уходящее корнями в период ледникового максимума, если не глубже. Открытия последних двух десятилетий показывают, что к началу освоения человеком Нового Света культуры Евразии достигли уже большой сложности. Об этом свидетельствуют и распространение в конце позднего палеолита керамики в Восточной Азии, и появление монументальной архитектуры на верхнем Евфрате еще в тот период, когда люди занимались собирательством и охотой.

После того, как Новый Свет был заселен, местные культуры развивались неодинаково. Освоив разнообразные природные зоны, люди приспосабливались к жизни в саваннах и тропических лесах, в степях и пустынях, в заполярье и у экватора. Но существовал и другой источник многообразия — неодинаковые традиции, унаследованные от азиатских предков. Они особенно сказались в сфере духовной культуры, менее зависимой от условий повседневного существования. Наиболее спорным и интересным остается вопрос о роли азиатского наследия в развитии хозяйства и социальной организации. С самого начала, после того, как процесс первоначального освоения новых земель завершился, многие культуры индейцев показали свою способность к изменениям, к быстрому освоению нового. Становление сложных обществ на побережье Перу в конце IV — первой половине III тыс. до н. э. — это лишь один из примеров. Вполне вероятно, что импульс к развитию был получен еще в Старом Свете.

АННОТИРОВАННЫЙ СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Первые американцы. 1996–2003.

Вопросы происхождения американских индейцев, генезиса великих цивилизаций Нового Света, контактов через океаны неизменно привлекают внимание не только специалистов, но и широкой публики, свидетельством чего является нескончаемый поток изданий. В частности, вопросы происхождения индейцев регулярно поднимались в публикациях выходившего в 1996–2003 гг. богато иллюстрированного ежегодника, посвященного культуре и истории коренного населения Америки.

Керам К. Первый американец. Загадки индейцев доколумбовой эпохи. М.: Вече, 2005.

Неоднократно издававшийся на русском языке (впервые в 1979 г.) перевод книги одного из наиболее известных в мире популяризаторов археологии. Живо написанный рассказ о становлении и развитии археологии в США начиная с Томаса Джефферсона. Автор в основном излагает историю открытия и изучения древностей индейцев юго-запада США (включая скальные города пуэбло) и курганных насыпей востока страны. Приводимый в конце книги очерк древнейших культур Америки сильно устарел.

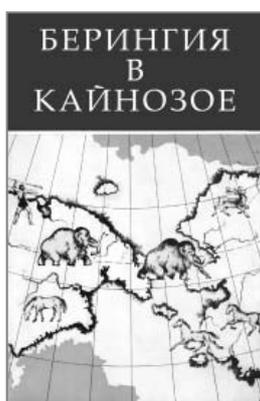

Варшавский А. С. Колумбы каменного века. М.: Знание, 1985.

Неоднократно издававшийся (впервые в 1978 г.) научно-популярный очерк происхождения американских индейцев. Описана история открытия и исследования Америки испанскими и португальскими мореплавателями, освоения берегов Тихого океана русскими землепроходцами и путешественниками. Автор прослеживает основные достижения археологов в деле изучения древних культур Нового Света — от палеоиндейских стоянок и пещер до пирамид, городов и гробниц доколумбовых цивилизаций. В центре внимания находятся вопросы происхождения культурных растений, зарождения земледелия в Мезоамерике и Андах.

Кондратов А. М. Была земля Берингия. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1981.

Краткое популярное изложение основной проблематики Берингии, включая вопросы палеогеографии, зоологии, ботаники, лингвистики, антропологии, этнографии, археологии и др. Автор подробно рассматривает историю освоения северо-востока Азии, сходство состава животного и растительного мира по обе стороны Берингова пролива, международное сотрудничество в деле изучения различных аспектов берингийской проблемы.

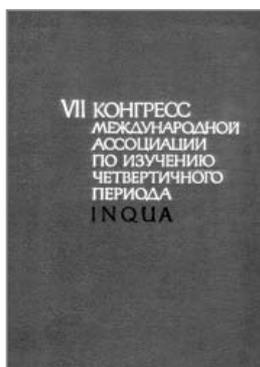

Берингия в кайнозое. Владивосток: ДВО АН СССР, 1976.

Объемистый сборник статей отечественных и зарубежных ученых по итогам состоявшегося в 1973 г. в Хабаровске симпозиума, посвященного вопросам изучения берингийской суши. Книгу открывают очерки геологической истории и палеогеографии Берингии в различные эпохи позднего кайнозоя. Основная часть тома посвящена роли Берингии в миграциях флоры и фауны. Несколько статей содержат обзоры археологии культуры клонис, каменного века Сибири, Урала, Аляски и Алеутских островов.

Кожевников Ю. П., Железнов-Чукотский Н. К. Берингия: история и эволюция. М.: Наука, 1995.

Наиболее полный на сегодняшний день очерк палеографической истории берингийской суши в кайнозое, написанный специалистами по флоре и фауне Чукотки. Книга содержит подробное описание растительного и животного мира Берингии, колебаний уровня моря и развития оледенений в различные периоды плейстоцена. Особое внимание уделено основным представителям позднеплейстоценовой фауны, их экологии и распространению.

VII Конгресс Международной ассоциации по изучению четвертичного периода INQUA. М.: Наука, 1967.

Составленный участниками советской делегации отчет о состоявшемся в Боулдере в 1965 г. Международном конгрессе по изучению четвертичного периода. Книга содержит как изложение работы собрания, так и хорошо иллюстрированное описание четвертичных отложений и геоморфологии различных районов США, охваченных во время экскурсий. Особое внимание уделено материалам палеоиндейских стоянок Великих равнин.

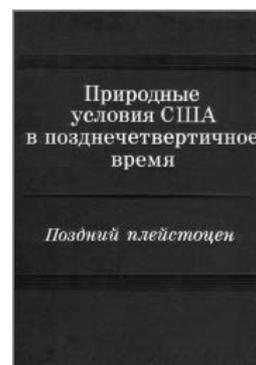

Четвертичный период в США. Т. 1, 2. М.: Мир, 1968.

Солидное двухтомное издание, подготовленное ведущими американскими специалистами. Максимально полное изложение чет вертичной геологии, палеогеографии и археологии США на период середины 1960-х гг. Книги включают серию региональных статей, посвященных четвертичным отложениям основных регионов континента. Рассмотрены вопросы геохронологии, неотектоники и палеоклиматологии, ископаемые почвы, вулканические пеплы, озерные отложения и др. Далее следуют обзоры флоры и фауны плейстоцена. Завершает труд серия очерков по доистории (палеоиндейская и архаическая стадии) на территории США.

Перевод сборника статей ведущих американских специалистов по позднечетвертичной истории континента. В книге можно найти подробное, снабженное обширным картографическим материалом описание развития и деградации ледников, трансформации речных систем и приледниковых водоемов, характеристику лёссов, палеопочв и др. Даны история смены растительных сообществ, список основных местонахождений остатков фауны и палеоиндейских стоянок с радиоуглеродными датировками.

Природные условия США в позднечетвертичное время. Поздний плейстоцен. Л.: Гидрометеиздат, 1986.

Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1983.

Сборник докладов по археологии и антропологии, зачитанных на Тихоокеанском научном конгрессе, проведенном в 1979 г. в Хабаровске. Материалы по каменному веку Сибири, Монголии, Сахалина, Японии, крайнего северо-востока Азии, тихоокеанского побережья Америки рассмотрены под углом зрения поиска общих черт в культурном развитии Северной Азии и Северной Америки.

Окладников А. П., Васильевский Р. С. По Аляске и Алеутским островам. Новосибирск: Наука, 1976.

Увлекательный, хорошо иллюстрированный рассказ о путешествии группы новосибирских ученых в США в 1974 г. в рамках советско-американской экспедиции — одного из первых международных проектов наших археологов в период «разрядки». Дан обзор проблемы заселения человеком Америки, описаны раскопки на Алеутских островах, поездка по Аляске. Кроме того, здесь можно найти немало интересных сведений из истории Русской Америки.

Ларичева И. П. Палеоиндейские культуры Северной Америки. Новосибирск: Наука, 1976.

Книга, являвшаяся на протяжении ряда десятилетий основным обзором древнейших культур Северной Америки на русском языке. Содержит описание истории изучения палеоиндейских памятников, природной среды Северной Америки в плейстоцене, фауны, основных стоянок клонис и фолсом в США и Мексике, обсуждение проблем корреляции палеолита Сибири и Нового Света. В настоящее время книга заметно устарела и, к тому же, автор принял за основу так называемую «длинную хронологию», существенно удревняя возраст ранних культур.

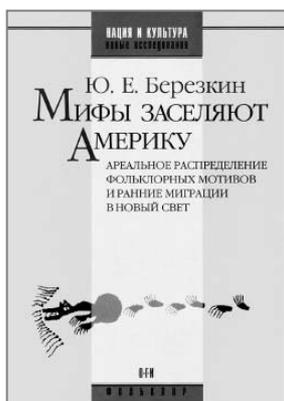

Ларичева И. П. Мезоиндейские культуры Северной Америки. Новосибирск: Наука, 1986.

Продолжение книги о палеоиндейских культурах. Очерк более поздних, относящихся по большей части уже к раннему голоцену, палеоиндейских культур Северной Америки, преимущественно расположенных на Великих равнинах. Дано краткое описание памятников культур плеинвью, эгейт бейсин, хелл геп, коди, скотсблаф и др.

Васильев С. А. Древнейшие культуры Северной Америки. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004.

Сводка новейших данных по ранним палеоиндейским культурам североамериканского континента на фоне развития природной среды в финале плейстоцена (10–12 тыс. лет назад). Приводятся таблицы радиоуглеродных дат, состава фаунистических находок и каменного инвентаря для основных памятников. Обсуждаются проблемы первоначального заселения человеком Нового Света и соотношения древних культур Сибири и Северной Америки.

Березкин Ю. Е. Мифы заселяют Америку. Ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2007.

Обзор материалов по археологии и лингвистике, освещающих заселение Америки и дальнейшее взаимодействие между различными группами ее коренных обитателей. Изложение данных о распространении мотивов в Новом Свете доказывает консерватизм, свойственный этой сфере культуры. Современное распространение мифологических мотивов является результатом демографических и культурных процессов, проходивших с конца верхнего палеолита.

СИБИРЬ И ПЕРВЫЕ АМЕРИКАНЦЫ

Березкин Ю. Е. Голос дьявола среди снегов и джунглей. Истоки древней религии. Л.: Лениздат, 1987.

Описываются мужские ритуалы и объясняющие их мифы о свержении власти женщин, характерные для индейцев Южной Америки. Меланезийские параллели этим ритуалам и мифам объяснимы общим происхождением предков индейцев и меланезийцев, чьи культуры в конечном итоге восходят к культуре палеолитических обитателей Восточной Азии. Описываются древнейшие следы человека в Южной Америке, проливающие свет на вероятные пути заселения континента.

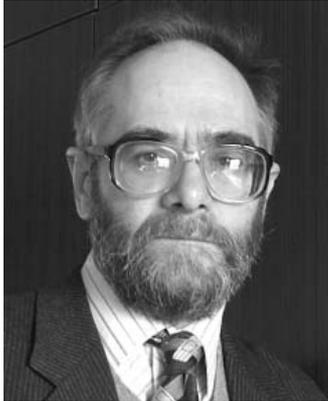
Табарев А. В. Введение в археологию Южной Америки. Анды и Тихоокеанское побережье. Новосибирск: Изд-во «Сибирская научная книга», 2006.

После историографического обзора описываются памятники запада Южной Америки от финального плейстоцена до среднего голоцена. Много иллюстраций, обширная библиография.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1 БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ: ОТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ДО БЕРИНГИИ ...	19
Глава 2 МЕЖДУ ТУНДРОЙ И СУБТРОПИКАМИ: ПАЛЕОИНДЕЙЦЫ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ	37
Глава 3 НА КРАЮ ОЙКУМЭНЫ	55
Глава 4 МИФЫ ЗАСЕЛЯЮТ АМЕРИКУ	69
Глава 5 ИДЕМ ПО ГЕНЕТИЧЕСКОМУ СЛЕДУ	106
Глава 6 ОТ ОХОТНИКОВ-СОБИРАТЕЛЕЙ — К СТРОИТЕЛЯМ ПИРАМИД	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	164
Аннотированный список рекомендуемой научно-популярной и научной литературы на русском языке	168

Васильев Сергей Александрович — доктор исторических наук, заведующий Отделом палеолита Института истории материальной культуры РАН. Основные области научных интересов: палеолит Сибири, древнейшие жилища и поселения, история археологии, заселение человеком Америки. В 1980–1991 гг. открыл и исследовал группу стоянок каменного века близ Майнской ГЭС на Верхнем Енисее. Участник ряда экспедиций в Туве, Хакасии, на Русской равнине, Кавказе, в Закарпатье, во Франции, Италии и США. Автор более 280 научных трудов по каменному веку Сибири, вопросам теории и методики археологической науки и истории археологии в России. Автор монографий «Поздний палеолит Верхнего Енисея», «Древнейшие культуры Северной Америки», «Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых», соавтор «Четырехязычного словаря-справочника по археологии палеолита», учебного пособия «Палеолитоведение: введение и основы» и книг «Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири», «Палеолит Енисея», «Динамика развития позднепалеолитической культуры на Верхнем Енисее», «Поздний палеолит Северной Евразии». Член редколлегии журнала «Археология, этнография и антропология Евразии». Неоднократно выступал с научно-популярными лекциями, статьями по археологии. Участник многочисленных конференций, симпозиумов и конгрессов, проводившихся в России, США, Канаде, Франции, Германии, Голландии, Бельгии, Италии, Португалии, Индии, Польше, Украине, Узбекистане. Читал лекции и выступал с докладами в ведущих университетах, исследовательских центрах и музеях России, США, Англии, Франции, Италии, Германии и Дании. Представитель России в постоянной комиссии по верхнему палеолиту Международного союза доисторических и протоисторических наук, член Всемирного археологического конгресса, Европейской ассоциации археологов, Американского археологического общества и Рабочей группы «Берингия» Международной ассоциации по изучению четвертичного периода.

Березкин Юрий Евгеньевич — доктор исторических наук, заведующий Отделом Америки Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, преподаватель Европейского университета в Санкт-Петербурге. Основные области научных интересов: сравнительная мифология, древние миграции и культурные связи, заселение Америки, становление ранних цивилизаций. С 1967 по 1994 г. провел 25 полевых сезонов на раскопках земледельческих поселений VI–III тыс. до н. э. на юге Туркмении, работал в археологических экспедициях в Узбекистане, Таджикистане, Туве, Хакасии, на Дальнем Востоке. Автор более 300 научных трудов по иконографии и мифологии индейцев Америки, археологии Туркмении, типологии ранних сложных обществ, сравнительной мифологии, проблемам заселения Нового Света. Создатель электронного каталога фольклорно-мифологических мотивов народов мира. Последние монографии:

«Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых», соавтор «Четырехязычного словаря-справочника по археологии палеолита», учебного пособия «Палеолитоведение: введение и основы» и книг «Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири», «Палеолит Енисея», «Динамика развития позднепалеолитической культуры на Верхнем Енисее», «Поздний палеолит Северной Евразии». Член редколлегии журнала «Археология, этнография и антропология Евразии». Неоднократно выступал с научно-популярными лекциями, статьями по археологии. Участник многочисленных конференций, симпозиумов и конгрессов, проводившихся в России, США, Канаде, Франции, Германии, Голландии, Бельгии, Италии, Португалии, Индии, Польше, Украине, Узбекистане. Читал лекции и выступал с докладами в ведущих университетах, исследовательских центрах и музеях России, США, Англии, Франции, Италии, Германии и Дании. Представитель России в постоянной комиссии по верхнему палеолиту Международного союза доисторических и протоисторических наук, член Всемирного археологического конгресса, Европейской ассоциации археологов, Американского археологического общества и Рабочей группы «Берингия» Международной ассоциации по изучению четвертичного периода.

«Мифы заселяют Америку. Ареальное распространение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет» (2007) и «Мифы Старого и Нового Света» (2009). Член редколлегии журнала «Антропологический форум». Читает курсы «История и теория антропологии», «Неклассические мифологии», «Предыстория цивилизаций» в Европейском университете и Санкт-Петербургском государственном университете. Автор многочисленных научно-популярных статей в журнале «Природа» и других изданиях. Постоянный участник фольклорных школ, организуемых Российским государственным гуманитарным университетом. Выступал с докладами в университетах и участвовал в научных конференциях в России, США, Швеции, Великобритании, Франции, Голландии, Эстонии, Дании, Китае, Японии. Член Всемирного археологического конгресса, Института андских исследований, Международной ассоциации по изучению сравнительной мифологии.

Козинцев Александр Григорьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Музея антропологии и этнографии РАН, профессор Санкт-Петербургского университета. Основные области научных интересов: физическая и культурная антропология, этология, популяционная история Евразии и Америки. Автор более 200 работ по антропологии различных современных и древних народов мира, методике антропологических исследований, биологическим и культурным аспектам человеческого поведения. Ввел в антропологическую практику ряд информативных признаков, на основании которых им и его учениками реконструированы пути и этапы заселения Восточной Европы, Сибири, Японии и Америки. В результате этих работ возникло новое направление антропологии — этническая краниоскопия. Разработал метод интеграции данных по разным системам биологических признаков, позволяющий с высокой степенью надежности устанавливать родственные связи групп и проследивать пути доисторических миграций. Применение метода существенно повысило соответствие между биологической и языковой классификацией человеческих групп, в частности впервые установлено единство происхождения уралоязычных народов. Итогом исследований генезиса, эволюции и культурной трансформации смехового поведения человека стала биокультурная теория смеха. Автор монографий «Этническая краниоскопия», «Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры», «Человек и смех». Член редколлегии журнала «Археология, этнография и антропология Евразии». Читает курсы «Биологические и социальные факторы поведения человека», «Агрессия и культура», «Теория ритуала», «Антропология смеха», «Игра и культура» и др. Вел краниологические исследования в Финляндии, Литве, США, Канаде, Вьетнаме и Японии, участвовал в этологических исследованиях приматов (в том числе детей). Участник антропологических, психологических, лингвистических, философских, этологических и приматологических конференций в России, Украине, Литве, Чехии, Австрии, ФРГ, Великобритании, Франции, Испании, Португалии, США, Канаде, Индии, Узбекистане, Индонезии, ЮАР и на Мадагаскаре, читал лекции в университетах Канады, Японии, Швеции, Эстонии, Финляндии и Швейцарии.

Научное издание

Васильев Сергей Александрович, **Березкин** Юрий Евгеньевич,
Козинцев Александр Григорьевич

**СИБИРЬ
И ПЕРВЫЕ АМЕРИКАНЦЫ**
2-е издание

Редактор *Л. А. Соловьева*
Корректоры *К. В. Белецкая, В. О. Кондратьева*
Технический редактор *Е. М. Денисова*
Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 00.00.2010.
Формат 70 × 100/16. Тираж 000 экз. (1-й завод 300 экз. — РГНФ). Усл. печ. 11 л. Заказ № .
Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11

Отпечатано в типографии ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Искусство России»»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 38/2